

Дж. Р. Р.
ТОЛКИН

Дж. Р. Р.
ТОЛКИН

Под редакцией КРИСТОФЕРА ТОЛКИНА

ПАДЕНИЕ
ГОНДОЛИНА

Иллюстрации Алана Ли

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Т52

J.R.R. Tolkien
THE FALL OF GONDOLIN
illustrated by Alan Lee

Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd.
under the title The Fall of Gondolin

All texts and materials by J.R.R. Tolkien

Под редакцией Кристофера Толкина

Иллюстрации Алана Ли

Перевод с английского Светланы Лихачевой, Анны Хромовой

Компьютерный дизайн Галины Смирновой

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers Limited
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Толкин, Джон Рональд Руэл.

Т52 Падение Гондолина / Джон Р.Р. Толкин ; под редакцией К. Толкина ; иллюстрации Алана Ли ; [перевод с английского С. Лихачевой, А. Хромовой]. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 320 с.

ISBN 978-5-17-133298-3

Внемлите же Сказанию о Туоре, избраннике Ульмо, Владыки Вод, о том, как пала последняя великая эльфийская крепость Гондолин, Град Семи Имен, о доблести и предательстве, о судьбоносных пророчествах и упущенных возможностях...

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

© The Tolkien Trust 2018

© Preface, Introductions, Notes and all other materials by C.R. Tolkien, 2018

© Illustrations by Alan Lee, 2018

© Перевод. С. Лихачева, 2021

© Перевод. А. Хромова, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Содержание

От переводчика: о передаче имен и названий	9
Цветные вклейки	13
Предисловие	15
Иллюстрации	27
Пролог	28
Сказание о падении Гондолина	44
Самый ранний текст	118
Турлин и изгнанники Гондолина	120
Легенда в изложении «Очерка мифологии»	125
Легенда в изложении «Квенты Нолдоринва»	133
Последняя версия	150
Эволюция легенды	204
Заключение	240
Окончание «Очерка мифологии»	242
Окончание «Квенты Нолдоринва»	248
Список имен и названий	265
Дополнительные примечания	296
Краткий глоссарий устаревших, малоупотребимых и вышедших из употребления слов	310

Посвящается моей семье

От переводчика: о передаче имен и названий

Предваряя непосредственно текст, скажем несколько слов о переводческой концепции передачи имен и названий. Транслитерация имен собственных, заимствованных из эльфийских языков, последовательно осуществляется в соответствии с правилами чтения, сформулированными Дж.Р.Р. Толкином в приложении Е к «Властелину Колец» и перенесенными на русскую орфографию. Оговорим лишь несколько наименее самоочевидных и вызывающих наибольшие споры подробностей. Так, в частности:

<L> смягчается между [e], [i] и согласным, а также после [e], [i] на конце слова. Отсюда — Бретиль (*Brethil*), Мелько (*Melko*), но Ульмо (*Ulmo*), Лутиэн (*Luthien*); Эльвэ (*Elwë*), но Олвэ (*Olwë*).

<TH> обозначает глухой звук [θ], <DH> обозначает звонкий [ð]. Эти фонемы не находят достаточно точных соответствий в русском языке и издавна следуют единой орфографической замене через «т» и «д». Мы передаем

графическое *th*, *dh* через «т» и «д» соответственно. Например — Тингол (*Thingol*), Маэдрос (*Maedhros*).

<Е> обозначает звук, по описанию Толкина примерно соответствующий тому же, что в английском слове *were*, то есть не имеющий абсолютно точного соответствия в русском языке. Попытки использовать букву «э» всюду, где в оригинале имеется звук [e] после твердого согласного, то есть практически везде, представляются неправомерными. Звук [э] русского языка, при том, что он, строго говоря, и не соответствует стопроцентно исходному, будучи передаваем через букву «э», создает комичный эффект имитации «восточного» акцента. Та же самая цель (отсутствие смягчения предшествующего согласного) легко достигается методами, для русского языка куда более гармоничными: в словах, воспринимающихся как заимствования, согласный естественным образом не смягчается и перед «е» (так, в слове «эссе» предпоследний согласный звук однозначно твердый).

В системе транслитерации, принятой для данного издания, в именах и названиях, заимствованных из эльфийских языков, буква «э» используется:

— на конце имен собственных, заимствованных из эльфийских языков (тем самым позволяя отличить эльфийские имена от древнеанглийских): Финвэ (*Finwë*) (но Эльфвине (*Aelfwine*)).

— в начале слова и в дифтонгах (во избежание возникновения звука [j]): Галадриэль (*Galadriel*), Эгнор (*Egnor*).

В большинстве же случаев для передачи пресловутого гласного звука используется буква «е»: Берен (*Beren*), Белирианд (*Beleriand*).

В языке квенья *ui, oi, ai, iu, eu, au* — дифтонги (то есть, произносятся как один слог). Все прочие пары гласных (напр. *ëa, ëo*) — двусложные. В языке синдарин дифтонги — *ae, ai, ei, oe, ui, au*.

Для ряда этнонимов в тексте оригинала используются формы множественного числа, образованные по правилам грамматики соответствующих эльфийских языков (*Noldor, Eldar, Noldoli*), но не правилам английской грамматики. В силу этой причины те же формы мы используем в русском переводе как несклоняемые существительные (*нолдор, эльдар, нолдоли* и т.д.).

Согласно правилам постановки ударения в эльфийских именах и названиях, изложенных Дж.Р.Р. Толкином в Приложении Е к «Властелину Колец», ударение в эльфийских языках квенья и синдарин падает на второй от конца слог в двусложных словах (Нарог, Финрод). В словах с большим количеством слогов ударение падает на второй от конца слог, если этот слог содержит в себе долгий гласный звук, дифтонг или гласный звук, за которым следует два или более согласных (Калакирья, Куивизенен, Финголфин). В противном случае ударение падает на предыдущий, третий от конца слог (Мелиан, Лутиэн, Феанор). В «Списке имен и названий» в конце книги для удобства читателя в эльфийской ономастике проставлены ударения.

Отдельного уточнения заслуживает название *Нарготронд*. Согласно вышеизложенному правилу, в данном слу-

чае ударение должно падать на второй от конца слог, поскольку он содержит в себе гласный звук, за которым следует два или более согласных (Нарготронд). Однако в поэмах сам автор последовательно ставит ударение на первый слог (Нарготронд) — в противном случае нарушалась бы ямбическая метрика стиха.

Переводчик благодарит М. Артамонову за профессиональные консультации и С. Беякова за содействие в вычитке готового текста.

С. Лихачева

Цветные вклейки

Лебединая гавань

«Они [номы] пытаются захватить лебяжьи корабли в Лебединой гавани, и начинается сражение...» (стр. 39) (см. цветная вклейка 1)

Тургон усиливает стражу

«...и повелел король повсеместно утроить дозор и стражу...» (стр. 70) (см. цветная вклейка 1)

Королевская башня обрушивается

«Се, башня вспыхнула пламенем и пала огненным столпом...» (стр. 101) (см. цветная вклейка 2)

Глорфиндель и балрог

«...тот балрог, что был среди недругов, атакующих с тыла, одним могучим прыжком вскочил на утесы...» (стр. 112) (см. цветная вклейка 2)

Радужная расселина

«Туор направлен был к руслу реки, что текла под землей, затем по гигантскому ущелью, — а вырвавшись оттуда, бурный поток вливался наконец-то в западное море»
(стр. 128) (см. цветная вклейка 3)

Гора Тарас

«Но впереди показалась горная гряда, преграждавшая путь; на западе она оканчивалась высоким пиком...»
(стр. 164) (см. цветная вклейка 3)

Явление Ульмо Туору

«Раздался удар грома, и над морем сверкнула молния...»
(стр. 170) (см. цветная вклейка 4)

Орфалх Эхор

«Туор увидел перед собой высокую стену, преграждавшую путь...»
(стр. 197) (см. цветная вклейка 4)

Предисловие

В своем предисловии к «Берену и Лутиэн»^{*} я отмечал, что «подготовленная мною на девяносто третьем году жизни, это (предположительно) последняя книга в долгой серии публикаций трудов моего отца». Я употребил слово «предположительно», поскольку на тот момент гипотетически задумывался о том, чтобы издать третье из «Великих Преданий» моего отца, «Падение Гондолина», в том же формате, что и «Берена и Лутиэн». Но мне в это почти не верилось, поэтому я «предположил», что «Берен и Лутиэн» станет последней из моих книг. Однако предположение оказалось ошибочным, и теперь я должен сказать, что «подготовленная мною на девяносто четвертом году жизни книга “Падение Гондолина” (несомненно) станет последней».

В этой книге на материале сложного, многопланового повествования, сотканного из множества сюжетных нитей в разных текстах, видно, как Средиземье продвигалось к концу Первой Эпохи и как представление моего отца о задуманной им истории мира развивалось на протяжении

^{*} Отсылки на данную книгу даются по изданию: Дж.Р.Р. Толкин. Берен и Лутиэн. Под ред. К. Толкина. М.: АСТ, 2019. — Примеч. пер.

долгих лет, пока, наконец, не застопорилось на том варианте, который должен был стать наиболее законченным и проработанным.

Повествование о Средиземье в Древние Дни всегда представляло собою подвижную, изменчивую систему. Моя длинная, запутанная «Историография» этой эпохи и длинной, и запутанностью обязана этому бесконечному «разбуханию»: постоянно добавлялись то новый образ, то новый мотив, то новое имя и, главное, новые взаимосвязи. Мой отец в роли Создателя задумывает крупномасштабную историю мира и по мере того, как пишет, осознает, что в сюжет добавился очередной новый элемент. Приведу в качестве иллюстрации короткий, но весьма примечательный пример — один из многих. Ключевая составляющая сюжета о Падении Гондолина — это путешествие, предпринятое человеком по имени Туор вместе со своим спутником Воронвэ, с целью отыскать сокрытый эльфийский град Гондолин. Мой отец вкратце поведал об этом путешествии в исходном «Сказании», без каких-либо вставных событий, примечательных или нет; но в последней версии, где о походе рассказано гораздо более пространно, однажды утром путники услышали в лесной глуши крик. Мы даже вправе сказать, не «они», а «он», то есть автор, услышал в лесах крик, внезапный и неожиданный*. Появился высокий

* Чтобы показать, что это не фантазия, процитирую письмо отца ко мне от 6 мая 1944 г.: «На сцене возник новый персонаж (честное слово, я его не придумывал; он мне, по правде говоря, и не нужен был вовсе, хотя и пришлось весьма по душе; но вот, откуда ни возьмись, явился и отправился бродить по итилиэнским лесам): Фарамир, брат Боромира». [Здесь и далее — примечания автора; кроме тех, что помечены как «Примеч. пер.»]

человек в черном, с длинным черным мечом в руках, и направился в сторону Туора и Воронвэ, выкликая некое имя, как будто кого-то искал. Но, не сказав ни слова, он прошел мимо.

Туор и Воронвэ не знали, как объяснить появление странного незнакомца, но Создатель истории мира отлично знает, кто это был: не кто иной, как прославленный Турин Турамбар, приходившийся Туору двоюродным братом; он — неведомо для Туора и Воронвэ — бежал из разоренного города Нарготронда. То — отголосок одной из великих легенд Средиземья. О бегстве Турина из Нарготронда рассказывается в «Детях Хурина» (мое издание, стр. 183–184), но об этой встрече там не упоминается, ведь родичи не узнали друг друга — и никогда более не встречались снова.

Дабы проиллюстрировать преобразования, происходящие с ходом времени, сошлемся на ярчайший из примеров — на описание божества Ульмо: согласно изначальным представлениям, он восседает в тростниках на реке Сирион и слагает музыку в сумерках; но много лет спустя повелитель всех вод мира является с моря в разгар шторма в Виньямаре. Ульмо стоит в самом центре грандиозного мифа. При том, что Валинор по большей части ему противостоит, этот могущественный бог тем не менее загадочным образом добивается своего.

Оглядываясь назад, на результаты трудов своих, ныне завершенных спустя почти сорок лет, я полагаю, что моей основополагающей целью было, по крайней мере отчасти, показать, что представляет из себя «Сильмариллион»

и сколь он важен по отношению к «Властелину Колец» — как Первая Эпоха описанного отцом мира Средиземья и Валинора.

Да, существует «Сильмариллион», опубликованный мною в 1977 году, но он был составлен, можно даже сказать «домыслен», так, чтобы получилось связное повествование — много лет спустя после «Властелина Колец». Это грандиозное произведение в возвышенном стиле, как предполагается, восходящее к далекому прошлому и не обладающее ни впечатляющей мощью, ни непосредственной актуальностью «Властелина Колец», может показаться в некотором роде «обособленным». Конечно же, это было неизбежно — в том формате, в каком я предпринял этот труд, ведь повествование о Первой Эпохе обладало радикально иной литературной и художественной природой. Тем не менее я знал, что давным-давно, когда «Властелин Колец» был уже закончен, но задолго до его публикации, мой отец выражал убежденность в том, что Первая Эпоха и Третья Эпоха (мир «Властелина Колец») должны восприниматься и *издаваться* как элементы или составные части *одного и того же произведения*, — и действительно того желал.

В настоящей книге, в главе «Эволюция легенды», я привожу фрагменты пространныго и очень показательного письма, написанного отцом своему издателю, сэру Стэнли Анвину, в феврале 1950 года, вскорости после того, как был дописал «Властелин Колец», — в котором автор высказал все, что наболело у него на душе. В тот момент он, посмеиваясь над самим собою, уверял, что сам ужасается, окидывая взглядом «этого нереализуемого монстра объемом под 600 000 слов», — тем более когда издатели ожидали того,

чего требовали: продолжения к «Хоббиту», в то время как эта новая книга (утверждал мой отец) — «на самом деле продолжение к “Сильмариллиону”».

И мнения своего он так и не изменил. Он даже описывал «Сильмариллион» и «Властелина Колец» как «одну длинную Сагу о Самоцветах и Кольцах». Именно поэтому он выступал против отдельной публикации *любого из этих двух произведений*. Но в конце концов мой отец потерпел поражение, как станет ясно из главы «Эволюция легенды»: он вынужден был признать, что надежды на исполнение его пожелания нет, и согласился на издание «Властелина Колец» отдельной книгой.

После публикации «Сильмариллиона» я принялся разбирать весь корпус оставленных мне отцом рукописей — на что потребовались долгие годы. В «Истории Средиземья» я ограничил себя общим принципом — «скакать стремя в стремя», то есть рассматривать не одно предание за другим по отдельности, в развитии, на протяжении многих лет, но скорее эволюцию повествования в целом. Как я отмечал в предисловии к первому тому «Истории Средиземья»:

...Авторское видение своей собственной концепции исподволь непрестанно менялось, пересматривалось и разрасталось; лишь в «Хоббите» и во «Властелине Колец» оно отчасти проявилось и было зафиксировано в печати при жизни создателя. Поэтому изучать Средиземье и Валинор настолько сложно; ведь объект исследования не был стабильным, а существовал, так сказать, «в вертикальной проекции» во времени (при жизни автора), а не только «в горизонтальной проекции» во времени, как изданная книга, которая более не претерпевает существенных изменений.

Вот почему в силу самой природы этого произведения в «Истории» зачастую разобраться непросто. Когда я решил, что настало время закончить наконец эту долгую серию публикаций, мне пришло в голову попробовать по возможности другой формат: проследить, опираясь на уже опубликованные тексты, одно отдельно взятое предание от самого раннего существующего варианта и вплоть до позднейших переработок, — именно так построена книга «Берен и Лутиэн». В моем издании «Детей Хурина» (2007) я описал в приложении ключевые сюжетные изменения, вносимые в последовательность версий; но в «Берене и Лутиэн» я приводил ранние тексты полностью, начиная с самого первого, исходного варианта «Утраченных сказаний». Теперь, когда не приходится сомневаться, что настоящая книга — последняя, тот же своеобразный формат я использовал и в «Падении Гондолина».

При таком подходе выявляются фрагменты или даже целостные концепции, впоследствии отвергнутые; таково в «Берене и Лутиэн» впечатляющее появление Тевильдо, Князя Котов (пусть и ненадолго). В этом отношении книга «Падение Гондолина» уникальна. В исходной версии сказания сокрушительный штурм Гондолина с помощью немислимого нового оружия представлен так отчетливо и так подробно, что приводятся даже названия конкретных мест в городе, где огонь пожирает здания или где гибнут прославленные воины. В более поздних версиях описания битвы и разрушения города сведены к одному абзацу.

Тот факт, что эпохи в Средиземье перетекают одна в другую, можно наиболее непосредственно прочувствовать

благодаря повторному появлению — вживе, а не в воспоминаниях — персонажей Древних Дней во «Властелине Колец». Бесконечно стар энт по имени Древобрад; энты — древнейший народ, доживший до Третьей Эпохи. Неся Мериадока и Перегрину через Фангорнский лес, он нараспев им рассказывал:

*В ивовых лугах Тасаринана бродил я весной.
А! Краса и благоухание весны в Нан-тасарионе!*

Воистину, когда Древобрад пел хоббитам в Фангорне, уже немало времени прошло с тех пор, как Ульмо, Владыка Вод, явился в Средиземье говорить с Туором. Или вот еще пример: в финале истории мы читаем об Эльронде и Эльросе, сыновьях Эаренделя, — в эпоху более позднюю один станет властителем Ривенделла, а другой — первым королем Нуменора; а пока они еще совсем юны, и один из сыновей Феанора берет их под свое покровительство.

Но здесь в качестве символа Эпох я представляю персонажа по имени Кирдан Корабел. Он был хранителем Нарьи, Кольца Огня, одного из Трех Эльфийских Колец, до тех пор, пока не отдал его Гандальву; о Кирдане говорилось, что он «видел дальше и глубже, нежели кто угодно другой в Средиземье». В Первую Эпоху он правил гаванями Бритомбара и Эглареста на побережье Белерианда; когда же гавани были уничтожены Морготом после Битвы Бессчетных Слез, Кирдан с немногими уцелевшими из своего народа бежал на остров Балар. Там и в устьях Сириона он вновь принялся возводить корабли и по просьбе короля Тургона Гондолинского построил их семь. Эти корабли отплыли на Запад, но ни об одном из них так ничего и не

узнали, кроме последнего. На нем был Воронвэ, отправленный из Гондолина; Воронвэ выжил в кораблекрушении и стал проводником и спутником Туора в их великом походе к Сокрытому Граду.

Много времени спустя, вручая Гандальву Кольцо Огня, Кирдан объявил: «Но что до меня, сердце мое принадлежит Морю, и стану жить я на сумрачном побережье, храня Гавани, до тех пор, пока не отплывет последний корабль». Так что в последний раз Кирдан появляется в последний день Третьей Эпохи. Когда Эльронд и Галадриэль вместе с Бильбо и Фродо подъехали к вратам Серых Гаваней, где дожидался их Гандальв,

Навстречу им вышел Кирдан Корабел. Был он высок и статен, и сед, и стар, и длинна была его борода, но глаза сияли пронзительно-ярко, как звезды; он поклонился прибывшим и промолвил: «Все готово». И ввел их Кирдан в Гавани, и стоял там у причала белоснежный корабль...

Отзвучали слова прощания, и уплывающие взошли на борт:

И вот подняли паруса, и подул ветер, и корабль медленно заскользил прочь по длинному серому заливу, и свет фиала Галадриэли в руках Фродо замерцал и исчез. А корабль вышел в открытое море и уплыл на Запад...

тем самым следуя путем Туора и Идрили, которые в конце Первой Эпохи «отплыли на Запад, держа курс на заходящее солнце, и более не говорится о них ни слова ни в преданиях, ни в песнях».

Сказание «Падение Гондолина» в ходе своей эволюции вбирает в себя множество отсылок к иным легендам, и местам, и векам: к событиям прошлого, что обуславливают действия и представления в настоящем (в контексте данного сказания). В таких случаях очень хочется добавить пояснения или, по крайней мере, какие-то дополнительные сведения; но, памятуя о цели книги, я не стал усеивать текст дополнительными мелкими циферками примечаний. Я ставил своей целью предоставить такого рода подспорья в формате, который можно при желании с легкостью проигнорировать.

Во-первых, в Прологе я привожу цитату из отцовского «Очерка мифологии» 1926 года, чтобы его же собственными словами изложить историю Мира от самого начала вплоть до событий, в итоге приводящих к основанию Гондолина. Во-вторых, я во многих случаях использовал «Список имен и названий» для того, чтобы представить комментарию куда более развернутые, нежели отдельные названия предполагают; кроме того, после «Списка» я добавил несколько отдельных примечаний на самые разные темы, от сотворения Мира до значения имени «Эарендель» и Пророчества Мандоса.

Как обходиться с изменениями в именах и с разнообразием их форм — вопрос крайне сложный. Тем более сложный, что отдельная конкретная форма совсем необязательно указывает на приблизительную дату создания текста, в котором встречается. Мой отец мог внести одно и то же изменение в текст на совершенно разных этапах, как только замечал в этом необходимость. Я не стремился к едино-

образию на протяжении всей книги; то есть не держался одной и той же формы от начала и до конца, и не всегда воспроизводил ту, что представлена в рукописи, но допускал вариации — те, что казались мне наилучшим решением. Так, я сохраняю форму *Ильмир* там, где она встречается вместо *Ульмо*, поскольку ее регулярная повторяемость имеет лингвистическую природу; но всегда исправляю вариант *Торндор* на *Торондор*, «Король Орлов», поскольку мой отец со всей очевидностью собирался произвести эту замену повсеместно.

И наконец, я компоновал содержание книги иначе, нежели в «Берене и Лутиэн». Сперва идут тексты «Сказания», последовательно, один за другим, с краткими комментариями или вовсе без них. Затем приводится рассказ об эволюции сюжета, где, в частности, речь заходит и о том, как мой отец, к превеликому сожалению, оборвал последнюю версию «Сказания» на том моменте, когда Туор прошел сквозь Последние Врата Гондолина.

В заключение я повторю то, что написал почти сорок лет назад:

Таким образом, следует отметить, что единственным полным вариантом истории о пребывании Туора в Гондолине, о его браке с Идрилью Келебриндал, о рождении Эарендила, предательстве Маэглина, разорении города и спасении беглецов — центрального сюжета Первой Эпохи, с точки зрения отца, — так и осталось повествование, написанное им еще в юности*.

* Цит. по: Дж.Р.Р. Толкин. Неоконченные предания. Пер. О. Степашкиной. С. 5. — Примеч. пер.

И Гондолин, и Нарготронд были созданы лишь единожды и уже не воссоздавались заново. Они остались исполненными силы источниками и образами — возможно, тем более сильными именно потому, что никогда не были воссозданы, и никогда не были воссозданы, вероятно, потому, что обладают такой силой.

И хотя мой отец взялся преобразовать Гондолин, до города он так и не добрался вновь: поднявшись по бесконечному ущелью Орфалх Эхор и пройдя через длинную череду геральдических врат, автор замер вместе с Туором при виде Гондолина посреди равнины и так и не пересек Тумладен.

Публикация третьего и последнего из Великих Преданий «в виде самодостаточной истории» для меня стала поводом написать несколько слов в честь труда Алана Ли, который проиллюстрировал каждое из Преданий по очереди. Он привнес в эту работу глубокое понимание внутренней сути декораций и событий, отображенных им из всего многообразия Древних Дней.

Так, в «Детях Хурина» он увидел и изобразил пленного Хурина, прикованного к каменному сиденью на Тангородрине и внимающего страшному проклятию Моргота. А в «Берене и Лутиэн» — последних оставшихся в живых сыновей Феанора, недвижно восседающих верхом на конях и взирающих на новую звезду в западном небе — на Сильмариль, ради которого было отнято столько жизней. А в «Падении Гондолина» художник стоял рядом с Туором и вместе с ним дивился великолепию Сокрытого Города, ради которого Туор проделал такой путь.

И в заключение мне хотелось бы выразить глубокую признательность Крису Смиту из издательства «Харпер-Коллинз» за неоценимую помощь, которую он оказал мне при подготовке этой публикации во всех ее нюансах, благодаря своей придирчивой дотошности, основанной на его знании как требований книгоиздательства, так и сущности данной книги. А еще — моей жене Бейли: без ее неизменной поддержки в ходе долгой работы над этой книгой она бы так и не была закончена. Кроме того, я благодарю всех тех, кто великодушно написал мне, когда казалось, что «Берену и Лутиэн» суждено стать моей последней книгой.

Иллюстрации

	Стр.
Туор ударяет по струнам арфы	28
Туор спускается к сокрытой реке	44
Исфин и Эол	118
Озеро Митрим	120
Горы и море	124
Орлы парят над окружающими горами	125
Дельта реки Сирион	133
Резная фигура Глорфинделя на фоне эльфийских кораблей	149
Риан у Холма Павших	150
Вход в королевский чертог	203
Туор следует за лебедями к Виньямару	204
Гондолин среди снегов	239
Дворец Эктелиона	240
Эльвинг встречает беженцев из Гондолина	242
Герб Эарендила над морем	248

В конце книги приложена карта и генеалогии Дома Беора и владык нолдор. Они с небольшими изменениями заимствованы из книги «Дети Хурина».

Пролог

Я начну эту книгу, снова вернувшись к цитате, которой я предварил «Берена и Лутиэн»: к письму моего отца от 1964 года, в котором он говорит, что написал «из головы» «Падение Гондолина» «во время отпуска из армии по болезни в 1917 году», и в том же самом году — исходный вариант «Берена и Лутиэн».

Касательно года возникают некоторые сомнения в связи с другими отсылками, встречающимися в переписке моего отца. В письме от июня 1955 года он утверждал: «“Падение Гондолина” (и рождение Эарендила) было написано в госпитале и во время отпуска после того, как я пережил битву на Сомме 1916 г.»; а в письме к У.Х. Одену в том же году отец сообщает, что «Падение Гондолина» создавалось «во время отпуска по болезни в конце 1916 г.». А самое раннее из известных мне упоминаний об этом тексте содержится в отцовском сочувственном письме ко мне от 30 апреля 1944 года. «Я начал (рассказывает он) писать

“Историю номов”* в военных бараках, где людей набилось — не протолкнуться, и граммофон гремел во всю мощь». На отпуск по болезни это не слишком-то похоже; но, возможно, отец приступил к работе над сказанием до того, как отправился в отпуск.

Однако в контексте данной книги чрезвычайно важно то, как мой отец охарактеризовал «Падение Гондолина» в письме к У.Х. Одену от 1955 года: как «первое настоящее предание этого воображаемого мира».

Мой отец правил исходный текст «Падения Гондолина» иначе, нежели «Сказание о Тинувизли»: там он стирал первоначальный карандашный текст и вписывал на его место новый вариант. А в данном случае он радикально переработал исходный черновой набросок «Сказания», но вместо того, чтобы стереть карандаш, он записывал отредактированный вариант чернилами поверх него, по ходу работы умножая количество правок. По тем фрагментам, где первоначальный текст поддается прочтению, видно, что автор довольно близко следовал первой версии.

Эту переработку моя мать переписала набело, причем очень аккуратно и точно, учитывая неразборчивость рукописи. Впоследствии отец внес в этот экземпляр множество изменений, причем в разное время. Поскольку в данной книге я не ставил себе задачей подробно рассмотреть все текстологические сложности, что практически всегда сопутствуют изучению трудов моего отца, здесь я привожу текст, переписанный моей матерью, со всеми внесенными в него правками.

* Касательно использования слова «номы» для обозначения народа эльфов, именуемого нолдор (ранее нолдоли), см. «Берен и Лутиэн», стр. 32–33.

Однако в этой связи следует упомянуть, что множество изменений в исходном тексте были сделаны до того, как мой отец весной 1920 года прочел «Сказание» в Эссеистском клубе Эксетер-Колледжа в Оксфорде. В своем вступлении отец извинился за то, что выбрал это произведение вместо какого-нибудь «эссе», и пояснил: «Конечно, она [эта история] никогда прежде не выносилась на суд публики. У меня в голове уже в течение некоторого времени растет (или, скорее, строится) целый цикл событий, происходивших в выдуманной мною Эльфийской стране. Некоторые эпизоды были наспех записаны. Эта история — не лучшая из них, но она — единственная, которая, хотя бы отчасти, была выправлена, и, хотя она еще требует правки, я все же осмелюсь ее прочесть»^{*}.

Изначально сказание было озаглавлено «Туор и изгнанники Гондолина», но мой отец всегда называл его «Падение Гондолина», и я поступаю так же. В рукописи за заголовком следуют слова «предыстория Великого Сказания об Эаренделе». Его рассказчиком на Одинокоем острове (о нем см. «Берен и Лутиэн», стр. 34–35) выступает Сердечко (Ильфиниол), сын того самого Бронвега (Воронвэ), который играет в Сказании столь важную роль.

В силу самой природы третьего из «Великих Преданий» Древних Дней грандиозное изменение в мире Богов и эльфов имеет самое непосредственное отношение к повествованию о Падении Гондолина — более того, является его

^{*} Цит. по: Дж.Р.Р. Толкин. Неоконченные предания. Пер. О. Степашкиной. С. 5. — Примеч. пер.

составляющей частью. Необходимо краткое изложение этих событий; и, чем составлять его самому, я решил, что будет гораздо правильнее воспользоваться сжатым и весьма специфическим произведением моего отца. Это «Изначальный «Сильмариллион»» (он же — «Очерк мифологии»), как называл его сам автор, — датированный 1926 годом и впоследствии переработанный. Я приводил этот текст в «Берене и Лутизэн»; я включил его в настоящую книгу как одну из составляющих в эволюции сказания «Падение Гондолина»; но здесь я его использую в качестве краткого изложения предыстории возникновения Гондолина, тем более что сам он восходит к очень раннему периоду.

С учетом поставленной цели я опустил фрагменты, здесь к делу не относящиеся, и тут и там для ясности внес небольшие мелкие изменения и добавления. Мой текст начинается с того же момента, что и исходный «Очерк».

После того как Девять Валар отосланы управлять миром, Моргот (Демон Тьмы) восстает против верховной власти Манвэ, низвергает светильни, воздвигнутые, чтобы освещать мир, и затапливает остров Алмарен, на котором обитали Валар (или Боги). На Севере он укрепляет дворец с подземельями. Валар удаляются на заокраинный Запад, огражденный Внешними морями и последней Стеной, а в восточной части — исполинскими Горами Валинора: их воздвигли сами Боги. В Валиноре собирают Валар весь свет и немало всего прекрасного, и возводят дворцы, и сады, и город, но Манвэ и его супруга Варда обитают в чертогах на высочайшей горе (Таникветили); оттуда виден им весь мир вплоть до темных восточных пределов. Йаванна Палу-

риэн сажает Два Древа посреди равнины Валинора за вратами града Валмар. Растут они под ее песни; листья одного из них темно-зелены и сияют серебром в нижней части; а цветы — белые под стать вишне, и с лепестков их стекает росой серебристый свет; у второго листья, светло-зеленые, окаймленные золотом, как у бука, а цветы — желтые, точно висячие кисти раkitника, и испускают жар и ослепительно-яркий свет. Великолепное сияние каждого из деревьев в течение семи часов разгорается все ярче, а затем в течение семи же часов убывает; посему дважды в день наступает час приглушенного света, когда каждое из деревьев меркнет и свет их сливается воедино.

Внешние земли [Средиземье] погружены во тьму. Все пошло было в рост, но рост приостановился, когда Моргот загасил святильни. Уже высятся леса, обитель тьмы: и тиса, и ели, и плюща. Там порою охотится Оромэ, но на Севере властвуют Моргот и его демонические отродья (балроги) и орки (гоблины, также прозываемые *гламхот*, племя ненависти). Варда глядит на одетый тьмою мир и преисполняется сострадания, и, взяв весь собранный свет Сильпиона, Белого Древа, она сотворяет и рассыпает звезды.

С созданием звезд пробуждаются дети Земли — эльдар (или эльфы). Их находит Оромэ — там, где поселились они, у озаренной звездами заводи, у Куивизнена, Вод Пробуждения, на Востоке. Оромэ скачет домой в Валинор, восхищенный их красотой, и извещает Валар; они вынуждены вспомнить о своем долге по отношению к Земле, ибо явились они туда, зная, что призваны управлять ею во имя двух народов Земли, кои придут позже, и каждый — в назначенный

срок. Следует экспедиция к крепости Севера (к Ангбанду, Железной преисподней), но теперь Валар уже не по силам уничтожить твердыню. Однако ж Моргот взят в плен и заточен в чертогах Мандоса, обитавшего на севере Валинора.

Эльдалиэ (народ эльфов) приглашены в Валинор из опасения перед злобными тварями Моргота, что все еще обретались во тьме. Эльдар выступают с Востока в великий поход, возглавляемые Оромэ верхом на его белом скакуне. Эльдар поделены на три отряда: одни, под началом Ингвэ, впоследствии прозывались квенди (Светлые эльфы); другие впоследствии прозывались нолдоли (номы, или Глубокомудрые эльфы); третьи впоследствии прозывались телери (Морские эльфы). Многие из них потерялись в пути и скитаются по лесам мира; впоследствии от них пошли многие рода илькоринди (эльфы, что никогда не жили в Коре в Валиноре). Из них превыше прочих стоит Тингол, что услышал Мелиан и пение ее соловьев, и подпал под власть чар, и уснул на целый век. Мелиан была одной из божественных дев Валы Лоризна и порою забредала во внешний мир. Мелиан и Тингол стали королем и королевой лесных эльфов Дориата и жили в чертоге под названием Тысяча Пещер.

Прочие эльфы добрались до крайних берегов Запада. На Севере они в те дни отлого понижались к западу, так что в конце концов лишь узкое море отделяло их от земли Богов, и это узкое море загромождал скрежещущий лед. Но в той оконечности, куда пришли отряды эльфов, к западу простиралась бескрайняя темная пучина.

Валар Моря было двое. Ульмо (Ильмир), самый могущественный из Валар после Манвэ, был владыкой всех вод,

но часто жил в Валиноре, или во Внешних морях. Оссэ и владычице Уинен, чьи длинные пряди пронизывали весь океан, более милы были моря мира, что омывали берега под сенью Гор Валинора. Ульмо выкорчевал наполовину затонувший остров Алмарен, где Валар обитали поначалу, и, приняв на него нолдоли и квенди, что прибыли первыми, переправил их в Валинор. Телери же какое-то время жили на побережье, дожидаясь Ильмира; отсюда их любовь к морю. Когда же Ульмо переправлял и их, Оссэ из ревности и из любви к их пению приковал остров цепями к морскому дну у выхода из залива Фаэри, откуда Горы Валинора едва видны. Никаких других земель подле не было, потому прозывался он Одиноким островом. Там телери прожили долгий век, и наречие их сделалось иным, и переняли они странную музыку Оссэ, а тот на радость им создал морских птиц.

Прочим эльдар Боги даровали кров в Валиноре. Поскольку эльфы даже среди осиянных Древами садов Валинора тосковали по звездному отблеску, в опоясывающих горах прорублена была брешь, и там, в глубокой долине, возвели зеленый холм Кор. С Запада холм тот озаряли Древа; на Востоке глядел он на Залив Фаэри и Одинокий остров, и далее, на Тенистые моря. Так часть благословенного света Валинора просачивалась во Внешние земли [Средиземье] и изливалась на Одинокий остров, так что западные его берега сделались зелены и прекрасны.

На вершине Кора воздвигся град эльфов, и назвали его Тун. Манвэ и Варда более прочих возлюбили квенди, но Аулэ (Кузнец) и мудрый Мандос — нолдоли. Нолдоли измыслили драгоценные камни и сотворили их несметное число, заполняя ими весь Тун и все чертоги Богов.

Всех нолдоли превосходил в искусстве и магии старший сын Финвэ* Феанор. Он сработал три самоцвета (Сильмарили) и вложил в них живой огонь, составленный из света Двух Древ; камни сияли собственным светом и обжигали нечистые руки.

Телери, различая вдали отблеск Валинора, разрывались между желанием воссоединиться с родней своей и жить у моря. Ульмо обучил их ремеслу судостроения. Оссэ, уступив, подарил им лебедей, и впрягли телери множество птиц в свои ладьи, и отплыли в Валинор, и поселились там на побережье, откуда видели свет Дерев, и могли, коли захочется, бывать в Валмаре; могли и плавать по водам и танцевать в волнах, подсвеченных сиянием, что струилось мимо Кора. Прочие эльдар подарили им множество самоцветов, особенно же опалы и бриллианты и прочие бледные кристаллы, кои рассыпаны были по взморью Залива Фаэри. Сами же телери измыслили жемчуга. Их главным городом стала Лебедина гавань на побережье к северу от устья Кора.

И вот Боги были обмануты Морготом, который, проведя семь веков в темницах Мандоса (причем муки его постепенно смягчались), в должный срок предстал перед советом Богов. И глядит он со злобой и алчностью на эльдар, что тоже восседают там подле колен Богов, и особенно преисполняется вожделения к драгоценным камням. Но он

* Финвэ возглавлял нолдоли во время великого похода от Куи-визнена. Его старшим сыном был Феанор, вторым — Финголфин, отец Фингона и Тургона; а третьим — Финарфин, отец Финрода Фелагунда.

скрывает свою ненависть и жажду мщения. Дозволено ему скромное жилище в Валиноре, и со временем он уже свободно расхаживает по всему Валинору; один лишь Ульмо предчувствует недоброе, да могучий Тулкас, что ранее захватил его в плен, зорко за ним приглядывает. Моргот помогает эльдар во многих делах, но постепенно отравляет их покой ложью.

Моргот намекает, что Боги призвали их в Валинор из зависти, убоявшись, что их чудесное искусство, и магия, и красота во внешнем мире возрастут непомерно — так, что Боги окажутся перед ними бессильны. Квенди и телери не внемлют его речам, но нолдоли, мудрейшие из эльфов, поддаются под их влияние. Они то и дело принимаются роптать против Богов и их народа; они тщеславятся своим искусством.

Более всего Моргот раздувает пламя сердца Феанора, однако все это время алчет бессмертных Сильмарилей, хотя Феанор проклял навеки любого, кто прикоснется к камням, будь то Бог, или эльф, или смертный, что придет впоследствии. Моргот же, лукавя, говорит Феанору, что, дескать, Финголфин и сын его Фингон замышляют захватить власть над номами, отняв ее у Феанора и его сынов, и отобрать Сильмарили. Между сынами Финвэ вспыхивает ссора. Феанор призван предстать перед Богами, и лживые наветы Моргота разоблачены. Феанор изгнан из Туна, и вместе с ним уходит Финвэ, который любит Феанора превыше всех своих сыновей, и многие номы. Они строят Сокровищницу на севере Валинора в холмах близ чертогов Мандоса. Финголфин правит номами, оставшимися в Туне. Так слова Моргота словно бы обернулись истиной, и горечь обид, посеянная Морготом, не убывает, хотя речи его и опровергнуты.

Тулкас послан снова заковать Моргота в цепи, но Моргот бежит через ущелье Кора в одетую тьмой область у подножия горы Таникветиль под названием Арвалин, где лежит густая тень — в целом мире нет ее непрогляднее. Там находит он Унголиант, Прядильщицу Мглы, что обитает в расщелине скал, и поглощает свет и все, что сияет, и прядет из них сети черноты, и удушливой тьмы, и тумана, и мрака. Вместе с ней Моргот строит планы мести. Однако лишь ужасная награда способна заставить ее бросить вызов опасностям Валинора и зоркости Богов. Она тклет вокруг себя густую мглу защиты ради и перебирается от вершины к вершине по веревкам, и поднимается наконец на высочайший пик гор к югу от Валинора (почти не охраняемых по причине их высоты и удаленности от старой крепости Моргота). Она плетет лестницу, чтобы мог подняться и Моргот. Они прокрадываются в Валинор. Моргот пронзает Древа, а Унголиант выпивает до капли их соки, изрыгая клубы мрака. Древа медленно гибнут, умерщвленные отравленным мечом и ядовитыми губами Унголиант.

Боги приходят в ужас, видя, как в полдень наступают сумерки и черные испарения стелются по улицам города. Но Боги опоздали. Под их стенания Древа умирают. Тулкас и Оромэ, и многие другие верхом преследуют Моргота в сгущающейся тьме. Куда бы ни направился Моргот, там благодаря сетям Унголиант всего непрогляднее сбивающая с толку мгла. Являются номы из Сокровищницы Финвэ и сообщают, что Морготу помогает паучиха тьмы. Они видят, как те направляются на Север. Моргот же, спасаясь бегством, задержался в Сокровищнице, сразил Финвэ и многих его подданных и унес Сильмарили и несметное количество великолепнейших эльфийских самоцветов.

Между тем Моргот с помощью Унголиант уходит от погони на север и пересекает Скрежещущий Лед. Когда же он возвращается в северные области мира, Унголиант требует выплатить ей вторую половину вознаграждения. Первую половину составлял сок Древ Света. Теперь она притязает на половину драгоценностей. Моргот уступает ей сокровища, и она пожирает их. К тому времени она вырастает до чудовищных размеров, но Моргот наотрез отказывается делиться с ней Сильмарилями. Она оплетает Моргота черной паутиной, но его вызволяют балроги с огненными бичами и полчища орков; Унголиант же перебирается на окраинный Юг.

Моргот возвращается в Ангбанд; там его мощь и сонмы его демонов и орков умножаются многократно. Он выковывает себе железную корону и вставляет в нее Сильмарили, хотя его руки обгорают дочерна от прикосновения к ним, и впоследствии боль от ожогов так и не утихает. С короной Моргот не расстанется ни на миг и никогда не покидает глубоких подземелий своей крепости, управляя бесчисленными воинствами со своего глубинного трона.

Когда наконец не осталось сомнений в том, что Моргот бежал, Боги сходятся к мертвым Древам и долго сидят во тьме, потрясенные и немые, и ни до чего им нет дела. Для своего набега Моргот избрал день празднества всего Валинора. В тот день по заведенному обычаю верховные Валар и многие эльфы, в особенности же квенди, бесконечной процессией восходили по долгим извилистым тропам к чер-

тогам Манвэ на горе Таникветиль. Все квенди и некоторые нолдоли (что все еще обитали в Туне под властью Финголфина) ушли на Таникветиль и пели на горней ее вышине, когда часовые издалека углядели, что свет Древ меркнет. Нолдоли в большинстве своем пребывали на равнине, а телери на побережье. И вот через ущелье Кора с моря тянутся туманы и тьма — теперь, когда умерли Древа. Феанор призывает номов в Тун (взбунтовавшись против назначенного ему изгнания).

На вершине Кора, на площади у башни Инга, в свете факелов сходятся бесчисленные толпы. Феанор держит ожесточенную речь, и хотя ярость его обращена против Моргота, слова его отчасти являются плодами Морготовых наветов. Он велит номам бежать под покровом тьмы, пока Боги погружены в скорбь, дабы обрести свободу в мире и отыскать Моргота, теперь, когда Валинор уже не более благословен, нежели внешние пределы. Финголфин и Фингон ему возражают. Собравшиеся номы большинством решают в пользу бегства, и Финголфин и Фингон уступают, ибо не хотят покинуть народ свой, но под их началом остается половина народа нолдоли.

Поход начинается. Телери примкнуть отказываются. Номы не могут бежать без судов и не решаются переправляться через Скрежешущий Лед. Они пытаются захватить лебязьи корабли в Лебединой гавани, и начинается сражение (первое между народами Земли), в котором гибнут многие телери, а корабли их уведены прочь. На номов налагается проклятие: им суждено впоследствии то и дело страдать от предательства и от страха перед предательством среди своей же родни в наказание за кровь, пролитую в Ле-

бединой гавани. Они плывут на Север вдоль берега Валинора. Мандос шлет посланника, и тот окликает номов с высокого утеса, когда они проплывают мимо, и предостерегает: пусть возвратятся; когда же номы отказываются, изрекает «Пророчество Мандоса» касательно судеб грядущих дней.

Номы добираются до того места, где моря всего уже, и готовятся плыть. Пока они стоят лагерем на берегу, Феанор и его сыны и подданные отплывают, забрав с собою все ладьи, и предательски покидают Финголфина на дальнем берегу: так начинает сбываться проклятье Лебединой гавани. Едва высадившись на Востоке мира, они сжигают корабли, и народ Финголфина видит ответ в небе. Тот же самый ответ извещает о высадке и орков.

Народ Финголфина неприкаянно бродит от места к месту. Некоторые под началом Финголфина возвращаются в Валинор просить Богов о прощении. Фингон ведет основное воинство на Север и через Скрежешущий Лед. Многие гибнут.

В число стихотворных произведений, которые мой отец начал за годы своего пребывания в Лидском университете (в первую очередь это аллитерационная «Песнь о детях Хурина»), входит и «Бегство нолдоли из Валинора». Эта поэма, тоже написанная аллитерационным стихом, обрывается на 150 строке. Не подлежит сомнению, что она была написана в Лидсе и, как мне кажется, скорее всего в 1925 году, — именно тогда Толкин вступил в должность профессора англосаксонского языка в Оксфорде. Я частично про-

цитирую этот поэтический отрывок, начиная с «на вершине Кора, на площади <...> сходятся бесчисленные толпы», — этот эпизод описан в соответствующем фрагменте «Очерка мифологии», стр. 32. Финн в строках 4 и 16 — это номская форма имени Финвэ, отца Феанора; Бредиль в строке 49 — имя Варды на языке номов.

А номы, сочтены по именам и родству,
 Пришли, призваны, на площадь великую
 На вершине Кора. Там взывал громко
 Сын Финна яростный. Факелы жаркие
 Вознес он ввысь, вращая в руках, — 5
 В тех руках искусных, что сокрытую тайну
 Ремесла постигли; ни смертный, ни ном
 Ни умение их, ни магию не переймет никогда.
 «Ло! повержен отец мой вражьем мечом;
 Смерть испил он у стен чертогов, 10
 У сокровищниц крепких, где, сокрыты во мгле,
 Хранились те Три несравненных камня,
 Что не создадут заново ни Девять Валар,
 Ни ном, ни эльф; не дано возродить их
 Ни магией, ни умением; замены им не исполнит 15
 Сам Феанор, сын Финна, что форму придал им.
 Жар утрачен, зажегший их встарь,
 Рок свершился над родом Фазри.
 Так мудрость от недомыслия сумела снискать
 Зависть Богов, что заперли нас 20
 В сладостных клетках — прислуживать, петь им,
 Гранить им камни, побрякушки занятные,
 Досуг их скрашивать красою обличия;
 Они ж на ветер бросают вековые творения;
 Не могут Моргота превозмочь, созывая 25
 Совет за советом! Все, в ком живы

Надежда и доблесть, идите на зов мой,
 К бегству, к свободе в забытых землях!
 Чащобы мира — чертоги раздольные,
 Что дремлют издревле, одетые мраком; 30
 Равнины вольные, сокровенные берега,
 Где лунный луч не льется доселе,
 Заря в убранстве росном не блещет, —
 Стопам бесстрашных пристали более,
 Чем кущи Богов в оковах тьмы, 35
 Оплот праздности, где пусты — дни.
 Да! Свет сиял там; их краса запредельная
 Превыше помыслов в плену нас держала
 Здесь годы и годы. Но угас тот свет.
 Сокровища сгинули, самоцветы украдены, 40
 А Три, мои Три, трижды закланные
 Сферы хрустальные, светом немеркнувшим
 Зажжены, наполнены ожившим заревом,
 Переливчатым блеском пламени ярого —
 Моргот замкнул их в мрачной крепости, — 45
 Мои Сильмарили. Сим словом навеки
 Оковы крепкие клятвы приемлю:
 Тимбрентингом и чертогами вечными
 Бредиль Благословенной, ее обителью горной, —
 Да услышь она слово! — спешишь клянусь я 50
 Через весь мир и море, не мысля об отдыхе,
 Через гряды горные и угожья бескрайние,
 Через трясины и скалы, и снежные бури,
 Чтоб сыскать самоцветы, в коих судьбы замкнуты
 И сокрыт рок народа Эльфланда; 55
 Лишь в их сердце сияет ныне свет перевозданный».

И семь сынов его высокого рода:
 Крантир темный, Куруфин искусный,
 Дамрод и Дириэль, и дивный Келегорн,
 Маглор могучий и Майдрос статный 60

Пролог

(Старший; страсть в нем сильнее полыхала
Гнева отцовского, огня Феанора;
Доля недобрая поджидала его), —
Все вышли, встали вокруг отца, смеясь,
Взялись за руки, поклялись легко 65
Крепкою клятвой, что крови впоследствии
Пролила ливни, лезвия затупила
Воинств несметных, но жива и поныне.

Сказание о падении Гондолина

Так молвил Сердечко, сын Бронвега: «Узнайте же, что Туор был смертным человеком и жил в незапамятные времена в той северной земле, что зовется Дор-ломин, или Земля Теней; из эльдар лучше всех знают ее нолдоли.

Народ Туора скитался в лесах и холмах, и ведасть не ведал о море, и не пел о нем; Туор же жил не с сородичами, а в одиночестве, близ озера под названием Митрим, охотился в окрестных лесах, а не то так играл у берегов на своей грубой деревянной арфе со струнами из медвежьих жил. Многие, прослышав о власти его безыскусных песен, приходили из ближних и дальних краев послушать игру его, но Туор умолкал и уходил в безлюдную глушь. Здесь узнал он много всего дивного и свел знакомство со скитальцами-нолдоли, а те обучили его своему языку и своей мудрости; но не суждено ему было провести в тех лесах всю свою жизнь.

Говорится, будто магия и судьба привели его однажды ко входу в пещеристый провал, вниз по которому из Ми-

трима утекала подземная река. И вошел Туор в ту пещеру, надеясь вызнать ее секрет, но митримские воды подхватили и повлекли его за собою в самое сердце горы, и не смог он выбраться назад, к свету. И говорится, будто такова была воля Ульмо Владыки Вод, по чьей подсказке нолдоли проложили этот потаенный путь.

И явились нолдоли к Туору, и провели его по темным туннелям среди скал, и вот выбрался он снова на свет и увидел, что река стремительно несется по глубокому ущелью, стены которого неприступны. Но Туор уже раздумал возвращаться: он шел все вперед и вперед, и река неизменно вела его на запад.

Солнце вставало за его спиной и садилось у него перед глазами; там, где вода вспенивалась среди нагромождений валунов или низвергалась водопадами, над ущельем порою ткались радуги, но вечерами его гладкие стены сверкали в лучах заката, и потому Туор назвал это место Златой расселиной, или Тесниной Радужной Кровли: на языке номов — Глорфалк, или Крис Ильбрантелот.

Так шел Туор три дня, утолял жажду водою потаенной реки, а насыщался рыбой; рыбы здесь водились золотые, синие и серебряные — самых разных причудливых видов. Наконец ущелье расширилось, и по мере того как стены его размыкались и понижались, они делались все более неровными и шероховатыми, а русло реки все больше загромождали валуны, образуя пенные перекаты. Здесь Туор подолгу сиживал, любуясь плескучей водой и вслушиваясь в ее голос, а потом вставал и устремлялся дальше, перепрыгивая с камня на камень, и распевал на ходу; а когда узкую полосу неба над расселиной усыпáли звезды, он брался за арфу, и эхо вторило буйному перезвону струн.

Однажды ближе к ночи, после долгого и утомительного перехода, Туор слышал крик и взять не мог в толк, кто бы это мог быть. То говорил он себе: «Это местный дух, не иначе», то: «Нет, это, верно, какой-то мелкий зверек стенает среди скал»; а то казалось Туору, будто это голос неведомой птицы — незнакомый ему и до странности печальный; а поскольку за все время пути вниз по Златой расселине не слышал он птичьего пения, порадовался он этому кличу, пусть и такому горестному. На следующий день поутру вновь донесся с вышины тот же крик, и, запрокинув голову, Туор увидел трех больших белых птиц: они летели на могучих крыльях назад, вверх по ущелью, и издавали звуки сродни тем, что разносились в сумерках. То были чайки, птицы Оссэ.

В этой части течения реки над водою поднимались каменные островки, а по берегам тут и там громоздились обломки скал, окаймленные белым песком, так что идти стало трудно, и, поискав немного, Туор нашел место, где ему наконец-то с большим трудом удалось вскарабкаться по склону наверх. Там в лицо ему ударил свежий ветер, и промолвил Туор: «Отрадно мне, словно вина испил!»; но не ведал Туор, что неподалеку — Великое море.

Туор двинулся дальше вдоль реки: мало-помалу ущелье вновь сузилось, а стены его вздымались все выше, так что теперь шел он по краю головокружительного утеса; и вот он добрался до узкой горловины ущелья, что наполнилась громовым шумом. Туор поглядел вниз — и увидел величайшее из чудес: казалось, яростный поток, взбурлив, катится вверх по расселине и теснит реку обратно к ее истоку, но река, что примчалась из далекого Митрима, все напирала и напирала, и стена воды, увенчанная пеной и взвихренная ветрами, поднималась все выше, к самой кромке утеса.

И вот, одолев воды Митрима, наступающая волна с ревом хлынула вверх по ущелью, и затопила каменные островки, и взбаламутила белый песок — так что Туор бежал в страхе, ибо не знал он обычаев Моря. Сами Айнуры вложили в его сердце мысль выбраться из ущелья незадолго до того, иначе захлестнул бы его прилив, в тот день особенно яростный, ибо ветер дул с запада. И оказался Туор в неприятном безлесном краю, выметенном ветром, что налетал со стороны заката; и все кусты и заросли клонились к восходу, ибо ветер тот дул, не меняясь. Там какое-то время блуждал Туор, пока не вышел к черным утесам у моря и не увидел впервые океан и его волны, и в этот самый час солнце село за оком земли далеко в море, Туор же стоял на вершине утеса, раскинув руки, и сердце его наполнилось неодолимой тоской. Иные говорят, будто он первым из людей достиг Моря, и взглянул на него, и изведal жажду, что рождает оно, но не знаю, много ли в том правды.

В тех краях и поселился Туор: он обосновался в бухточке, защищенной громадными угольно-черными скалами; ее устилал белый песок, и лишь при высоком приливе отчасти заливала синяя вода; туда не долетали ни пена, ни брызги, кроме как при самой яростной буре. Долго Туор прожил там один: он то бродил вдоль берега, то пробирался через скалы при отливе, дивясь на заводы и гигантские водоросли, на влажные гrotы и на незнакомых морских птиц, коих он впервые увидел и узнал; но прилив и отлив, и голос волн всегда оставались для него величайшим чудом, неизменно новым и немыслимым.

А надо сказать, что Туор частенько плавал в маленьком челноке, резной нос которого подобился лебединой шее, по спокойным водам Митрима, над которыми далеко раз-

носились крики утки или водяной курочки; лодочку свою он потерял в тот день, когда отыскал сокрытую реку. Выходить в море Туор до поры не решался, хотя сердце неизменно побуждало его к тому, полнясь странной тоскою, и тихими вечерами, когда солнце опускалось за край моря, тоска эта перерастала в неодолимую жажду.

По сокрытой реке приплывали к нему бревна; то было доброе дерево — нолдоли рубили его в лесах Дор-ломина и с умыслом сплавляли Туору. Но тот пока что ничего не строил, кроме разве дома в укромном уголке своей бухты, что в сказаниях эльдар с тех пор получила название Фаласквиль. Неспешно трудясь, украсил Туор то жилище чудесными резными изображениями зверей и деревьев, цветов и птиц, памятных ему по окрестностям Митримского озера, а главным среди них был Лебедь, ибо Туор любил этот образ, и впоследствии стал он гербом самого Туора, и родни его, и его народа. Там прожил Туор очень долго, до тех пор, пока одиночество пустынного моря не вошло в его сердце, и даже Туор-отшельник возмечтал о голосе человеческого. Тогда пришлось вмешаться Айнур, ибо Ульмо возлюбил Туора.

Однажды утром, обедая взглядом берег — а случилось это в последние дни лета, — увидел Туор, что высоко в небе с севера летят на могучих крылах три лебедя. Прежде в здешних краях он этих птиц не встречал, и счел сие за знак, и молвил: «Давно в сердце своем порешил я отправиться в дальний поход; ло! — теперь, наконец, последую я за этими лебедями». Се, лебеди опустились на воду, трижды проплыли вокруг бухты и вновь взмыли ввысь, и неспешно полетели вдоль берега на юг, и Туор, взяв арфу и копье, двинулся за ними.

В тот день Туор оставил за спиной немало лиг и еще до вечера пришел в край, где вновь появились деревья: очертания здешних земель разительно отличались от побережья Фаласквилья. Там Туор знал могучие утесы, изрезанные пещерами, и гигантские морские гейзеры, и бухты, загражденные стенами скал, а от крутого обрыва неприятное, суровое плато уводило на восток — туда, где вдалеке синела кромка холмов. Теперь же Туор видел перед собою протяженный отлогий берег и песчаные косы, в то время как далекие холмы подступали все ближе к побережью, их темные склоны одевались соснами и елями, а у подножия росли березы и древние дубы. От холмов потоки пресной воды сбегали по узким расщелинам вниз, к взморью, и вливались в соленые волны. Порою встречались трещины настолько широкие, что и не перепрыгнешь; идти зачастую было куда как непросто, но Туор упорно пробирался все дальше, ведь лебеди по-прежнему вели его за собою: они то кружили над головой, а то устремлялись вперед, но на землю ни разу и не опустились, и шум их гулких крыл ободрял скитальца.

Говорится, что так шел Туор вперед много дней подряд, а с Севера надвигалась зима — и нагнала-таки неутомимого путника. Тем не менее с началом весны добрался Туор, не пострадав ни от непогоды, ни от дикого зверя, к устью некоей реки. А надо сказать, что здесь раскинулся край более приветный, нежели у выхода из Златой расселины дальше к северу; более того, побережье изгибалось так, что море теперь находилось от Туора скорее к югу, нежели к западу, как он примечал по солнцу и звездам; однако ж до сих пор неизменно оставалось по правую его руку.

Река текла по красивому руслу, а по берегам ее пролегли плодородные земли: травы и заливные луга с одной стороны, поросшие деревьями склоны с другой; она мешкотно струилась навстречу морю, а не вступала с ним в ярую битву, как Митримский поток на севере. Над водой выступали длинные островки, заросшие тростником и густым кустарником; а ближе к устью протянулись песчаные отмели. Эти места облюбовали сонмы птиц: таких огромных стай Туор нигде еще не видывал. Отовсюду доносились пронзительные кличи, стенания и пересвист; и там, в туче белых крыльев, Туор потерял из виду трех лебедей и более никогда уж их не встречал.

А Туор до поры подустал от моря, ибо немало тягот претерпел в пути. Вышло так не без вмешательства Ульмо: в ту ночь явились к путнику нолдоли, и Туор пробудился ото сна. При свете их синих светильников он отыскал путь вдоль реки и зашагал прочь от побережья, да так быстро, что, когда рассвет заполонил небо по его правую руку, ло! — и море, и голос моря остались далеко позади, а ветер дул Туору в лицо, так что морем даже не пахло. И вскорости добрался Туор до того края, что зовется Арлисион, «обитель тростников» — в той земле, что лежит к югу от Дорломина и отделена от него Тенистыми горами: их отроги тянутся к самому морю. С этих-то гор и сбегала река, и воды ее даже здесь были кристально-прозрачны и на диво холодны. Река сия прославлена превыше прочих в истории эльдар и нолдоли и на всех языках зовется Сирион. Здесь Туор отдыхал какое-то время, но вот, побуждаем смутным стремлением, вновь воспрял и зашагал дальше и дальше вверх по реке, и шел так много дней подряд. Весна стояла в разгаре и еще не привела за собою лето, когда достиг он

земель еще более прекрасных. Здесь повсюду вокруг звенели дивной музыкой трели мелких птах, ибо нигде не поют птицы так сладко, как в Краю Ив; в эту чудесную страну и пришел ныне Туор. Здесь река петляла широкими извилами промеж пологих берегов по обширной равнине, поросшей благоуханнейшими травами, высокими и зелеными; по-над водой росли древние, позабывшие счет годам ивы, а на широкой водной глади покачивались листья кувшинок: в это раннее время года они еще не цвели, но под ивами боевым строем взметнулись зеленые мечи касатиков, и осока, и тростники. Здесь, в темных уголках, жил дух шорохов, и в сумерках нашептывал Туору свои сказки, и не хотелось Туору уходить; и поутру хотелось еще меньше, так великолепны были бессчетные лютики, и задержался странник в этом краю.

Там увидел он первых бабочек и порадовался им; и говорит, будто все бабочки и родня их появились на свет в долине Края Ив. И вот пришло лето, и настала пора ночных мотыльков и вечерней теплыни, и дивился Туор множеству мошек и жужжанию их, и стрекотанию жуков, и гудению пчел; и всем этим созданиям Туор давал имена, и вплетал имена эти в новые песни, перебирая струны своей старой арфы; и песни эти были нежнее и мягче, нежели встарь.

И убоился Ульмо, как бы Туор не поселился там навсегда — ведь тогда не исполнились бы великие замыслы Владыки Вод. И не решался он более доверить одним лишь нолдоли направлять Туора, ибо служили они ему втайне и из страха перед Мелько колебались и мешкали. Да и недоставало им сил противостоять волшебству той ивовой страны, ибо воистину могучи были ее чары.

Се! Ульмо вскочил на свою колесницу, ожидающую у врат дворца под недвижными водами Внешнего моря; а колесницу ту влекли нарвал и морской лев, видом же походила она на кита; и, вострубив в гигантские раковины, понесся Ульмо прочь из Улмонана. И так стремительно мчался он, что спустя дни, а вовсе не бесчисленные годы, как можно было бы предположить, достиг он устья реки. Вверх по реке колесница подняться не могла, не учинив урона водам и берегам; потому Ульмо, любящий все реки, а эту паче прочих, далее отправился пешком, облаченный в кольчугу до пояса, словно бы из чешуи синих и серебряных рыб; а кудри его отливали голубоватым серебром, равно как и ниспадающая до земли борода; и не было на нем ни венца, ни шлема. Из-под кольчуги выбивались полы его переливчато-зеленой туники; из чего сотканы они были, неведомо, но тот, кто всматривался в глубины этих неуловимых оттенков, словно бы видел, как колыхаются придонные воды, пронизанные потаенными огоньками светящихся рыб, что живут в пучине. А препоясан он был нитью крупных жемчужин, а обут в могучие каменные башмаки.

Взял Ульмо с собою также и свой громадный музыкальный инструмент невиданной формы, сработанный из множества длинных витых раковин, в коих проделаны отверстия. Дуя в раковины и перебирая отверстия длинными пальцами, Ульмо извлекал низкие и глубокие звуки — и складывались они в мелодии более волшебные, нежели играли когда-либо музыканты на арфе или лютне, на лире или свирели, или с помощью смычка. И вот, поднявшись вверх по реке, в сумерках воссел он среди тростников и заиграл на своих раковинах, поблизости от тех мест, где поселился Туор. И услышал Туор ту музыку, и утратил дар речи. Там

стоял он по колено в травах и не замечал более ни гудения насекомых, ни плеска воды у самой кромки берега, не ощущал аромата цветов; но внимал шуму волн и столам морских птиц, и душа его, встрепенувшись, рвалась к утесам и скалам, и уступам, пахнувшим рыбой, где с плеском ныряет баклан, где море вгрызается в черные утесы и ревет громогласно.

И восстал Ульмо, и заговорил с Туором, и объял Туора смертельный ужас, ибо бесконечно глубок глас Ульмо; так же глубок, как взор его, глубже которого ничего нет в целом свете. И молвил Ульмо: «О Туор, одинокий сердцем, не угодно мне, чтобы ты навечно поселился в дивном краю птиц и цветов; и не повел бы я тебя через эту отрадную землю, но так было начертано. Но теперь ступай назначенным тебе путем и не мешкай, ибо далеко отсюда ждет тебя судьба твоя. Ныне должно тебе повсюду искать град народа, прозываемого гондотлим, или живущие в камне; нолдоли проводят тебя туда — тайно, ибо страшатся соглядатаев Мелько. Там вложу я слова в твои уста, и там поселишься ты до поры. Однако, может статься, жизнь твоя снова обратится к могучим водам; и всенепременно родится от тебя дитя, коему более всех прочих суждено узнать о бездонных глубинах, будь то море или небесная твердь».

Также Ульмо поведал отчасти Туору о своем замысле и желании; но в ту пору Туор мало что понял из услышанного и весьма устрасился. Но вот Ульмо окутал туман, словно бы сотканный из морского воздуха в тех удаленных от моря местах, а Туор, в чьих ушах все еще звучала волшебная музыка, возмечтал возвратиться в край Великого моря; од-

нако ж, памятуя о велении Ульмо, повернулся и зашагал вдоль реки вглубь страны, и шел до рассвета. Однако ж тот, кто слышал раковины Ульмо, слышит их зов вплоть до самой смерти; так вышло и с Туором.

К рассвету Туор устал, и лег, и проспал почти до сумерек; и пришли нолдоли, и повели его дальше. Так Туор шел много дней — в сумерках и в темноте, а при свете солнца спал; вот поэтому впоследствии смутно помнил он тропы, по которым вели его. Туор и его провожатые все шагали и шагали без усталости; теперь повсюду вокруг высились холмистые гряды, и река петляла, огибая их подножия; и встречалось на пути множество долин, самых что ни есть отрадных, но здесь нолдоли почувствовали себя неуютно. «Вот, — сказали они, — границы тех земель, что Мелько заполоняет своими гоблинами, народом ненависти. Далеко на севере — и однако ж, увы, и за десять тысяч лиг отсюда было бы слишком близко! — высятся Горы Железа, оплот мощи и ужаса Мелько, поработившего нас. Воистину, провожаем мы тебя втайне от него, и кабы прознал он о том, не избежали бы мы пытки балрогов».

И такой страх обуял нолдоли, что вскоре покинули они Туора, и далее побрел он через холмы один, и уход их обернулся впоследствии злом, ибо говорится, что «у Мелько множество глаз». Ведь пока Туор шел с номами, они вели его сумеречными путями и многими тайными туннелями сквозь холмы. Но теперь он заплутал и то и дело поднимался на вершины взгорьев и холмов, дабы оглядеть окрестности. Однако не видел он ни следа какого-либо жилья; и воистину, отыскать город гондотлим было куда как не просто, раз Мелько и его приспешники до сих пор его так и не обнаружили. Говорится, однако ж, будто в ту пору

соглядатаи проведали, что в тамошних краях объявился чужак из народа людей, и Мелько удвоил хитрость и бдительность.

Когда же номы из малодушия бросили Туора одного, некто Воронвэ, или Бронвег, последовал за ним на расстоянии, невзирая на страх, когда даже укорами и попреками не удалось поднять дух остальным. А Туор к тому времени безмерно устал и присел у бегучего потока, и тоска по морю овладела его сердцем, и вновь вознамерился он вернуться по реке обратно к бескрайним водам и ревущим волнам. Но верный Воронвэ опять нагнал его и, подойдя вплотную, тихо молвил: «О Туор, не сомневайся, что однажды ты вновь узришь желанное тебе; теперь же восстань, и се! — я тебя не покину. Я не из тех нолдоли, что знают все дороги и тропы, я — мастер, и руки мои привыкли работать с деревом и металлом, потому поздно присоединился я к отряду провожатых. Но встарь, изнемогая в рабстве, слышал я, как тайком перешептываются и толкуют о некоем городе, где нолдоли смогут обрести свободу, если только отыщут сокрытый путь туда; и вдвоем мы всенепременно найдем дорогу в Град Камня, к свободным гондотлим».

А надобно вам знать, что гондотлим — это те нолдоли, что единственные спаслись из-под власти Мелько, когда в Битве Бессчетных Слез он истребил и поработил их народ, и опутал побежденных чарами, и вынудил жить в Преисподних Железа, откуда выходили они лишь по его воле и приказу.

Долго искали Туор и Воронвэ город сего народа, но вот, наконец, спустя много дней, набрали они на глубокую долину среди холмов. Здесь по каменистому руслу с шумом и грохотом неслась река, над которой нависали густые за-

росли ольхи; склоны той долины были отвесны, ибо далее начинались горы, Воронвэ неведомые. Там, в зеленой стене, ном обнаружил проход — словно бы гигантскую дверь со скошенными косяками, сокрытую в частом кустарнике и высокоом непролазном подлеске, но острый взор Воронвэ обмануться не мог. Тем не менее говорится, будто такую магию сплели вокруг потайного туннеля его зодчие (с помощью Ульмо, чья мощь струилась в той реке, даже при том, что ужас Мелько поселился на берегах), что только тот, в чьих жилах текла кровь нолдоли, мог найти вход по чистой случайности; и Туор вовеки не сыскал бы его, если бы не преданность нома Воронвэ. Так надежно сокрыли свою обитель гондотлим из страха пред Мелько; однако ж все равно немало нолдоли похрабрее пробирались вниз по Сириону от тех гор; многих погубило зло Мелько, но многие, отыскав эту волшебную дверь, достигли наконец-то Града Камня и умножили его народ.

Весьма возликовали Туор и Воронвэ, обнаружив сии врата, однако ж, войдя внутрь, оказались в темном, петляющем, труднопроходимом туннеле, и долго брели, оступаясь, по каменным коридорам. Под сводами гуляло жуткое эхо; порою позади слышалась поступь бесчисленных ног, так что Воронвэ убоился и молвил: «Это гоблины Мелько, горные орки».

И друзья обращались в бегство, спотыкаясь в крошечном мраке о камни, пока не поняли, что это всего лишь обманные мороки подземелий. Казалось, Туор с Воронвэ бесконечно долго в страхе пробирались вперед на ощупь, но вот наконец вдалеке забрезжил тусклый блик, и, устремившись на этот свет, достигли странники врат сродни тем, через которые вошли, но только нисколько не заросших. И вы-

шли они наружу, и солнце ненадолго ослепило их, но тут зычно загудел гонг, и послышался лязг оружия, и се! — окружили их закованные в сталь воины. Но вот в глазах у путников прояснилось, и подняли они взгляд: ло! — стояли они у подножия крутых холмов, широким кольцом обступивших обширную равнину, а на равнине, не в точности посреди, но скорее ближе к тому месту, куда выводили врата, высился громадный холм с плоской вершиной, а на вершине той в утреннем свете красовался город.

И заговорил Воронвэ со стражами гондотлим, и поняли воины его слова, ибо то было сладостное наречие номов. Затем нарушил молчание и Туор и спросил, где они и что за мужи в доспехах стоят вокруг, ибо в великом изумлении дивился он на доброе их оружие. И отвечивал ему один из воинов: «Мы несем стражу на выходе Пути Спасения. Возрадуйтесь же, что отыскали его, ибо вот перед вами Град Семи Имен, где обретают надежду все, кто борется с Мелько».

И произнес тогда Туор: «Что же это за имена?»

И ответил предводитель стражи: «Так говорится, и так поется: “Гондобар зовусь я и Гондотлимбар, Град Камня и Град Живущих в Камне, Гондолин, Камень Песни, и Гварэстрин именуюсь я, Башня Стражи, Гар Турион, или Потенное Убежище, ибо сокрыт я от глаз Мелько; но те, кто любят меня великой любовью, зовут меня Лот, ибо я подобен цветку, я — Лотэнгриол, что цветет на равнине”. Однако ж, — добавил страж, — в обычной речи чаще именуют и называем мы город Гондолином». Тогда рек Воронвэ: «Отведи нас туда, ибо нам весьма хотелось бы попасть внутрь», — и прибавил Туор, что всем сердцем жаждет пройти по улицам столь прекрасного города.

И отвечивал предводитель отряда, что самим им должно оставаться здесь, ибо до окончания месячного срока их стражи еще много дней, но Воронвэ с Туором вольны отправиться дальше, к Гондолину, более того, провожатый им не понадобится, ибо: «Ло, прекрасный сей город виден как на ладони: башни его пронзают небесный свод над Холмом Бдения посреди долины». И зашагали Туор с Воронвэ по равнине, на диво плоской и гладкой: тут и там среди зеленой травы попадались разве что круглые гладкие валуны, да озерца поблескивали в каменных чашах. Много красивых троп пролегло через ту равнину; путники шли не спеша и к вечеру достигли подножия Холма Бдения (что на языке нолдоли зовется Амон Гварет). И начали они подниматься по витым лестницам, что вели к городским воротам; никто не мог добраться до города иначе как пешком, на глазах у тех, кто наблюдал со стен. Когда же последний солнечный луч позолотил западные ворота, взойшли Туор с Воронвэ на самый верх длинной лестницы; и взидало на них с бастионов и башен множество глаз.

А Туор глядел на каменные стены, и на вознесенные ввысь башни, и на блистающие шпили города; глядел на лестницы из камня и мрамора, с изящными балюстрадами, овеваемые прохладой — ибо на равнину от фонтанов холма Амон Гварет сбегали нити водопадов; и шел он, словно во власти грезы, ниспосланной Богами, ибо не думал он и не гадал, что такое может привидеться человеку в снах, столь поразило его величие Гондолина.

Так дошли они до врат, Туор — в изумлении, а Воронвэ — в великой радости оттого, что, бросив вызов многим опасностям, он и Туора привел сюда по воле Ульмо, и сам навеки сбросил ярмо Мелько. И хотя ненависть Воронвэ

меньше не стала, его уже не сковывал неодолимый страх пред Лукавым (и воистину, Мелько наводил на нолдоли чары бездонного ужаса, так что даже когда находились они далеко от Преисподних Железа, мнилось им, будто Моргот рядом, и трепетали сердца их, и не осмеливались бежать они, даже когда могли, и на это Мелько зачастую и полагался.)

И вот выходит из врат Гондолина толпа, и обступает, дивясь, этих двоих, ликую, что еще один из числа нолдоли бежал сюда от Мелько, и изумляясь росту и могучей стати Туора, его тяжелому копыю с наконечником из рыбьей кости и его огромной арфе. Был он суров и обветрен, с нечесаными кудрями, и облачен в медвежьи шкуры. И записано в книгах, будто в те времена отцы отцов людей были ниже, чем люди ныне, а дети Эльфинесса — выше, однако ж Туор превосходил ростом всех там собравшихся. Воистину не сутулились гондотлим, в отличие от иных своих злополучных родичей, что без отдыха трудились на Мелько в шахтах и у наковален; но были они изящны, и хрупки, и очень гибки, и легконоги, и дивно красивы; нежны и печальны — уста их, а в очах трепетала радость, готовая излиться слезами; ибо в те времена номы были изгнанниками в сердце своем, и томила их тоска по былому, древнему дому, и не гасла. Но судьба и неутолимая жажда знания некогда погнали их в дальние дали, и теперь Мелько взял их в осаду, и приходилось им обустривать здешнее свое обиталище с любовью и тщанием, дабы сделать его сколь возможно прекраснее.

Как так вышло, что люди путают нолдоли с орками, то есть гоблинами, я не ведаю: разве что некоторые нолдоли, искалеченные злобой Мелько, смешались с орками — а все

это племя Мелько вывел из подземного жара и липкой грязи. Сердца их были из гранита, а тела изуродованы; безобразны не улыбочивые лица, а хохот подобен лязгу металла, и всего охотнее исполняли они самые гнусные замыслы Мелько. Непримируемая вражда царила между ними и нолдоли, кои именovali их *гламхот*, или народ лютой ненависти.

Се, вооруженные стражи врат оттеснили назад толпу, окружившую путников, и один из воинов заговорил и молвил: «То град дозора и стражи, Гондолин на холме Амон Гварет, где все, кто правдив сердцем, могут обрести свободу, но никто не свободен войти, не назвавшись. Скажите мне ваши имена». И назвался Воронвэ Бронвегом из рода номов, явившимся сюда по воле Ульмо как провожатый сего сына людей; а Туор молвил: «Я — Туор, сын Пелега, сына Индора из дома Лебеда сынов людей Севера, что живут далеко отсюда, и пришел я сюда по воле Ульмо, владыки Внешних океанов».

Разом умолкли все, кто слушал, и зычный, раскатистый голос Туора всех поверг в изумление, ибо собственные голоса гондотлим были нежны, как плеск фонтанов. И поднялся над толпой гул: «Отведите его к королю».

На том толпа вернулась в пределы врат, и путники с нею, и увидел Туор, что сделаны створки из железа и весьма высоки и крепки. Широкие улицы Гондолина вымощены были камнем и по краю обрамлены мраморным бордюром; по пути тут и там встречались красивые домики в окружении дворов и садов с яркими цветами, и множество стройных и прекрасных башен, возведенных из белого мрамора и покрытых дивной резьбою, возносились к небесам. Были там и освещенные площади с фонтанами; здесь же гнездились

птицы — и пели в ветвях вековых деревьев; а самой великолепной из всех была площадь, на которой стоял королевский дворец, и башня его вознеслась выше всех прочих в городе, и фонтаны, что играли у врат, взмывали вверх на двадцать фатомов и еще семь* и низвергались вниз певучим хрустальным дождем: в их струях днем дивно искрилось солнце, а ночью волшебным мерцала луна. Жившие там птицы были белее снега, а голоса их — слаще, чем колыбельная музыка.

По обе стороны от дворцовых дверей высились два дерева, одно цвело золотыми цветами, другое — серебряными, и они не увядали и не меркли, ибо встарь взяты были побегами от прославленных деревьев Валинора, озарявших тамошние края, пока Мелько и Прядильщица Мглы их не иссушили: гондотлим называли те деревья Глингол и Бансиль.

И вот Тургон, король Гондолина, облаченный в белые одежды с золотым поясом и с гранатовым венцом на челе, встал у дверей и заговорил с вершины белокаменной лестницы, ведущей к ним: «Добро пожаловать, о человек из Земли Теней! Ло! — приход твой был предречен в наших книгах мудрости, и начертано в них, что многие великие деяния свершатся в жилищах гондотлим, когда придешь ты сюда».

И заговорил Туор, и Ульмо вложил могущество в его сердце и величие в его голос. «Се, о отец Града Камня, повелел мне тот, кто творит глубинную музыку в Бездне и кому ведомы помыслы эльфов и людей, сказать тебе, что дни Избавления близятся. Дошла до слуха Ульмо молва о твоём обиталище и о твоём холме бдения — заслоне противу зла

* Около 50 м. — *Примеч. пер.*

Мелько, и возрадовался он; но сердце его негодует, и исполнены гнева сердца Валар, что восседают в горах Валинора и взирают на мир с вершины Таникветиль, при виде скорби прозябающих в рабстве нолдоли и скитаний людей; ибо Мелько запер их в Земле Теней за железными холмами. Потому привели меня сюда потайным путем, дабы повелеть тебе счесть войска твои и готовиться к битве, ибо время пришло».

И отвечивал Тургон: «Сего не сделаю, хотя бы повелели так Ульмо и все Валар. Не поведу я народ мой на ужасных орков и не стану подвергать опасности мой город, обрекая его пламени Мелько».

Тогда промолвил Туор: «Нет же, если ты сейчас не откажишься на великое деяние, тогда орки пребудут вечно и завладеют в конце концов почти что всеми горами земли и не перестанут тревожить как эльфов, так и людей, даже если впоследствии Валар сумеют вызволить нолдоли иными средствами; но ежели ныне доверишься ты Валар, то какой бы страшной ни была битва, орки будут повержены, и мощь Мелько умалится и сойдет на нет».

Но рек Тургон, что король Гондолина — он, и ничья воля не принудит его поступить вопреки своему решению и поставить под угрозу драгоценные труды многих минувших веков; но отвечивал Туор, ибо так наказал ему Ульмо, опасавшийся, что Тургон окажется несговорчив: «Тогда велено мне сказать, что народу гондотлим должно, не мешкая, скрытно отправиться вниз по реке Сирион к морю и там построить корабли, и плыть на поиски обратного пути в Валинор: ло! — тропы туда позабыты, и дороги изгладились и исчезли из мира, и моря и горы окружают его, однако ж и поныне живут там эльфы на холме Кор, и Боги

восседают в Валиноре, хотя блаженство их умалили скорбь и страх пред Мелько, и прячут они свою землю, и ткнут вкруг нее недоступную магию, дабы никакое зло не подступило к ее берегам. Однако ж твои посланцы еще могут добратся туда и тронуть сердца Валар, дабы восстали они во гневе и сразили Мелько, и уничтожили Преисподние Железа, что устроил он под Горами Тьмы».

И отвечивал Тургон: «Всякий год по окончании зимы отправлялись посланцы спешно и скрытно вниз по реке, что зовется Сирион, к побережью Великого моря, и строили там корабли, и впрягали в них лебедей и чаек либо ветра с могучими крылами, и пытались доплыть за пределы луны и солнца в Валинор; однако тропы туда позабыты, и дороги изгладились и исчезли из мира, и моря и горы окружают его, а те, что пребывают там в блаженстве, мало задумываются об ужасе Мелько или о горестях мира, но прячут свою землю и ткнут вкруг нее недоступную магию, дабы никакие вести о зле не достигли их слуха. Нет, довольно моих подданных за бессчетные годы уплыло в бескрайние морские просторы, чтобы никогда более не возвратиться; сгинули они в пучине или скитаются поныне, заплутав среди теней, где нет путей-дорог; с приходом следующего года никто не отправится более к морю, но лучше положимся мы на себя самих и на наш город, дабы защититься от Мелько, ибо прежде помощи от Валар было немного».

Тяжело сделалось на сердце у Туора, и зарыдал Воронвз; и присел Туор у великолепного королевского фонтана, и плеск его струй напомнил Туору музыку волн, и душу его растревожили раковины Ульмо, и захотелось ему вернуться вниз по течению Сириона к морю. Но Тургон, зная, что Туор, пусть он и смертный, пользуется благоволением Ва-

лар, и приметив его решительный взгляд и могучий голос, послал к нему гонцов и пригласил остаться в Гондолине, в почете и чести у короля, поселившись хотя бы и в королевских чертогах, буде пожелает он того.

На это Туор ответил «да», ибо очень устал, а вокруг все радовало глаз; вот так вышло, что Туор поселился в Гондолине. Обо всех деяниях Туора среди гондотлим в преданиях не рассказывается, однако ж говорится, что много раз собирался он уйти оттуда украдкой, ибо уставал от шумных сборищ и думал о глухих лесах и пустошах и слышал издалека морскую музыку Ульмо, однако родилась в его сердце любовь к деве из народа гондотлим, а была она дочерью короля.

Многие знания обрел Туор в том королевстве: наставлял его Воронвэ, коего полюбил он всей душою и который тако же души в нем не чаял; а еще обучали его искусные мастера города и королевские мудрецы. Тем самым обрел Туор мощь куда бóльшую, нежели прежде, и советы его были исполнены мудрости; и понял он многое из того, что оставалось непонятым прежде, и узнал многое такое, что доселе неведомо смертным людям. Рассказали ему о граде Гондолин и о том, как многовековых трудов не достало, чтобы отстроить его и украсить, так что и по сей день шла работа; рассказали, как проложен был тот потайный туннель, что нарекли Путем Спасения, и как велись о том споры, однако ж жалость к поработленным нолдоли в конце концов возобладала и подземный ход все-таки построили; о недреманной страже поведали ему, что во всеоружии бдит у выхода из туннеля, а тако же в тех местах, где окружные горы не столь высоки; и о том, как часовые не смыкают глаз на самых высоких пиках этого хребта подле сложенных

сигнальных костров, готовых вспыхнуть в любую минуту, ибо народ гондотлим не переставал ждать нападения орков, буде твердыню обнаружат.

Однако ж теперь стражу в холмах несли скорее по обычаю, нежели по необходимости, ибо гондотлим давным-давно ценой немислимых усилий выровняли, и расчистили, и сгладили всю ту равнину вокруг Амон Гварета, так что ни ном, ни птица, ни зверь, ни змея не могли приблизиться незамеченными, но бывали обнаружены за много лиг, ведь среди гондотлим многие обладали взором еще более острым, нежели ястребы Манвэ Сулимо, Владыки Богов и эльфов, что обитает на Таникветили; вот почему нарекали ту долину Тумладемом, или сглаженной долиной. Ныне же сей великий труд, мнилось, был закончен, и гондотлим больше занимались тем, что отыскивали и добывали металлы и ковали всевозможные мечи и топоры, копья и гвизармы, и мастерили кольчуги, панцири и брони, поножи и наручи, шлемы и щиты. И говорили Туору, что даже если весь народ Гондолина станет стрелять из луков не переставая, денно и ночью, то не изведет всего своего запаса стрел и за много лет, и потому с каждым годом все меньше страха внушают им орки.

Там научился Туор строить из камня и класть кирпичи, рубить и обтесывать горную породу и мрамор; постиг искусства ткачества и прядения, вышивания и живописи, и мастерство работы с металлами. Услышал он там нежнейшие мелодии: в музыке же были наиболее искушены те, кто жил в южной части города, ибо там играло бесчисленное множество говорливых фонтанов и родников. Многие эти премудрости перенял Туор и стал вплетать их в свои песни, на диво и на великую радость тем, кто внимал ему. Диковинные

истории о Солнце, и Луне, и Звездах, об устройстве Земли и о веществах, из коих состоит она, и о бездне небесной рассказывали ему; и тайные письма эльфов узнал он, и наречия их, и древние языки, и услышал он об Илуватаре, Владыке Во Веки Веков, что обитает за пределами мира; и о великой музыке Айнур у ног Илуватара в бездонных глубинах времени: в ней же создан был мир, и его обустройство, и все, что есть в мире, и весь миропорядок.

Благодаря своему мастерству и глубоким познаниям во всех искусствах и ремеслах, а также благодаря великой доблести духа и тела стал Туор утешением и поддержкой для короля, у коего не было сыновей, и полюбил его весь народ Гондолина. Со временем повелел король своим самым умелым оружейникам изготовить в дар Туору великолепный доспех, и отковали его из номской стали, и отделали серебряными накладками; а шлем украсили словно бы двумя лебедиными крыльями из разных металлов и драгоценных камней, по одному с каждой стороны; лебединое крыло изображено было и на его щите; но мечу предпочитал он боевой топор и на наречии гондотлим назвал его Драмбор-лег, ибо удар его оглушал, а лезвие пробивало любой доспех.

Дом Туору выстроили на южной стене, ибо любил он вольный воздух, и не нравилось ему тесное соседство других жилищ. Отрадно ему было выходить к зубцам и бойницам на рассвете, и радовался народ, видя, как лучи зари играют на крылах его шлема — и многие роптали и охотно поддержали бы его и выступили на битву с орками, ведь речи этих двоих, Туора и Тургона, перед дворцом, известны были многим; но далее дело не пошло, ибо все почитали Тургона, и еще потому, что в ту пору в сердце Туора память о словах Ульмо словно бы потускнела и померкла.

И вот прожил Туор среди гондотлим много лет. Давно пробудилась в нем любовь к дочери короля, долго росла и крепла, и теперь сердце его переполнилось этой любовью. Великую любовь питала и Идриль к Туору, и пряди их судеб переплелись с того самого дня, когда впервые поглядела она на него из высокого окна — как стоял он измученным просителем перед королевским дворцом. Не было причин у Тургона противиться этой любви, ибо видел он в Туоре родича, в коем обретет он утешение и великую надежду. Так впервые сын людей взял в жены дочь Эльфинесса, и не последним был Туор. Немногие изведали такое блаженство, как эти двое, но и скорбь их под конец была велика. Однако великое веселье царило в ту пору, когда Идриль и Туор сочетались браком пред всем народом на площади Богов, Гар Айнион, близ королевских чертогов. Днем ликования стала эта свадьба для города Гондолина и днем величайшего счастья — для Туора с Идрилью. После того зажили они в радости в том самом доме на стене, что выходила на южную сторону Тумладена, и все сердца в городе были тем весьма довольны, кроме одного только Меглина. А надо сказать, что сей ном принадлежал к древнему роду, пусть ныне и немногочисленному; а сам приходился королю племянником по матери, сестре короля Исфин; но этой повести здесь не место.

В гербе у Меглина был черный Крот; и весьма возвысился Меглин среди горняков, и возглавлял рудокопов, многие из которых принадлежали к его дому. Был он не так красив, как большинство его пригожих соплеменников, темнолиц, и нравом обладал отнюдь не мягким, так что не

слишком его жаловали; ходили слухи, будто в жилах его течет орочья кровь, но не знаю я, как такое возможно. Он часто просил у короля руки Идрили, но Тургон, видя, что ей он противен, столь же часто отвечал «нет», ибо казалось ему, что сватовство Меглина столь же подсказано стремлением обрести немалую власть подле королевского трона, сколь и любовью к прекрасной деве. Воистину прекрасна была Идриль и притом отважна; в народе же называли ее Идриль Среброногая, ибо она, даже будучи королевской дочерью, всегда ходила босиком и простоволосая, кроме как на торжествах в честь Айнур; и Меглин, видя, что оттеснил его Туор, скрежетал зубами от гнева.

В те дни исполнился срок желания Валар и надежды эльдалиэ, ибо в великой любви родила Идриль Туору сына, и назвали его Эаренделем. Имя это толкуется среди эльфов и людей по-разному, но, может статься, составлено оно на каком-нибудь тайном языке гондотлим, который сгинул вместе с ними с лица Земли.

Тот младенец наделен был великой красотой; кожа его сияла белизной, а глаза его, синее сапфиров на одеянии Манвэ, синевой затмевали небеса южных земель; при его рождении обуяла Меглина лютая зависть, но воистину велика была радость Тургона и всего народа.

Се — много лет минуло с тех пор, как Туор заплутал в предгорьях, брошенный нолдоли; однако ж много лет минуло и с той поры, как слуха Мелько впервые достигли странные вести — пусть смутные и противоречивые, — о том, что среди долин полноводного Сириона скитается некий человек. А надо сказать, что Мелько не слишком опасался народа людей в те дни своей великой мощи, и по этой самой причине Ульмо для исполнения своих замыслов избрал

человека, дабы успешнее обмануть бдительность Мелько, ибо видел, что никто из Валар и едва ли кто-либо из эльдар или нолдоли может предпринять хоть что-либо втайне от Врага. Однако ж при этом известии в злобном сердце Мелько пробудилось дурное предчувствие, и собрал он могучее воинство соглядатаев: сыны орков были там, с желтыми и зелеными глазами, как у кошек, что пронзают любой сумрак и способны видеть сквозь туман, и хмарь, и ночную тьму; и змеи, которые проползут всюду и обыщут все расщелины, и глубочайшие ямы, и высочайшие пики, и уловят любой шепот, что шелестит в траве или эхом разносится в холмах; волки были там и хищные псы, и гигантские кровожадные ласки: нос их может учуять запах многомесячной давности даже в текучей воде, а глаза их высмотрят на гальке след, оставленный поколения назад; прилетели совы и соколы, острым взором способные высмотреть днем ли, ночью ли порхающую малую птицу в любых лесах мира; мышь, полевку или крысу, что крадется или живет где-либо на Земле. Всех их призвал Мелько в свой Чертог Железа, и припели они в великом множестве. Оттуда Мелько разослал их по свету — выслеживать человека, бежавшего из Земли Тени, но еще более пытливо и неотступно отыскивать жилища нолдоли, что бежали из-под его ярма, ибо таковых Мелько всем сердцем жаждал истребить или поработить.

И вот, пока Туор счастливо жил в Гондолине, многажды умножая свои познания и мощь, эти твари годами неутомимо разнюхивали среди камней и скал, обшаривали леса и пустоши, оглядывали небесные высоты и горные вершины, прочесывали все тропы вокруг долин и равнин, не отступаясь и не сдаваясь. С этой охоты принесли они Мелько вестей в изобилии — воистину, среди множества всего

сокрытого, что обнаружили они, отыскиали они тот самый «Путь Спасения», через который Туор с Воронвэ попали в долину. А удалось им это лишь потому, что принудили они менее стойких нолдоли, грозя им страшными пытками, примкнуть к сим великим розыскам; ибо благодаря магии врат никто из слуг Мелько не мог найти их без помощи номов. Однако теперь соглядатаи проникли далеко вглубь туннелей и захватили многих нолдоли, пробирающихся туда в надежде бежать из неволи. И поднимались недруги на Окружные холмы там и тут и глядели с высоты на красоту града Гондолина и на мощь холма Амон Гварет, но на саму равнину попасть не могли, ибо стражи были бдительны, а горы — непроходимы. Воистину, лучники гондотлим славились своим искусством и луки мастерили на диво мощные. Из тех луков могли они послать стрелу в небеса в семь раз дальше, нежели лучший стрелок из числа людей — в цель на земле; и не позволяли они ни соколу подолгу парить над равниной, ни змее заползти туда, ибо не жаловали они хищных тварей, отродий Мелько.

И вот Эаренделю исполнился год, когда в город дошли злые вести о соглядатаях Мелько и о том, что со всех сторон обложили они долину Тумладен. И удручилось сердце Тургона, и вспомнил он слова Туора, произнесенные много лет назад перед дворцовыми дверьми, и повелел король повсеместно устроить дозор и стражу, а мастерам своим — измыслить боевые машины и установить их на холме. Ядовитое пламя разных видов и горячие жидкости, стрелы и громадные камни приготовился он обрушить на любого, кто атакует эти лучезарные стены, и тем вполне удовлетворялся, а вот на сердце у Туора было тяжелее, чем у короля, ибо теперь слова Ульмо то и дело воскресали в его памяти,

а их смысл и важность понимал он глубже, нежели прежде; не обретал он утешения и у Идрили, ибо сердце ее наполнили предчувствия еще более мрачные.

Узнайте же, что Идриль обладала великой властью прозревать мыслью тьму сердец эльфов и людей, и сокрытое во мраке будущее — глубже, нежели обыкновенно дано родам эльдалиэ. Потому однажды так сказала она Туору: «Знай, о муж мой, что сердце мое предвещает недоброе, ибо сомневается в Меглине, и боязно мне, что навлечет он беду на сие прекрасное королевство, хотя как и когда — я разглядеть не в силах; однако ж страшусь я, что все, что он знает о наших делах и приготовлениях, каким-то образом станет известно Врагу, и тот измыслит новый способ уничтожить нас, противу которого не придумали мы защиты. Ло! Однажды ночью приснилось мне, что Меглин построил печь огненную, и напал на нас врасплох, и швырнул туда Эаренделя, наше малое дитя, а после того хотел втолкнуть и нас с тобою; я же, скорбя о смерти нашего милого сына, не стала и противиться».

И отвечал Туор: «Страх твой — не без причины, ибо и у меня душа не лежит к Меглину, однако он — племянник короля и твой двоюродный брат, и не выдвинуто противу него обвинений, и не вижу я, что еще можно сделать, кроме как выжидать и бдеть».

Но отвечала Идриль: «Вот каков мой совет: разузнай доподлинно, кто из горняков и рудознатцев менее всех любит Меглина по причине надменного и высокомерного обхождения его, и созови их втайне. Из них выбери самых надежных и приставь их следить за Меглином всякий раз, когда он уходит во внешние холмы; а большинству тех, на чью скрытность ты можешь положиться, должно тебе по-

ручить секретные земляные работы и с их помощью проложить — сколь бы ни был осторожен и нескор сей труд, — потайной проход отсюда, от твоего дома, под скалой сего холма, в долину внизу. Вот только вести он должен не в сторону Пути Спасения, ибо сердце подсказывает мне не доверяться ему, а к Расселине Орлов — к тому далекому перевалу в южных горах; и чем дальше этот туннель пройдет туда под равниной, тем оно лучше, скажу я, — однако ж пусть о тех работах знают лишь немногие».

А надо сказать, что в земляных работах каменоломы и горняки нолдоли не знают себе равных (и Мелько о том ведомо), но в тех местах земля крайне тверда, и рек Туор: «Скала холма Амон Гварет — что железо, пробить ее можно лишь с превеликим трудом; а ежели трудиться втайне, должно прибавить к тому очень много времени и терпения; но камень ложа Долины Тумладен — что кованая сталь, и невозможно прорубить его без познаний гондотлим, кроме как за месяцы и годы».

И отвечала Идриль: «Может статься, и так, но таков мой совет, и есть еще время». И отвечствовал Туор, что, возможно, не до конца понимает его суть, «но “любой план лучше беспомощности”, и я сделаю так, как ты говоришь».

И вышло так, что вскорости после того Меглин один ушел в холмы искать руду и заплутал средь гор, и схватили его рыскающие там орки, и обошлись бы с пленником со всей жестокостью и беспощадностью, зная, что он — из числа жителей Гондолина. И не проведали о том соглядатаи Туора. Но пробудилось в сердце Меглина зло, и сказал он недругам: «Узнайте же, что я — Меглин, сын Эола, который был женат на Исфин, сестре Тургона, короля гондотлим». Но отвечали орки: «Нам-то что до того?» И рек Меглин:

«Вот что вам до того: ежели вы убьете меня, быстро либо медленно, не узнаете вы ценных сведений касательно града Гондолина, коим весьма порадовался бы господин ваш». Тогда орки не стали чинить ему вреда и пообещали, что подарят ему жизнь, если то, что он им откроет, того стоит; и Меглин все рассказал про обустройство той равнины и города, про его стены, их высоту и толщину, и крепость врат; об армии доспешных воинов, кои ныне повинуются Тургону, говорил он, и о бесчисленных запасах оружия, для них заготовленного, о боевых машинах и о ядовитых огнях.

Тут разъярились орки и, дослушав до конца, собрались уже было все равно убить пленника тут же на месте, раз он бессовестно преувеличил мощь своего жалкого народишки в насмешку над великим могуществом и властью Мелько; но Меглин, хватаясь за соломинку, молвил: «Не думаете ли вы, что доставите немалое удовольствие своему господину, бросив к его ногам столь благородного пленника, дабы он сам выслушал мои вести и оценил их истинность?»

Оркам это пришлось по душе, и возвратились они с гор окрест Гондолина в Холмы Железа и в темные чертоги Мелько; туда приволокли они и Меглина, и вот теперь он испугался не на шутку. Когда же преклонил он колена пред черным престолом Мелько, в ужасе при виде мрачных теней повсюду вокруг, и волков, что сидели под троном, и гадюк, обвившихся вокруг ножек трона, Мелько повелел пленнику говорить. И пересказал ему Меглин свои вести, и Мелько, внимая, обращаясь к нему весьма учтиво, так что к пленнику в изрядной степени вернулась его заносчивость.

А закончилось все тем, что Мелько, с помощью Меглиновой хитрости, измыслил план, как ниспровергнуть Гондолин. В награду Меглина обещали поставить полководцем

над орками — однако ж в сердце своем Мелько вовсе не собирався сдержать слово; а Туора с Эаренделем Мелько вознамерился сжечь, а Идриль бросить в объятия Меглина — вот такие посулы злодей был преохотно готов выполнять. Однако ж в случае предательства Мелько пригрозил Меглину пыткой балрогов. Эти демоны с огненными бичами и стальными когтями истязали тех нолдоли, что смели противостоять Мелько хоть в чем-либо — эльдар же звали их малкарауки. И вот какой совет Меглин дал Мелько: целое войско орков либо балрогов при всей их свирепости не может и надеяться штурмом или осадой сокрушить когда-либо стены и врата Гондолина, даже если сумеет прорваться в пределы равнины. Потому надоумил он Мелько измыслить с помощью своего чародейства подмогу для атакующих воинов. Подсказал Меглин Врагу из его неисчислимых запасов металлов с помощью своей власти над огнем сработать чудищ, подобных змиям и драконам неодолимой мощи, которые смогут переползти через Окружные холмы и выплеснут на равнину и на дивный город пламя и смерть.

Тогда Меглину велено было возвращаться домой, чтобы за время его отсутствия гондотлим не заподозрили неладного; но Мелько оплел его чарами бездонного ужаса, и впредь сердце Меглина не знало ни покоя, ни радости. Однако ж надел он благостную маску доброго расположения и веселости, так что говорили в городе: «Меглин смягчился нравом», и менее неприязненно относились к нему; однако ж тем больше страшилась его Идриль. Теперь Меглин говорил: «Я много потрудился, и хочется мне отдохнуть и приобщиться к танцам, и песням, и всеобщему ликованию»; и более не уходил он в холмы добывать камень и ру-

ду; однако ж на самом деле пытался он тем самым заглушить свой страх и беспокойство. Ужас владел Меглином: мерещилось ему, будто Мелько все время рядом, ибо так действовало заклятие; и не уходил он более в копи, опасаясь, что опять натолкнется на орков и снова окажется свергнут в жуткие чертоги тьмы.

И вот идут года, и, побуждаемый Идрилью, Туор неустанно трудится, углубляя тайный подземный ход; но видя, что кольцо соглядатаев поредело, Тургон забывает отчасти о своих тревогах и опасениях. Однако на протяжении всех этих лет у Мелько непрестанно кипит работа, и все рабынолдоли вынуждены без устали добывать руду, пока Мелько измышляет огни и призывает пламена и дымы из раскаленных глубин, и не позволяет он никому из нолдоли хотя бы на шаг удалиться от узилищ. Затем в свой срок собрал Мелько всех своих самых искусных кузнецов и чародеев, и из железа и пламени сработали они целые полчища чудищ, подобных коим не видывали доселе и не увидят более вплоть до Великого Завершения. Одни целиком состояли из железных звеньев, да так искусно соединенных, что твари эти струились, словно медленные реки металла, обтекая любое препятствие вокруг или поверх, а в нутре их, в самой глубине, таились самые свирепые орки со скимитарами и копьями; другие были из бронзы и меди, и вложили в них сердце и дух из пылающего огня, и испепеляли они, жутко пыхтя и всхрапывая, всех, кто стоял у них на пути, и затапывали все то, что уцелело в жару их дыхания; были там и существа из чистого пламени, извивающиеся, точно вервие из расплавленного металла: они изничтожали все, к чему приближались, и железо, и камень таяли перед ними и становились что вода, а верхом на них сотнями ехали

балроги, самые грозные из всех чудищ, коих Мелько измыслил на беду Гондолину.

Между тем со времен предательства Меглина минуло седьмое лето, Эарендель же был еще совсем юн годами, хотя и отважен сердцем, и Мелько отозвал всех своих соглядатаев, ибо теперь каждая тропа и каждый уголок в горах были ему известны; но гондотлим в беспечности своей решились, что Мелько не ищет их более, ибо осознал их мощь и неприступность их обиталища.

Но Идриль помрачнела, и затмился свет в лице ее, и многие тому дивились; однако ж Тургон убавил дозоры и стражу до бывшей численности и даже менее того, и настала осень, и сбор плодов завершился, и все сердца возрадовались в преддверии зимних пиров, но Туор стоял на зубчатой стене и глядел вдаль, на Окружные холмы.

И се, подошла Идриль и встала рядом с ним; ветер взвихрил ей волосы, и показалась она Туору немислимо прекрасной, и наклонился он поцеловать жену; но в лице Идрили была печаль, и молвила она: «Настали дни, когда должно тебе сделать выбор», — и Туор не понял ее слов. Тогда, уведя мужа в дом, поведала она ему, как сжимается у нее сердце от страха за Эаренделя, их сына, предвещая: грядет некое великое зло, и стоит за ним — Мелько. Туор попытался утешить ее, но не смог; она же расспросила мужа о постройке потайного туннеля, и рассказал Туор, что подземный ход протянулся под равниной уже на целую лигу, и при этих словах на сердце у Идрили сделалось чуть легче. Но по-прежнему настаивала она, чтобы туннель продолжали прокладывать дальше, и что отныне быстрота важнее скрытности, «ибо час близок». И еще один совет дала Идриль Туору, каковой он также принял, — отобрать со всей

осмотрительностью храбрейших и надежнейших из числа знати и воинов Гондолина и рассказать им об этом подземном туннеле и о том, где он выходит на поверхность. Из них наказала она Туору составить доблестный отряд и даровать им право носить свой герб в знак того, что они — его дружина, под тем предлогом, что так оно пристало и подобает великому владыке и родичу короля. «Более того, — сказала Идриль, — я испрошу на это одобрения моего отца». А еще она втайне нашептывала жителям, что, если город окажется в смертельной опасности и погибнет Тургон, пусть все соберутся вокруг Туора и ее сына, и на это со смехом отвечали «да», добавляя, однако, что Гондолин простоит так же долго, как Таникветиль или горы Валинора.

С Тургоном Идриль открыто не заговаривала и, как бы Туор того ни хотел, не позволяла и ему, невзирая на всю их любовь и почтение к королю великому, благородному и славному, — ибо видела, что Тургон доверяет Меглину и со слепым упрямством убежден в неприступной мощи города и в том, что Мелько более не тщится повредить ему, сочтя это делом безнадежным. В том короля неизменно укрепляли Меглиновы лукавые речи. А надобно вам знать, что коварство этого нома не имело себе равных, ибо многое вершил он во тьме, так что говорили в народе: «Сколь уместен в его гербе черный крот»; и по причине неразумия некоторых каменоломов, а еще более — по обмолвкам иных Меглиновых родичей, с коими неосмотрительно переговаривал Туор, Меглин прознал о тайных работах и в ответ измыслил собственный план.

Зима между тем стояла в разгаре: а выдалась она очень холодной для тех краев, над долиной Тумладен ударили мо-

розы, и озерца затянуло льдом; однако ж на холме Амон Гварет по-прежнему играли фонтаны, и цвели два дерева, и веселились жители, пока не настал день ужаса, до поры сокрытый в сердце Мелько.

И минула лютая зима: в Окружных горах снега лежали глубже, чем когда-либо, но в свой срок дивной красоты весна растопила подола этих белых мантий, и долина наполнилась воды, и повсюду расцвели цветы. Так пришел и минул праздник Ност-на-Лотион, или Рождение Цветов, и всласть повеселились дети; и гондотлим воспряли сердцем в преддверии благодатного года; и вот, наконец, близится великое празднество Тарнин Ауста, или Врата Лета. Ибо узнайте, что по заведенному обычаю однажды в полночь начиналась торжественная церемония — и продолжалась вплоть до рассвета дня Тарнин Ауста, и ни один голос не раздавался в городе от полуночи до первого луча солнца, а зарю приветствовали древними песнями. Испокон века так славили музыкой приход лета хоры, выстроившись на мерцающей восточной стене. И вот наступает та самая ночь бдения, и в городе повсюду вспыхивают серебряные фонарики, а в рощах среди молодой листвы покачиваются огоньки оттенков драгоценных камней, и по улицам струится негромкая музыка, но до восхода никто не поет.

Солнце уже опустилось за холмы, и народ в радостном предвкушении облачается в праздничные одежды, с нетерпением поглядывая на Восток. Ло! — когда сокрылась солнечная дева и воцарилась тьма, внезапно забрезжил новый свет — замерцало зарево, но за северными высотами, и дивились тому жители, и на стенах и бастионах собрались бесчисленные толпы. Но удивление сменилось опасением, а свет между тем разгорался и алел все ярче, и опасение

сменилось ужасом, когда увидели, как снега на вершинах гор словно бы окрасились кровью. Так огнедышащие змии Мелько подступили к Гондолину.

И проскакали через равнину верховые всадники и, запыхавшись, привезли вести от тех, кто нес стражу на вершинах; и сообщили они об огненных полчищах и о тварях сродни драконам, и сказали: «Мелько идет на нас». Великий страх и горе объяли дивный сей город, а на улицах и проулках слышались рыдания женщин и детский плач, а на площадях собирались бойцы и звенело оружие. Развевались там сверкающие знамена всех знатных домов и родов гондотлим. Могучее воинство королевского дома облачено было в белый, и золотой, и красный цвета, а в гербе у ратников были луна и солнце, и алое сердце. Среди них возвышался Туор, ростом превосходивший всех прочих; сияла его серебряная кольчуга; а повсюду вокруг него теснились самые доблестные воины. Ло! Их шлемы были украшены крыльями словно бы лебедей или чаек, а на щитах начертан знак Белого Крыла. Здесь же выстроился народ Меглина: все в черных доспехах без какого-либо герба или знака; их круглые стальные шлемы были обтянуты кротовым мехом, и сражались они двуглавыми секирами, сродни киркомотыгам. Там Меглин, принц Гондобара, собрал вокруг себя множество ратников, мрачных видом и хмурых; красноватый отблеск играл на их лицах и мерцал на начищенной броне. Се, все холмы к северу запылали пламенем: казалось, будто реки огня стекают вниз по склонам, уводящим к равнине Тумладен, и жители города уже ощущали палящий жар.

Собрались там и множество других родов, дом Ласточки и дом Небесной Арки; а среди них насчитывалось больше всего лучников, и самые лучшие стрелки были из их

числа; и выстроились они в боевом порядке на широких площадках вдоль стен. Народ Ласточки украшал шлемы гребнями из перьев, а одевался в белое, и синее, и пурпурное, и черное, а на щитах у них был изображен наконечник стрелы. Во главе их стоял Дуилин: бежал и прыгал он быстрее всех прочих и точнее всех лучников бил в цель. А народ Небесной Арки, обладавший бессчетными богатствами, одевался в многоцветье ярких оттенков; их инкрустированное драгоценными камнями оружие полыхало и вспыхивало в зареве, разлитом ныне по всему небу. Все до одного щиты в сей дружине словно бы вобрали в себя синеву небес, а умбоны составлены были из семи самоцветов: рубинов, аметистов и сапфиров, изумрудов, хризопразов, топазов и янтаря; а на шлемах лучилось по огромному опалу. Возглавлял сей дом Эгалмот; носил он синий плащ, по которому хрусталями были вышиты звезды; вооружился он изогнутым мечом — никто более среди нолдоли таких не носил, — однако ж полагался он скорее на лук и стрелял из него дальше любого другого в этом воинстве.

Были там и дом Столпа, и дом Снежной Башни; повелевал обоими народами Пенлод, самый высокий из номов. Были там и номы Древа, дом многочисленный и славный; одевались они в зеленое. Вооружились эти воины окованными железом палицами и пращами, а владыка их Галдор почитался самым отважным из всех гондотлим, после одного только Тургона. Тут же построился и дом Златого Цветка, с лучистым солнцем в гербе; глава дома Глорфиндель носил плащ, так густо расшитый золотыми нитями, что всю ткань испещрило узорочье чистотелов, точно поле по весне, а оружие его было покрыто прихотливой золотой насечкой.

Из южной части города явился народ Фонтана под началом Эктелиона; эти номы души не чаяли в бриллиантах и серебре; а вооружены были на диво длинными, блестящими и светлыми мечами, и в битву шли под музыку флейт. За ними шло воинство дома Арфы, все — храбрые бойцы, вот только предводитель их, Салгант, был труслив и заискивал перед Меглином. Они украшали одежды серебряными и золотыми кистями, и в гербе их на черном поле сияла серебряная арфа; а у Салганта — золотая; он единственный из всех сынов гондотлим ехал на битву верхом, и был весьма грузен и приземист.

А последнюю из дружин выставил дом Молота Гнева: к нему принадлежали многие лучшие кузнецы и мастера, и весь этот род почитал Аулэ-Кузнеца более всех прочих Айнур. Эти воины сражались громадными булавами, сродни молотам; щиты их были весьма тяжелы, ибо руки бойцов обладали недюжинной силой. В древние дни ряды их во множестве пополнили нолдоли, бежавшие из копей Мелько, и ненависть этого дома к деяниям злодея и к демонам его, балрогам, не имела предела. Возглавлял их Рог, самый могучий из номов, в доблести едва ли уступавший Галдору из дома Древа. В гербе этих номов была Звенящая Наковальня, и молот, высекающий из нее искры, красовался на щитах их; более всего любили они червонное золото и черное железо. В сем воинстве, весьма многочисленном, не нашлось ни одного малодушного, и стяжали они величайшую славу среди всех этих благородных домов в борьбе с роком; однако ж злая судьба им выпала, и никто из них не ушел с того поля боя, но все пали рядом с Рогом и сгнули с лица земли, а вместе с ними навеки сгнули немалые умения и мастерство.

Вот таковы были построение и вооружение одиннадцати домов гондотлим, с их гербами и знаками, а дружина Туора, народ Крыла, почиталась двенадцатым. И вот мрачнеет лик их вождя, и не надеется он выжить — а в его доме на стене Идриль облачается в кольчугу и приходит к Эаренделю. А дитя в слезах, ибо по стенам его спальни метались зловещие красные отблески; и вспомнились ему страшные сказки про огненного Мелько, что нянюшка Мелет складывала для него, когда мальчуган своенравничал. Но тут подросла мать и надела на него маленькую кольчужку, кою велела изготовить для сына втайне; и тот весьма обрадовался и возгордился, и ликующе закричал. А Идриль расплакалась, ибо дороги были ее сердцу прекрасный город и милый дом, обитель их с Туором любви; а теперь видела она, что вот-вот все будет уничтожено, и страшилась, что ее замысел потерпит крах пред неодолимой мощью чудовищных змиев.

А до полуночи оставалось еще четыре часа, и на севере небеса полыхали алым, и на востоке, и на западе: железные змии уже достигли равнины Тумладен, а огненные твари добрались до нижних склонов, так что схвачены были дозорные, и подвергли их лютым пыткам балроги, кои рыскали повсюду, кроме как на крайнем юге, где находился перевал Кристорн, Орлиная расселина.

И вот созвал король Тургон совет, и пришли туда Туор и Меглин как принцы королевского рода; и Дуилин с Эгалмотом и Пенлодом Высоким; явился и Рог вместе с Галдором из дома Древа, и златым Глорфинделем, и Эктелионом, чей голос подоился музыке. Пришел туда и Салгант, на смерть перепуганный известиями; и другие благородные

номы, возможно, не столь знатного рода, но более мужественные сердцем.

И заговорил Туор, и таков был его совет: должно тотчас же всем городом покинуть пределы стен, пока на равнине не стало слишком светло и жарко; и многие поддержали его, расходясь лишь в том, должно ли выйти единым воинством, поместив дев, жен и детей в середину, или рассыпаться небольшими отрядами во всех направлениях; Туор же склонялся к последнему.

Одни только Меглин с Салгантом не соглашались и стояли за то, чтобы удерживать город и попытаться уберечь хранимые внутри сокровища. Меглин говорил так из хитрости, опасаясь, как бы кто из нолдоли не избежал назначенной гибели: ведь тогда, чего доброго, проведуют о его предательстве и мщение как-нибудь да настигнет его впоследствии. Салгант же эхом вторил Меглину; кроме того, он страшно боялся высунуть нос за ворота, ибо всяко предпочел бы сражаться из-за стен неуязвимой крепости, нежели подвергнуть себя опасности и выйти навстречу могучим ударам на поле боя.

Тогда глава дома Крота сыграл на единственной слабости Тургона и молвил: «Ло! О король, в граде Гондолине хранятся великие сокровища — без числа драгоценных камней, металлов и тканей, и творений дивной красоты, сработанных руками номов, и все это твои советники — кои, по-видимому, более храбры, нежели мудры, — готовы оставить Врагу. Даже если ты одержишь победу на равнине, город будет разграблен и балроги уйдут оттуда с безмерной добычей»; и застонал Тургон, ибо Меглин ведал о его великой любви к богатству и красе твердыни на Амон Гварете. Вновь с жаром заговорил Меглин: «Ло! Или вотще

трудился ты бессчетные годы, возводя стены неуязвимой толщины и созидаая несокрушимые врата; ужели мощь Амон Гварета умалилась, как если бы холм сравнялся с низиной; или запасы оружия и бессчетные стрелы так мало стоят, что в час опасности ты предпочтешь их отринуть и беззащитным выйти на открытое место противу врагов из стали и огня, поступь коих сотрясает землю, и в Окружных горах звенит отзвук их тяжелых шагов?»

И задрожал Салгант при этой мысли, и громогласно возопил: «Меглин верно говорит, о король, прислушайся же к нему». Тогда Тургон принял совет этих двоих, и тем более охотно, что все прочие владыки выступали против; и вот по велению короля весь народ ждет теперь на стенах штурма. Но зарыдал Туор, и покинул королевский чертог, и, собрав воинов Крыла, поспешил по улицам к дому; а к тому часу свет разгорелся зловеще и ярко, город захлестнула жаркая духота, и над мостовыми за клубились черный дым и вонючий чад.

И вот чудища двинулись через долину, и белые башни Гондолина стали алыми; и самые доблестные пришли в ужас при виде огненных драконов и змиев из железа и бронзы, что уже окружили городской холм; и тщетно лучники осыпали их стрелами. И тут раздается крик надежды, ибо се, огненные змии не в силах вскарабкаться к вершине, ибо склоны круты и гладки, как стекло, и еще потому, что струятся по ним воды и гасят огонь; однако ж улеглись твари у подножия, и густое облако пара клубится там, где потоки Амон Гварета и пламя змиев сливаются воедино. И сделалось так жарко, что женщины теряли сознание, а мужи покрывались испариной и изнемогали в своих доспехах, и все

городские источники, кроме одного только королевского фонтана, нагрелись и задымились.

Но вот Готмог, владыка балрогов, предводитель полчищ Мелько поразмыслил и собрал всех железных тварей, что способны обвиться вокруг любого препятствия или, изогнувшись, переползти его поверху. Им он велел взгромоздиться друг на друга напротив северных врат; и се, их гигантские кольца достигли порога и принялись проламывать привратные башни и бастионы, и так непомерно тяжелы были эти туши, что врата рухнули с превеликим грохотом: однако ж стены вокруг по большей части выстояли. Тогда боевые машины и катапульты короля обрушили на безжалостных чудищ дротики, и камни, и потоки расплавленных металлов, и полые их бока лязгали под ударами, но скатывался с них огонь, и ничто не причиняло им вреда. И вот те, что оказались сверху, разомкнулись посередине, и выскочили наружу бесчисленные полчища орков, гоблинов ненависти, и хлынули в пролом врат; и кто расскажет об их скимитарах или о блеске широколезвийных копий, коими наносили они удары?

Тогда Рог возвысил голос, и все воины Молота Гнева, и весь род Древа с Галдором Отважным во главе ринулись на врага. Грохот их тяжелых молотов и стук палиц разносились до самых Окружных гор, орки падали как листья; а воины Ласточки и Арки осыпали их стрелами, и низвергались стрелы вниз, точно темные осенние ливни, и в дыму и всеобщем смятении несли гибель как оркам, так и гондотлим. Великая то была битва, но мощь неуклонно прибывающих вражеских полчищ медленно оттесняла гондотлим назад, несмотря на всю их доблесть, пока гоблины не захватили северную часть города.

В ту пору Туор во главе дружины Крыла с трудом пролагает путь сквозь царящую на улицах сумятицу, и вот добирается он наконец до дома и видит, что Меглин успел туда раньше. Полагаясь на то, что вокруг северных врат уже закипела битва, а в городе царит переполох, Меглин решил, что пробил час исполнить свои замыслы. Многое выведав о подземном ходе Туора (однако прознал о нем Меглин лишь в последний момент, и далеко не всё), ничего не сказал предатель ни королю, ни кому бы то ни было, ибо полагал про себя, что туннель этот в конце концов непременно выведет к Пути Спасения, ибо таковой ближе всего к городу; и надумал воспользоваться этим знанием во благо себе и во зло нолдоли. Меглин в превеликой тайне ото-слал гонцов к Мелько и велел выставить стражу у внешнего выхода Пути, когда начнется штурм; а про себя теперь помышлял швырнуть Эаренделя в пламя под стенами и уповал, что, схватив Идриль, заставит ее выдать все секреты туннеля, так что он сумеет выбраться из кошмаров огня и кровопролития и утащит ее с собою в земли Мелько. Ибо Меглин опасался, что даже тайный знак, выданный ему Мелько, не спасет его при разграблении города, и надумал помочь этому Айну, пообещавшему предателю безопасность, сдержать слово. Нимало не сомневался Меглин, что Туор погибнет в великом пожаре, ибо Салганту доверил он задержать Туора в королевских чертогах и, раззадорив, выманить оттуда напрямиком в самую жестокую сечу, но ло! — Салгант перепугался до смерти и поскакал домой, и теперь, дрожа, скорчился на своем ложе; а Туор отправился к себе вместе с дружиной Крыла.

А поступил так Туор, хотя доблесть его и разыграла при звуках битвы, чтобы попрощаться с Идрилью и Эаренделем

и вместе с надежным провожатым отослать их поскорее прочь по тайному туннелю, прежде чем сам он вернется в гущу битвы и погибнет, если так ему суждено; но обнаружил он, что у дверей его теснятся воины Крота — причем самые свирепые и недобрые, каких только сумел сыскать Меглин во всем городе. Однако ж были то свободные нолдоли, не скованные закланием Мелько, в отличие от своего господина, и хотя, повинувшись Меглину, они не пришли на помощь Идрили, но и содействовать его замыслу не стали, невзирая на всю его брань.

Меглин же ухватил Идриль за волосы и жестокосердно попытался подтащить ее к зубцам стены, чтобы на ее глазах сбросить Эаренделя в пламя; но ребенок отбивался, а Идриль, даже будучи лишена помощи, сражалась как тигрица, невзирая на всю свою красоту и хрупкость. И вот Меглин борется с нею и клянет промедление, а дружина Крыла уже близко, — и ло! — Туор издает такой громогласный крик, что орки слышат его издалека и содрогаются при этом звуке. Точно налетевшая буря, стража Крыла смешалась с воинами Крота и расшвыряла их. При виде этого Меглин попытался заколоть Эаренделя коротким кинжалом, но мальчик укусил его за левую руку, вонзив в нее зубы, и Меглин пошатнулся и ударил не в полную силу, так что лезвие лишь скользнуло по короткой кольчужке; и тут предателя настиг Туор, и ярость его ужасала взор. Он рванул Меглина за руку, сжимавшую кинжал, и сломал ее, а затем, ухватив за пояс, вспрыгнул вместе с ним на стену и отшвырнул его как можно дальше. Велико было его падение; тело предателя трижды ударилось о склон холма Амон Гварет, прежде чем упало в самое пламя, и позорное имя Меглина не упоминается более среди эльдар и нолдоли.

И вот воины Крота, превосходившие числом небольшой отряд Крыла, будучи верны своему владыке, набросились на Туора, и посыпались могучие удары; но противостоять ярости Туора не мог никто, так что их разбили наголову и обратили в бегство, и кого разогнали по темным норам, а кого и сбросили со стен. Туор же и его дружина рвутся в битву у Врат, ибо шум ее нарастает, а Туор в сердце своем еще надеется, что город выстоит; однако ж с Идрилью он оставил Воронвэ, хотя и против его воли, и еще несколько мечников — оберегать ее, пока сам он не вернется или не пришлет вести из боя.

А у врат и впрямь кипела жестокая битва; Дуилин из дома Ласточки, стреляя со стен, был поражен огненной молнией балрогов, что метались у подножия холма Амон Гварет; и рухнул он вниз, и погиб. А балроги продолжали слать в небо подобные змейкам пылающие дротики и пламенеющие стрелы, и падали они на крыши и в сады Гондолина, пока не выгорели все деревья и не обратились в пепел все цветы и травы, а белоснежные стены и колоннады почернели и обуглились; хуже того — целый отряд тех демонов вскарабкался по кольцам железных змиев на самый верх: оттуда балроги без передышки стреляли из луков и пращей, покуда не запылал в городе пожар в тылу у основной армии обороняющихся.

Тогда воззвал Рог громовым голосом: «Кто устрашится ныне балрогов, сколь ни будь они ужасны? Се! — пред нами проклятые твари, кои веками мучили детей нолдоли, а теперь своей стрельбой поджигают город у нас за спиною. Так идем же, о сыны Молота Гнева; мы сокрушим их, воздав за все зло». С этими словами взялся он за булаву с длинной рукоятью и свирепым натиском проложил себе путь к об-

рушенным вратам; и весь народ Звелящей Наковальни клином ринулся следом, пылая ярим гневом, так что из глаз сыпались искры. Великим деянием была та вылазка, как по сей день поют нолдоли; орков во множестве отбросили назад, в пламена у подножия; а воины Рога, перепрыгивая по кольцам змиев, добрались до балрогов и нанесли им немалый урон, несмотря на все их огненные бичи, и стальные когти, и громадный рост. Номы сокрушали их тяжкими ударами или, выхватывая у них бичи, обращали сие оружие против них же, и рвали и трепали их так же, как некогда те истязали номов; и погибло там столько балрогов, что немало сему дивились уstraшенные полчища Мелько, ибо вплоть до того дня не случалось, чтобы балрог пал от руки эльфов или людей.

Тогда Готмог, Владыка балрогов, собрал всех своих демонов, осаждающих город, и отдал им вот какой приказ: одни двинулись было на воинов Молота и тут же отступили перед ними, но отряд более многочисленный, устремившись к флангам, сумел зайти им в тыл, вскарабкавшись по кольцам драконов выше и подобравшись ближе к воротам, так, чтобы Рог не смог уже вернуться, не понеся при этом тяжких потерь. Но Рог, видя это, не стал и пытаться прорываться назад, как на то надеялись, но вместе со всей своей дружиной обрушился на тех, кому предполагалось отходить перед ними, и враги обратились в бегство — уже не уловки ради, но спасая свои шкуры. Вниз на равнину гнали недругов, и пронзительные вопли их сотрясали воздух над Тумладеном. А дом Молота все рубил и крушил ошеломленные банды Мелько, пока превосходящие силы орков и балрогов не взяли номов в кольцо и не напустили на них огненного дракона. Там и пали бойцы вокруг Рога, сража-

ясь до последнего, пока железо и пламя не одолели их; и поют по сей день, будто каждый из воинов Молота Гнева лишил жизни семерых врагов в расплату за свою собственную. Видя же гибель Рога и всей его дружины, гондотлим преисполнились еще большего ужаса и отступили дальше в город; там, в одном из проулков, пал Пенлод, обороняясь спиной к стене, а рядом с ним — многие воины Столпа и Снежной Башни.

Теперь гоблины Мелько заняли ворота и значительную часть стен по обе стороны от ворот, откуда лучники дома Ласточки и дома Радуги были сброшены на верную смерть; отвоевали они и значительную часть города, почти до самого центра, до площади Колодца, что примыкала к Дворцовой площади. Однако на улицах и вокруг врат несчетными горами громоздились вражьи трупы; и замешкались там атакующие, и принялись совещаться, видя, что из-за доблести гондотлим понесли они потери гораздо бóльшие, чем рассчитывали, и не в пример больше, чем защитники города. Устрашило их и побоище, учиненное Рогом среди балрогов, ибо присутствие в войске тех демонов придавало остальным уверенности и храбрости.

Теперь же план их был таков: удержать все то, что уже захвачено, пока бронзовые змии с громадными лапами, способными смять и затоптать все, что встретится на пути, медленно всползут по кольцам железных тварей и, достигнув стен, проделают в них брешь, сквозь которую смогут въехать балроги верхом на огненных драконах; однако ж знали недруги, что надо торопиться, ибо жар тех драконов не вечен и пополнить его можно лишь из колодцев с огнем, что устроил Мелько в твердыне в своей собственной земле.

Но едва отправили враги гонцов, как заслышали в войске гондотлим нежную музыку и устрашились, не понимая, что бы это значило: и ло! — то явился Эктелион и народ Фонтана, коих Тургон до сей поры держал в резерве, ибо наблюдал за боем с высоты своей башни. Теперь шагало это воинство под громкое пение флейт, и хрустали и серебро их одежд ласкали взгляд средь алых отблесков огня и обугленных развалин.

И вдруг музыка разом смолкла, и раздался напевный голос Эктелиона: «Мечи к бою!» — орки ждать не ждали нападения, как уже и засверкали среди них бледные лезвия. И говорится, будто народ Эктелиона перебил там больше гоблинов, нежели пало во всех битвах эльдалиэ с этим племенем, и что имя его внушает оркам ужас и по сей день, а в устах эльдар стало оно боевым кличем.

И вот Туор и дружина Крыла вступают в битву и выстраиваются в боевом порядке подле Эктелиона и воинов Фонтана, и эти двое наносят могучие удары и отводят вражьи лезвия друг от друга, и так теснят орков, что пробиваются почти к самым вратам. Но се! — дрожит земля и раздается тяжкая поступь, ибо драконы медленно и неуклонно прокладывают себе дорогу вверх по холму Амон Гварет и крушат стены города, и уже зияет пролом, и громятся завалы щебня там, где низверглись сторожевые башни. Отряды Ласточки и Небесной Арки испуганно бьются среди руин или оспаривают у врага стены к востоку и к западу; и подоспевший Туор разгоняет орков — но тут на западную стену обрушивается один из бронзовых змиев, и каменная громада сотрясается и обваливается, и появляется из-за нее огненная тварь, а верхом на ней — балроги. Из пасти змия вырывается пламя, испепеляя всех

встречных, так что почернели крыла на шлеме Туора, но стоит он неколебимо и собирает вокруг себя свою дружину и всех воинов Арки и Ласточки, каких только находит, а справа от него Эктелион скликает воинов Южного Фонтана.

При появлении драконов орки вновь собираются с духом и, объединившись с хлынувшими в проем балрогами, яростно атакуют гондотлим. Там Туор сразил Отрода, одного из балрогских владык, расколов ему шлем, и раскрыл надвое Балкмега, а Лугу отрубил топором ноги по колено; а Эктелион одним взмахом рассек двух гоблинских вожаков и раздробил до зубов голову Оркобалу, их самому могучему воителю, и благодаря своей великой доблести эти двое владык добрались и до балрогов. Трех демонов мощи сразил Эктелион, ибо его сияющий меч рассекал их железо и унимал их огонь, и корчились балроги от боли; однако ж боевого топора Драмборлег, каковой сжимала рука Туора, боялись они еще больше, ибо гудел он, точно орлиные крылья в воздухе, и сеял смерть с каждым ударом, и сразил уже пятерых.

Но всем ведомо, что нескольким воинам долго не выстоять противу множества; бич балрога рассек Эктелиону левую руку, и ном выронил щит — как раз когда огненный дракон уже подполз совсем близко, пробираясь через развалины стен. Эктелиону пришлось опереться на Туора, и Туор не мог оставить раненого, хотя зверь того гляди затоптал бы их и гибель казалась неотвратимой. Но Туор рубанул чудище по лапе, так что вверх струей взметнулось пламя, змий завизжал и забил хвостом, и многие орки и нолдоли приняли от него смерть. А Туор собрался с силами, и поднял Эктелиона, и вместе со всеми уцелевшими под-

нырнул под драконье брюхо, и спасся, однако ж дракон тот учинил великое побоище, и туго пришлось гондотлим.

Вот так случилось, что Туор, сын Пелега, отступил пред врагом, отходя шаг за шагом и сражаясь на ходу, и вынес из боя Эктелиона Фонтанного, но драконы и прочие недруги заняли уже половину города и всю его северную часть. Оттуда мародерствующие банды расходились по улицам, занимались грабежом и убивали в темноте мужей, и жен, и детей, а многих, буде подворачивался удобный случай, связывали и уводили с собой, и бросали в кованые камеры внутри железных драконов, чтобы после утащить в рабство к Мелько.

И вот Туор вышел с севера на площадь Общинного Колодца и нашел там Галдора: тот оборонял западный вход через Арку Инвэ от орды гоблинов, а при нем из воинов Древа в живых осталась лишь малая горстка. Там Галдор стал спасителем Туора, ибо тот, пошатываясь под тяжестью Эктелиона, споткнулся о тело, лежащее в темноте, и отстал от своих; и орки захватили бы обоих, кабы не подоспел внезапно доблестный воитель, размахивая палицей.

И вот немногие уцелевшие из стражи Крыла и из домов Древа и Фонтана, Ласточки и Арки, сплотились в могучий отряд и, по совету Туора, отступили с Колодезной площади, видя, что Королевская площадь сразу за ней лучше пригодна для обороны. Прежде множество прекрасных деревьев, дубов и тополей, росло там вокруг огромного, очень глубокого колодца с кристально-чистой водой; но теперь на площади ярились и бесновались гнусные отродья Мелько, и трупы их загрязнили воду.

И вот в последний раз собираются защитники города на площади Дворца Тургона. Среди них многие ранены и ед-

ва стоят на ногах, а Туор изнемог от ночных трудов и под тяжестью Эктелиона, который потерял сознание. Пока же Туор с дружиной входили на площадь по Арочной дороге с северо-запада (ценой величайших усилий не давая врагу зайти к ним с тыла), к востоку от площади послышался шум, и ло! — Глорфинделя оттеснили сюда же вместе с последними уцелевшими из дома Златого Цветка.

Эти воины выдержали жестокий бой на Большом Торжище в восточной части города: там неожиданно атаковал их отряд орков во главе с балрогами, пока шли они кружным путем к битве у врат. Глорфиндель рассчитывал неожиданно ударить на врага с левого фланга, но сам угодил в засаду; несколько часов подряд отчаянно бились номы, пока не одолел их огненный дракон, пробравшийся сквозь пролом, и Глорфиндель с горсткой бойцов с превеликим трудом проложили себе путь к отступлению, но торговая площадь вместе со всеми лавками и творениями искусных мастеров погибла в пламени.

И говорится в предании, будто Тургон, вняв настойчивым просьбам гонцов от Глорфинделя, послал бойцов дома Арфы им на помощь, но Салгант сокрыл от них сей приказ, сказав, что им-де велено занять площадь Малого Торжища к югу, где жил он сам, и тем остались номы Арфы весьма недовольны. Однако теперь, бросив Салганта, явились они к королевским чертогам, и куда как вовремя, ибо торжествующие враги уже настигали Глорфинделя. На них-то и обрушились с превеликим жаром воины Арфы, не дожидаясь приказа, и сполна искупили трусость главы дома, и выбили врага обратно на торжище, и, оставшись без предводителя, в ярости ринулись следом, так что многие угодили в пламя или погибли в дыхании змия, что бесновался там.

Туор же испил из огромного фонтана и, освежившись, преисполнился новых сил, и дал напиться Эктелиону, ослабив завязки его шлема, и плеснул водой ему в лицо, и тот очнулся. И вот двое вождей, Туор и Глорфиндель, очищают площадь и отводят всех, кого могут, от входов, и заграждают их все, до поры оставив открытым лишь южный. Ибо с той стороны приближается Эгалмот. Он был приставлен к боевым машинам на стенах; но с тех пор давно уже решил для себя, что, сражаясь врукопашную на улицах, принесет больше пользы, нежели стреляя со стен, и собрал вокруг себя воинов Арки и Ласточки, и отбросил лук. И пошли они по городу, и всякий раз, сталкивались с вражьиими отрядами, не скупилась на добрые удары. Тем самым Эгалмот спас немало пленников и собрал во множестве тех, что неприкаянно металась по улицам; и так с боем пробился к Королевской площади, где ему весьма обрадовались, ибо опасались, что он погиб. И вот все женщины и дети, — и те, что уже собрались там, и те, коих привел Эгалмот, укрылись в королевских чертогах, а дружины домов приготовились стоять до последнего. В этом войске, составленном из уцелевших, есть воины из всех родов, хотя бы по горсти, — кроме одного только Молота Гнева; и дом короля пока еще не понес потерь. Но нет в том позора, ибо ему всегда полагалось выжидать в резерве до последнего и со свежими силами защищать короля.

Но вот прислужники Мелько сплотили ряды, и подоспели семеро огненных драконов, а верхом на них — балроги, а орки — следом, спеша по дорогам с севера, востока и запада напрямик к Королевской площади. У заграждений закипела кровавая резня, Эгалмот с Туором переходили от одного укрепленного места к другому, а Эктелион остался

лежать у фонтана; и обороны более отчаянно-доблестной не помнят песни и предания, сколько ни есть. Однако в конце концов сквозь северное заграждение прорывается один из драконов — а туда некогда выходил переулок Роз, и место то было отрадно для глаз и приятно для прогулок, ныне же улица почернела от копоти и наполнилась шумом и грохотом.

И вот Туор преградил дракону путь, но оказался отрезан от Эгалмота, и оттеснили его назад, к самому центру площади и к фонтану. И изнемог Туор от удушливого жара, и поверг его наземь громадный демон — сам Готмог, владыка балрогов, сын Мелько. Но ло! — Эктелион, чей лик был бледен, как серая сталь, а щитовая рука безвольно висела вдоль тела, воздвигся над упавшим; и атаковал ном демона, но не поразил насмерть, а сам ранен был в мечевую руку и выронил оружие. Тогда кинулся Эктелион, владыка дома Фонтана, прекраснейший из нолодоли, прямо на Готмога, едва тот занес бич, и вонзил шип, венчающий шлем, в грудь злодея, и обвил его голени ногами; и балрог с воплем повалился вперед; и рухнули эти двое в чашу королевского фонтана, каковая была весьма глубока. Там нашел недруг свою смерть, но и Эктелион в стальном доспехе канул на дно — так погиб владыка дома Фонтана после огневой битвы в хладных водах.

Когда же Эктелион отвлек врага на себя, Туор сумел подняться на ноги. При виде великого его подвига Туор зарыдал из любви к прекрасному ному из дома Фонтана, но повсюду вокруг кипела битва, так что он едва смог пробиться к воинам, стоявшим вокруг дворца. И тут, заметив, как дрогнул враг, ужаснувшись гибели войскового Готмога, вступил в битву королевский дом, и сам король сошел

вниз в сиянии славы и принялся рубиться вместе со своей дружиной, и вновь очистили они от недругов почти всю площадь и перебили еще четыре десятка балрогов: то было деяние воистину доблестное, но свершили они и большее: взяли в кольцо одного из огненных драконов, невзирая на весь его жар, и загнали его в фонтан — там змий и сгинул. Но на том иссякли и кристальные воды: они выкипели, а источник пересох и более не бил струей в небеса: но ввысь вознесся огромный столп пара, и облако то накрыло всю землю.

Ужас объял всех при виде страшной судьбы фонтана, площадь оделась палящим маревом и непроглядными туманами; номы королевского дома гибли от жары, и от врагов и змиев, и от руки друг друга, но небольшой отряд спас короля, и собрались все под Глинголом и Бансилом.

И молвил король: «Велико падение Гондолина», — и содрогнулись номы, ибо таковы были слова Амнона, пророка древности. Но Туор, охваченный жалостью и любовью к королю, иступленно воскликнул: «Стоит еще Гондолин, и Ульмо не допустит его гибели!» А надо сказать, что Туор говорил от подножия Древя, а король — со ступеней лестницы, в точности как встарь, когда Туор вещал устами Ульмо. Но молвил Тургон: «Беду навлек я на Цветок Долины, ибо не внял Ульмо, и ныне Ульмо оставляет его вянуть в огне. Ло! В моем сердце нет более надежды для моего прекрасного града, но не вечно терпеть поражение детям нолдоли».

И забряцали гондотлим оружием, ибо многие стояли рядом, но рек Тургон: «Не сражайтесь противу судьбы, о дети мои! Те, кто может, спасайтесь бегством, ежели есть еще время, но присягните на верность Туору». Возразил Туор: «Король — ты»; Тургон же отвечивал: «Но не

нанесу я более ни единого удара», — и бросил свою корону к подножию Глингола. Галдор, стоявший тут же, подобрал корону; Тургон же ее не принял и с непокрытой головой поднялся на самый верх белой башни, что высилась рядом с его дворцом. Оттуда вскричал он: «Велика победа нолдоли!» — и голос его разнесся, точно звук рога среди гор, и услышали его и все те, кто собрался под Деревами, и враги на площади, укрытой туманным маревом. И говорится, будто случилось это в полночь, и орки насмешливо взвыли в ответ.

Тогда заговорили о вылазке, и голоса разделились. Многие полагали, что прорваться сквозь строй врагов невозможно, а даже если бы и удалось, то не смогут они перейти равнину и перебраться через горы, и потому лучше пасть рядом с королем. Но Туору была нестерпима самая мысль о гибели столь многих прекрасных жен и детей, будь то от руки их собственной родни, в качестве последнего средства, или от оружия врагов; и рассказал он о потайном ходе, проложенном под землей. Потому советовал он умолить Тургона передумать, дабы вернулся король к народу своему и повел уцелевших к южным городским стенам и ко входу в туннель; самого же Туора снедало желание поскорее отправиться туда и узнать, что с Идрилью и Эаренделем, либо послать им вести с приказом уходить поскорее, ибо Гондолин захвачен. Замысел Туора показался знатым номам воистину безрассудным — памятуя, сколь узок туннель и какое множество народу должно по нему пройти, — однако в нынешнем бедственном положении охотно согласились они последовать сему совету. Но Тургон не внял и повелел всем уходить теперь же, пока еще не поздно, и — «Пусть Туор будет вашим проводником и вождем, — рек

король. — Но я, Тургон, не покину своего города и сгорю вместе с ним». Тогда снова отправили посланцев в башню, говоря: «Государь, кто суть гондотлим, если ты погибнешь? Веди нас!» Но рек король: «Ло! Я пребуду здесь»; а на третий раз сказал так: «Ежели я — король, повинуйтесь моим приказам и не смейте более оспаривать мои веле-ния». После того не слали уж к нему более гонцов и ста-ли готовиться к отчаянной попытке. Но те, кто еще оста-вался в живых из числа королевского дома, с места не стронулись, а столпились вокруг подножия королевской башни. «Здесь, — сказали они, — мы и останемся, если Тургон не выйдет», — и переубедить их не удалось.

А Туор разрывался надвое между почтением к королю и любовью к Идрили и к своему сыну, и тяжело было у него на сердце; но змии уже рыщут по площади, топча мертвых и умирающих, и вражье войско стягивается под покровом туманов для последнего штурма; и должно сделать выбор. И вот, слыша рыдания жен во дворцовых чертогах и пре-исполнившись великого сострадания к несчастным уцелев-шим из домов Гондолина, Туор собрал всех воедино, — го-рестных дев, и детей, и матерей, — и, поместив их в центре отряда, расставил своих воинов вокруг них сколь можно плотнее, и в наибольшем числе — на флангах и в тылу, ибо вознамерился пробиваться обратно на юг, и арьергарду предстояло обороняться что есть сил по пути; и так, ежели повезет, надеялся Туор пробиться по дороге Процессий к площади Богов, прежде чем на перехват беглецов вышлют крупные силы. Оттуда задумал он добратся Путем Бегучих Вод мимо Южных Фонтанов к стенам и к своему дому; но весьма сомневался он, что потайной туннель и впрямь про-ходим. И вот, заметив его маневр, враг тотчас же яростно

атаковал левый фланг и тыл с востока и с севера — едва отряд начал отступать; а правый фланг находился под прикрытием королевского чертога, и головная часть той колонны уже вступила на дорогу Процессий.

И тут явились несколько огромнейших драконов и заблистали в тумане, и Туор вынужден был приказать отряду перейти на бег, отбиваясь от врагов слева как придется; Глорфиндель же мужественно защищал тыл, и полегло там еще множество воинов Златого Цветка. Вот так прошли беглецы по дороге Процессий и добрались до площади Богов, Гар Айнион; а площадь эта весьма открытая, и в центре нее — самая высокая точка города. Здесь Туор рассчитывает стоять насмерть и почти не надеется продвинуться дальше; но се, вражий натиск словно бы ослаб, и — вот диво! — беглецов больше не преследуют. И вот приходит Туор во главе отряда к Месту Свадеб, и ло! — пред ним Идриль, с распущенными волосами, как в тот день, когда они стали мужем и женою; и велико его изумление. Рядом с нею стоял не кто иной, как Воронвэ, но Идриль не замечала даже Туора, ибо не сводила глаз с Королевской площади, которая теперь осталась ниже по склону. И остановился многочисленный отряд, и все оглянулись и посмотрели туда, куда устремлен был взор Идрили, и у всех замерло сердце; ибо теперь увидели они, почему враг оставил их в покое и что обернулось для них спасением. Ло! — на ступенях дворца свернулся дракон и осквернил их белизну; орды орков грабили чертоги, выволакивали наружу забытых там женщин и детей и убивали сражавшихся в одиночку мужей. Глингол увял и иссох на корню, и весь почернел Бансиль; а королевскую башню взяли в кольцо. На самом верху можно было различить фигуру короля, но

вокруг подножия обвился железный змий: он изрыгал пламя, хлестал и загребал хвостом, а вокруг толпились балроги; страшная судьба постигла королевскую обитель, и до наблюдавших доносились крики ужаса. Вот так случилось, что отвлеклось внимание врага на разорение чертогов Тургона и на дружину королевского дома, что доблестно сражалась у последнего рубежа, и Туору удалось уйти оттуда вместе со всем своим отрядом, и теперь стоял он в слезах на площади Богов.

И молвила Идриль: «Горе мне, чей отец ожидает гибели на вершине своей самой высокой башни; но семижды горе той, чей супруг сражен Мелько и не вернется домой более», — ибо рассудок ее помутился от мук и боли той ночи.

И воскликнул Туор: «Ао! Идриль, вот он я, и я жив; однако ж теперь пойду я и приведу сюда твоего отца, хотя бы из самих Преисподних Мелько!» С этими словами он уже собрался было спуститься по холму в одиночку, обезумев при виде страданий жены; но она пришла в себя и, бурно разрыдавшись, обняла его колени, твердя: «Супруг мой! О супруг мой!» — и удержала его. Однако ж пока говорили они, донеслись с той злополучной площади крики и великий шум. Се, башня вспыхнула пламенем и пала огненным столпом — с оглушительным грохотом и лязгом, ибо драконы сокрушили ее основание и всех, кто там стоял. Так сгинул Тургон, король гондотлим, и на тот час Мелько одержал победу.

С тяжелым сердцем молвила Идриль: «Прискорбна слепота мудрых»; но отвечивал Туор: «Прискорбно также и упрямство тех, кого мы любим, — однако недостаток сей подсказан доблестью», — и, наклонившись, поднял и по-

целовал жену, ибо она значила для него больше, чем все гондотлим вместе взятые; Идриль же горько рыдала об отце. И повернулся Туор к вождям, говоря: «Ло, надобно уходить отсюда немедленно, чтобы не окружили нас»; и тотчас же все поспешили вперед, так быстро, как только могли, и далеко ушли прежде, чем оркам наскучило разорять дворец и радоваться падению башни Тургона.

И вот беглецы уже в южной части города, и попадают им на пути лишь одиночные банды мародеров, что при виде них обращаются в бегство; но везде, куда ни глянь, пылают пожары, ибо враг не ведал жалости. Встречаются им и женщины, одни несут младенцев, другие нагружены скорбью; однако Туор не позволил им взять с собой ничего, кроме небольшого запаса еды. И вот, наконец, добравшись туда, где было поспокойнее, Туор расспросил Воронвэ о происшедшем, ибо Идриль не в силах была говорить и едва не теряла сознание. И поведал ему Воронвэ, как они с Идрилью ждали у дверей дома, а шум битвы все нарастал, и замирали сердца их, а Идриль рыдала, ибо от Туора вестей не было. Наконец она отослала большую часть приставленной к ней охраны вниз по тайному ходу вместе с Эаренделем, властно потребовав, чтобы уходили они; однако ж горько печалилась она, расставаясь с сыном. А сама она останется, — так сказала она, — ибо не желает пережить своего супруга; и тогда пошла она собирать женщин и всех тех, кто отбился от своих, и отправляла их по туннелю, и вместе со своим маленьким отрядом рубила мародеров; и невозможно было убедить ее оставить меч.

Наконец столкнулись они с бандой слишком многочисленной, и Воронвэ удалось вызволить оттуда Идриль лишь милостью Богов, ибо все, кто был с ними, погибли; и сожгли

враги дом Туора, но потайного хода не нашли. «Тогда-то, — молвил Воронвэ, — госпожа твоя обезумела от усталости и горя и пошла в город куда глаза глядят, к вящему моему страху, — и не удавалось мне увести ее с охваченных пожаром улиц».

Едва произнес Воронвэ эти слова, как уже и дошли они до южных стен и оказались перед Туоровым домом, и ло! — дом разрушен, и над развалинами курится дым; и при виде этого горечь и гнев вскипели в сердце Туора. Но вот слышался шум, возвещающий о приближении орков, и Туор как можно скорее отправил всех, кто пришел с ним, вниз в подземный ход.

Се! — царит на лестнице великая скорбь: изгнанники прощаются с Гондолином и однако ж не питают надежды выжить за пределами гор, ибо можно ли ускользнуть от длани Мелько?

И вот все до последнего вошли в туннель, и рад Туор, и спокойнее делается у него на душе; воистину, только волею Валар сумели все гондотлим добраться туда, не будучи замечены орками. У входа остались лишь немногие: они, сложив оружие, работают кирками и заваливают изнутри вход под землю, а затем поскорее догоняют остальных; когда же все спустились по ступеням на уровень долины, сделалось невыносимо жарко, ибо вокруг города ползали, изрыгая пламя, драконы — совсем рядом, рукой подать, ведь проход проложили на небольшой глубине от поверхности. Сотрясалась земля, с потолка срывались камни и, падая, задавили многих, а в воздухе растекались дым и чад, так что погасли факелы и светильники. И спотыкались беглецы о тела тех, кто прошел до них и погиб; и Туора снедал страх — тревожился он за Эаренделя; и спешили гондотлим вперед

в крошечной тьме, терпя тяжкие страдания. Почти два часа провели они в подземном туннеле, а ближе к концу он был не вполне закончен, с неровными стенами и низким потолком.

Наконец добрались они, недосчитавшись почти десятой части, до выхода из туннеля, каковой был искусно выведен в обширную впадину, что некогда заполнялась водой, а теперь заросла густым кустарником. Здесь собралась огромная разношерстная толпа — все те, кого Идриль с Воронвэ отослали по тайному ходу впереди себя. Беженцы тихо плакали от усталости и печали, но Эаренделя среди них не было, и Туор с Идрилью изнывали от душевной боли. Все прочие также сокрушались и сетовали, ибо посреди окрестной равнины высился вдалеке холм Амон Гварет, коронованный пламенем, на коем прежде сиял их родной город. Огненные драконы кишат вокруг него, и железные чудища входят и выходят из врат, а бесчисленные орки и балроги грабят и разоряют дома. Тем не менее вожди находят в этом некоторое утешение, ибо решают, что на равнине отродий Мелько почти не осталось, вот разве что у самых стен, ибо все его чудища стянулись туда — порадоваться уничтожению города.

Посему молвил Галдор: «Теперь надобно нам поспешить к Окружным горам — дабы оказаться как можно дальше отсюда, пока не застал нас рассвет, а времени у нас немного, ведь лето на пороге». Но поднялся ропот, ибо твердили иные, что идти к Кристорну, как задумал Туор — сущее безумие. «Солнце, — говорят они, — взойдет куда раньше, чем мы достигнем предгорий, а на равнине нас изничтожат драконы и демоны. Давайте отправимся к Пути Спасения, Бад Утвен, ибо до него в два раза ближе: на-

ши усталые и раненные могут надеяться добраться туда, но никак не дальше».

Но Идриль воспротивилась и убеждала владык не полагаться на магию того пути, что прежде хранила его от обнаружения: «Ибо что за магия выстоит, если Гондолин пал?» Однако ж большой отряд мужей и жен отделился от Туора и отправился к туннелю Бад Утвен, напрямиком в пасть чудища, что коварный Мелько по совету Меглина посадил у внешнего выхода, дабы никто не смог пройти тем путем. Но остальные, ведомые Леголасом Зеленым Листом из дома Древа, который знал равнину как свои пять пальцев, будь то в ночи или при свете дня, и отлично видел в темноте, устремились через долину, невзирая на всю свою усталость, и остановились на привал лишь после длительного перехода. К тому часу всю землю уже залил сумеречный свет печальной зари, что не глядела более с небес на красоту Гондолина; но над равниной клубились туманы — и то было диво, ибо прежде вовеки не повисало там ни дымки, ни хмари, и, верно, ныне случилось так из-за гибели королевского фонтана. Снова воспряли гондотлим и под прикрытием серого марева долго шли в безопасности даже после восхода солнца, пока не оказались слишком далеко, чтобы кто-либо разглядел их в мгlistой пелене с холма или от развалин стен.

А надо сказать, что горы, или скорее самые низкие их предгорья с этой стороны отстояли от Гондолина на семь лиг без одной мили, а до Кристорна, Расселины Орлов, было еще две лиги вверх, в гору, ибо пролегал тот перевал на большой высоте; так что беглецам оставалось еще преодолеть две лиги с лишним средь скальных выступов и отрогов, и все валились с ног. К тому времени солнце висело уже

высоко над седловиной в восточной части гор, огромное и алое; вокруг путников туманы развеялись, но руины Гондолина по-прежнему скрывались словно бы в облаке. Се! — едва развиднелось, заметили гондотлим на расстоянии всего лишь нескольких фарлонгов* горстку воинов, что спасались бегством от диковинных всадников: верхом на гигантских волках, как показалось издали, мчались орки, потрясая копьями. И молвил Туор: «Ло! Там же сын мой Эарендель; се, лик его сияет точно звезда над пустошью, а вокруг него — мои дружинники Крыла, и тяжело им приходится». Сей же миг отобрал он пятьдесят мужей, кои устали менее прочих, и, велев всем остальным двигаться следом, поспешил со своим отрядом через равнину так быстро, как только позволяли оставшиеся силы. Оказавшись же в пределах слышимости, прокричал Туор воинам, защищавшим Эаренделя, остановиться и не бежать, ибо волчьи всадники разгоняли их и убивали по одному, а ребенок ехал на плечах у некоего Хендора, домочадца Идрили, который, мнилось, того и гляди останется без защиты вместе со своей ношей. Тут встали воины спина к спине, а Хендор с Эаренделем — в середине; и вскорости подоспел к ним Туор, хотя спутники его совсем запыхались.

Волчьих всадников было десятка два, а из защитников Эаренделя оставалось в живых лишь шестеро; так что Туор расставил своих воинов полумесяцем в один ряд, надеясь взять наездников в кольцо, чтобы ни одному не удалось спастись и принести вести основным силам врага, и навлечь погибель на беглецов. В том преуспел он, ибо ускользнуть удалось лишь двоим, причем пешими и ранеными, так что слишком поздно добрались они до города.

* 1 фарлонг равен 201 м. — *Примеч. пер.*

Возрадовался Эарендель Туору, а уж как Туор был счастлив вновь обнять сына! — но молвил Эарендель: «Отец, меня мучит жажда, ибо немало пришлось пробежать мне — и не надо было Хендору нести меня». На это отец его ничего не ответил, ибо воды у него не случилось и думал он о нуждах всего своего отряда; и снова заговорил Эарендель: «Славно было видеть, как погиб Меглин, ибо он поднял руку на мою матушку — и не жаловал я его. Но, сколь бы ни рыскало вокруг волчьих всадников Мелько, ни за что не пошел бы я туннелями». И улыбнулся Туор, и посадил сына на плечи. Вскорости нагнали их все остальные, и Туор передал Эаренделя матери, и та возрадовалась великой радостью; но Эарендель не захотел, чтобы несли его на руках, и молвил: «Матушка Идриль, ты устала, а доспешные воины гондотлим верхом не ездят, кроме разве одного старика Салганта!» — и мать его рассмеялась сквозь слезы. И спросил Эарендель: «Да, а где же Салгант?» — ибо Салгант порою рассказывал ему занятные истории или развлекал его забавными играми; немало повеселил Эаренделя старый ном в те времена, когда день за днем навещался в гости к Туору, ибо весьма любил доброе вино и отменное угощение, коими его там потчевали. Но никто не мог ответить, где Салгант; не знают того и поныне. Может статься, сторел он вместе со своим ложем; а иные полагают, что увели его пленником в чертоги Мелько и сделали шутом — и злая то участь для знатного мужа из славного народа номов. И удручился Эарендель, и молча зашагал рядом с матушкой.

И вот добрались беглецы до подножия гор, а утро стояло в разгаре, хотя все еще пасмурное, и у самого начала подъема гондотлим расположились отдохнуть в лоштинке, обрамленной деревьями и орешником, и многих сморил сон,

несмотря на опасность, ибо совсем выбились они из сил. Но Туор выставил недремлящую стражу и сам не сомкнул глаз. Здесь подкрепились все скудными остатками снеди; а Эарендель, утолив жажду, забавлялся у ручейка. А потом сказал матери: «Матушка Идриль, жаль, нет тут с нами славного Эктелиона из дома Фонтана, он бы сыграл мне на своей флейте или вырезал бы мне ивовых свистулек! Он, верно, ушел вперед?» Но Идриль сказала «нет» и рассказала сыну все, что слыхала о гибели Эктелиона. И молвил Эарендель, что не желает более видеть улицы Гондолина, и горько заплакал; Туор же сказал, что и не увидит он более этих улиц, «ибо Гондолина больше нет».

Когда же солнце опустилось к самым холмам, Туор велел всем подняться, и беглецы двинулись дальше по каменистым тропам. Вскоре травы поблекли и увяли, и сменились мшистыми камнями, и даже сосны и ели поредели. На закате дорога обогнула горный склон, и Гондолин исчез из виду. Но вот отряд снова вышел из-за поворота, и ло! — над равниной развиднелось, и раскинулась она, улыбаясь, в последнем свете дня, как встарь, но вдалеке, пока глядели они, на фоне потемневшего севера воздвигся столп пламени — то пала последняя из башен Гондолина, та, что высилась близ южных врат, роняя свою тень на стены Туорова дома. Тут зашло солнце — и Гондолин навеки сокрылся с глаз.

А надо сказать, что перевал Кристорн, то есть Орлиная расселина, куда как опасен, и никогда не решились бы бегенцы на такой переход во мраке, без светильников и факелов, усталые и обремененные женщинами и детьми, и больными, и ранеными, если бы не великий страх перед соглядатаями Мелько, ибо, двигаясь в таком большом числе,

никак не могли гондотлим остаться вовсе незамеченными. Пока поднимались они наверх, быстро темнело, и путники поневоле растянулись длинной беспорядочной цепью. Галдор с отрядом воинов-копейщиков шел впереди, и с ними — Леголас, видевший в темноте не хуже кошек, и притом куда дальше. Далее следовали наименее усталые из женщин, поддерживая тех недужных и увечных, что могли идти сами. С ними были Идриль и Эарендель, который держался стойко, но Туор шел в самой середине отряда позади них, вместе со всеми воинами Крыла: они несли тяжелораненых; был с ним и Эгалмот, пострадавший при прорыве с площади. За ними брели в большом числе еще женщины с младенцами, и девы, и хромые; однако ж цепь двигалась так медленно, что и они не отставали. А замыкал шеренгу самый многочисленный отряд бойцов, готовых к битве, и был среди них златовласый Глорфиндель.

Так добрались беженцы до Кристорна — недоброе то место, ибо на такую головокружительную высоту ни весна, ни лето никогда не заглядывают, и царит там лютый холод. Воистину, пока долина купается в солнечных лучах, там, на суровых вершинах, весь год напролет лежат снега; и как только поднялись туда гондотлим, завыл ветер, налетая сзади, с севера, и принялся безжалостно кусать и жалить. Снег валил валом, закручивался вихрями и слепил глаза, и это было не к добру, ибо здесь тропа очень узка, а справа, со стороны запада, воздвигается отвесная стена на высоту около семи мерных цепей* от дороги и сверху ошетиливается зубчатыми острыми пиками, где во множестве гнездятся орлы. Там обитает Торондор, Король Орлов, Владыка торн-

* Около 140 м. (1 мерная цепь равна 20,12 м.). — *Примеч. пер.*

хот, коего эльдар нарекли Соронтуром. А по другую руку разверзается пропасть, не настолько отвесная, но страшно крутая и обрывистая, где торчат вверх длинные клыки скал, так что спуститься вниз можно — а то и упасть, а вот вскарабкаться наверх — нет. Из того глубокого ущелья выхода нет ни в начале, ни в конце, равно как и со стороны склонов, а по дну его бежит Торн Сир. Этот поток срывается вниз с кручи в южной части, но тонкой струйкой, ибо на тех высотах он — лишь малый ручеек; бежит он по каменистому руслу где-то с милю и в северной части уходит вниз, в недра горы, сквозь щель такую узкую, что там и рыбешка едва протиснется.

Галдор и его воины уже дошли до конца перевала и оказались близ того места, где Торн Сир низвергается в пропасть, а остальные поотстали и растянулись, невзирая на все усилия Туора, почти на милю на той страшной дороге между пропастью и скалой, так что народ Глорфинделя был еще в самом начале тропы, как вдруг раздался в ночи вопль, эхом раскатившийся в угрюмом краю. Се, воинов Галдора внезапно атаковали в темноте какие-то твари, выскочив из-за скал, где залегли затаившись, так что даже Леголас их не углядел. Туор подумал было, что они столкнулись с одной из бродячих банд Мелько и быстро отобьются в темноте, однако ж отослал женщин и недужных назад, ближе к концу цепочки, а сам вместе со своими воинами примкнул к Галдору, и на опасной тропе закипела битва. Но вот сверху полетели камни, чиня немалый урон, и похоже было на то, что положение серьезно; и понял Туор, что дела обстоят куда хуже, когда в тылу послышался лязг оружия и некий ном из дома Ласточки прибежал с известием о том, что Глорфинделя сзади теснят враги, и с ними балрог.

Тут весьма испугался Туор, что угодил в ловушку, а именно так, по правде сказать, и случилось, ибо повсюду в окружающих холмах Мелько расставил дозоры. Однако столь доблестно оборонялись гондотлим, что очень многие из слуг Мелько вынуждены были присоединиться к штурмующим, прежде чем город удалось захватить; потому дозорных осталось немного, и менее всего — здесь, на юге. Однако ж один из них издалека заметил толпу беженцев, едва двинулись те наверх от заросшей орешником лощинки, и объединились против них столько отрядов, сколько нашлось, и замыслили враги атаковать изгнанников и в лоб, и с тыла на опасном перевале Кристорн. Но Галдор и Глорфиндель удерживали позиции, даже при том, что напали на них врасплох, и многих орков сбросили в пропасть; но похоже было на то, что камнепад положит конец доблестной обороне и бегство из Гондолина закончится крахом. В тот час над перевалом поднялся месяц, и тьма немного расступилась: бледный свет просачивался в темные уголки, однако тропу не осветил, ибо слишком высоки были скальные стены. Тогда воспрял Торондор, Король Орлов, а он не любил Мелько, ибо встарь Мелько поймал множество его родичей и приковал к острым скалам, чтобы вырвать у них волшебные слова, с помощью которых он смог бы научиться летать (ибо мечтал Мелько сразиться с Манвэ в воздухе); а поскольку орлы упорствовали, Мелько отрезал им крылья и попытался сработать себе из них могучие крыла для полета, да только ничего у него не вышло.

И вот шум с перевала донесся до громадного гнезда Торондора, и молвил Король Орлов: «Почто эти гнусные твари, эти горные орки подбираются к моему трону? И почему сыны нолдоли кричат там, внизу, от страха пред от-

родьями проклятого Мелько? Воспряньте, о торнхот, чьи клювы — из стали, а когти — что мечи!»

Тут поднялся гул, словно бы могучий ветер пронесся в скалах, и торнхот, народ Орлов, обрушились на тех орков, что взобрались на кручи над тропой, и принялись раздирать им морды и лапы и сбрасывать их на камни Торн Сира далеко внизу. И возликовали гондотлим, и в последующие дни сделали Орла гербом своего народа в знак своей радости, и носила тот герб Идриль, но Эарендель больше любил Лебединое Крыло отца. Теперь воины Галдора беспрепятственно отбросили нападавших, ибо тех было не так много, и весьма напугало их нападение торнхот; и отряд снова двинулся вперед, Глорфиндель же без устали сражался в арьергарде. Половина отряда уже прошла опасный перевал и водопад Торн Сира, как вдруг тот балрог, что был среди недругов, атакующих с тыла, одним могучим прыжком вскочил на утесы, торчащие над тропой слева у самого края пропасти, а оттуда, перепрыгнув через воинов Глорфинделя, яростно ворвался в толпу женщин и недужных впереди, хлеща огненным бичом. Глорфиндель же кинулся на врага, и золоченый номский доспех замерцал нездешним светом в лунных лучах; и рубанул ном мечом этого демона, так что тот снова отскочил на громадную глыбу, а Глорфиндель — за ним. И вот закипела смертельная битва на высокой круче над головами беженцев; а поскольку недруги напирали на них сзади и преграждали путь спереди, гондотлим сгрудились так плотно, что почти все могли видеть, что происходит; однако ж не успели воины Глорфинделя подоспеть к нему на помощь, как бой уже и закончился. Глорфиндель в пылу ярости гнал балрога от пика к пику, а броня защищала нома от бича и когтей. Вот, широко размахнувшись,

воитель обрушил могучий клинок на железный шлем балрога; вот отрубил демону лапу с хлыстом по самый локоть. И тут балрог, во власти мучительной боли и страха, ринулся на Глорфинделя; тот нанес колющий удар, стремительный, словно бросок змеи; но попал лишь в плечо, и сцепились противники, и, пошатнувшись, рухнули на скалу. Тогда левой рукой Глорфиндель нащупал кинжал и, воткнув его, вспорол барлогу брюхо вровень со своим лицом (ибо демон был крупнее его в два раза); и тот завизжал и опрокинулся назад, и, падая со скалы, вцепился в золотые пряди Глорфинделя, выбившиеся из-под шлема, и оба сорвались в бездну.

То было великое горе, ибо Глорфинделя все горячо любили, и ло! — грохот падения эхом разнесся в горах и отозвался в ущелье Торн Сира. Заслышав предсмертный вопль балрога, орки впереди и позади отряда дрогнули — и либо были перебиты, либо бежали далеко прочь, и сам Торондор, могучая птица, слетел в пропасть и вынес наверх тело Глорфинделя, а балрог остался лежать на дне, и еще много дней воды Торн Сира текли черным-черны далеко внизу на равнине Тумладен.

А эльдар до сих пор говорят при виде славной битвы, в которой силы неравны против ярости зла: «Увы! Се Глорфиндель и балрог», — и сердца их до сих пор крушатся о прекрасном воителе из народа нолдоли. И так сильна была любовь к погибшему, что, невзирая на необходимость спешить — ведь того гляди могли появиться новые враги! — Туор велел воздвигнуть над Глорфинделем высокий каменный курган сразу за опасным перевалом, у обрыва, с которого низвергался Орлиный поток, и Торондор до сих пор не подпускает туда никакое зло, но выросли там желтые цветы и цветут посейчас вокруг кургана в тех суровых ме-

стах; а народ Златого Цветка рыдал при возведении его, не осушая глаз.

Кто расскажет о блужданиях Туора и беженцев Гондолина в глуши за пределами гор к югу от долины Тумладен? Великие муки и смерть выпали им на долю, и голодали они, и холодали, и бодрствовали на страже, не смыкая глаз. А удалось им пройти даже через эти земли, наводненные злом Мелько, не иначе как благодаря тому, что мощи Врага причинены были великий ущерб и урон в побоище при штурме города, а еще благодаря быстроте и осторожности, с которыми вел их Туор; ибо Мелько, конечно же, прознал о бегстве гондотлим и пришел оттого в ярость. До Ульмо в далеких океанах дошли вести о свершенных деяниях, но до поры ничем не мог он помочь беглецам, ибо блуждали они вдалеке от вод и рек — и воистину томила их жажда, и не знали они дороги.

Но спустя год с лишним странствий, в течение которого нередко случалось им, запутавшись в тенетах магии тамошних пустошей, долго ходить кругами по собственным своим следам, снова настало лето, и в разгар его добрались наконец гондотлим до речки и, пройдя вдоль нее, достигли земель более приветных и немного воспряли духом. Здесь проводником их стал Воронвэ, ибо как-то ночью в конце лета услышал он в журчании потока шепот Ульмо — а внимая голосу вод, всегда обретал Воронвэ великую мудрость. И вел он соплеменников до тех пор, пока не вышли они к Сириону, в который впадала та речка, и тогда Туор с Воронвэ поняли, что находятся неподалеку от внешних врат прежнего Пути Спасения, и снова оказались в глубокой

лощине, заросшей ольхой. Здесь весь кустарник был вытоптан, деревья выжжены, а склон обезображен пламенем, и зарыдали беженцы, ибо поняли, что за судьба постигла тех, кто некогда расстался с ними у выхода из потайного туннеля.

И вот пошли гондотлим вниз по реке, и снова приходилось им страшиться Мелько, и сражаться с его орочьими отрядами, и угрожали им волчьи всадники, но огнедышащие драконы их не преследовали, ибо истощилось их пламя после захвата Гондолина, а по мере того, как река набирала силу, росла и власть Ульмо. Так спустя много дней добрались беженцы — а шли они медленно и с трудом добывали себе пропитание, — до тех обширных вересковых пустошей и топей, что лежат от Края Ив выше по течению; и Ворон-вэ тех земель не знал. Здесь Сирион надолго уходит под землю: ныряет в огромную пещеру Буйных Ветров и снова выходит на поверхность выше Заводей Сумерек, в том самом месте, где Тулкас впоследствии сразился с самим Мелько. Туор же прошел эти области под покровом ночи и в сумерках, после того, как Ульмо явился ему в тростниках, и не помнил он дороги. Местами земля эта полнится мороками и весьма заболочена; здесь беженцы надолго задержались, и докучали им кусачие мухи, ибо все еще стояла осень; горячка и лихорадка одолевали гондотлим, и проклинали они Мелько.

Но вот вышли они наконец к обширным заводам и к пределам благодатнейшего Края Ив, и само дыхание тамошних ветерков принесло им покой и мир, и так отрадно это место, что утишилось горе тех, кто оплакивал погибших при падении города. Снова похорошели жены и девы, недужные исцелились, старые раны перестали ныть; не улыбались и не

пели только те, кто не без причины опасался, что родичи их томятся в жестоком рабстве в Железных Преисподних.

Здесь весьма надолго задержались гондотлим, и Эарендель успел подрасти, прежде чем голос раковин Ульмо тронул сердце Туора, и возвратилась его тоска по морю, и жажда тем более сильная, что подавлялась столько лет; и весь народ поднялся по слову Туора и спустился по Сириону к морю.

А надо сказать, что тех, кто прошел через Орлиную раселину и видел падение Глорфинделя, насчитывалось около восьми сотен: толпа неприкаянных скитальцев — вот и все, что осталось от столь прекрасного города со множеством жителей. Но тех, что спустя годы восстали из трав Края Ив и ушли к морю, справив тризну по Глорфинделю, когда весна рассыпала по полям цветы чистотела, — осталось лишь три сотни и два десятка мужей и отроков, и две сотни и шесть десятков жен и отроковиц. А женщин было так мало, потому что они схоронились или были спрятаны родней своей в разных укромных тайниках по всему городу. И одни погибли в пожаре, а других убили или увели в рабство; ведь спасательным отрядам слишком редко удавалось их найти; и невыразимо горько о том думать, ибо девы и жены гондотлим были прекрасны как солнце, и милы как луна, и светлее звезд. Слава осеняла град Гондолин Семи Имен; из всех разоренных городов Земли его постигла гибель наиболее жуткая. Ни Вавилон, ни Нинви, ни башни Труи, ни Рум, величайший из людских городов, столько раз переходивший из рук в руки, не видали таких ужасов, что обрушились в тот день на Амон Гварет, обитель номов; и сие почитается гнуснейшим из деяний Мелько — ничего хуже не измыслил он в мире по сей день.

Сказание о падении Гондолина

Ныне же изгнанники Гондолина поселились в устье Сириона у волн Великого моря. Там стали они называться лотлим, народ цветка, ибо гондотлим — имя, от которого слишком больно сердцам им; и возрастает Эарендель в доме отца своего, и прекрасен он обличием среди лотлим, и великое сказание о Туоре подошло к завершению.

И молвил Сердечко, сын Бронвега: «Увы Гондолину!»

Самый ранний текст

Важной составляющей ранней эволюции истории Древних Дней являются наспех набросанные заметки моего отца. Как я уже говорил, заметки эти сделаны по большей части карандашом, на скорую руку, на разрозненных листках, неупорядоченных и без даты, или в маленькой записной книжке; сейчас текст стерся, поблек и местами с трудом подлежит расшифровке даже после долгого изучения. В ходе лет, в течение которых создавались «Утраченные сказания», мой отец бегом записывал свои мысли и идеи — причем многие представляют собою не более чем короткие фразы или просто отдельные имена как напоминание о предстоящей работе: о сюжетных линиях, которые необходимо изложить, или об изменениях, которые нужно внести.

Среди этих набросков обнаруживается фрагмент, по всей видимости, являющийся самым ранним намеком на сюжет о падении Гондолина:

Исфин, дочь Финголмы, издалека любима Эолом (Арвалом) из номского рода Крота. Он силен, в почете у Финголмы и у сынов Феанора (с которыми он в родстве), поскольку он возглавляет Рудокопов и разыскивает сокрытые драгоценные камни; но он некрасив и Исфин его ненавидит.

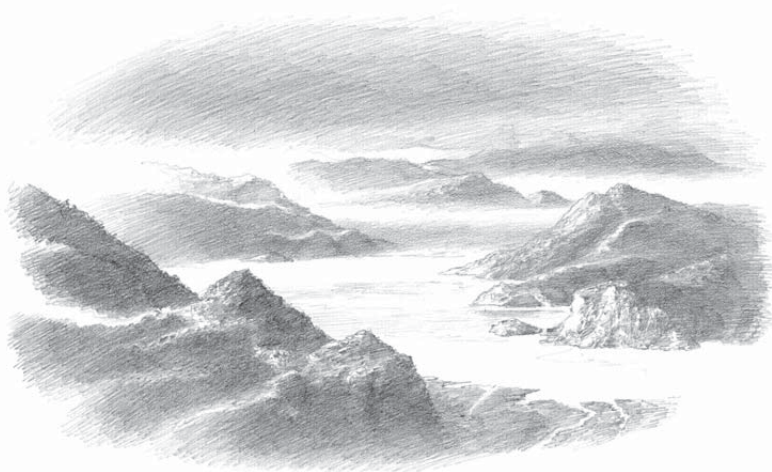
Выбор слова «номы» объясняется на стр. 28 (сноска). *Финголма* — это ранняя форма имени *Финвэ* (вождя второго отряда эльфов, нолдор, в Великом Походе от Палисора, земли их пробуждения). Исфин фигурирует в «Сказании о падении Гондолина» как сестра Тургона, короля Гондолина, и мать Меглина, сына Эола.

Со всей очевидностью, данная заметка представляет собою вариант той истории, что излагается в «Утраченных сказаниях», невзирая на ключевое различие. В заметке Эол-рудокоп из «рода Крота» претендует на руку Исфин, дочери Финголмы, а та отвергает Эола по причине его физического уродства. С другой стороны, в «Утраченных сказаниях» отвергнутый — и некрасивый — ухажер — это Меглин, сын Эола, а мать его — Исфин, сестра Тургона, короля Гондолина, и специально оговаривается (стр. 67), что истории Исфин и Эола «здесь не место» — по-видимому, мой отец считал, что тем самым слишком отклонится от темы.

Я думаю, что краткая заметка, приведенная выше, скорее всего, была написана до «Сказания о падении Гондолина» и до возникновения Маэглина, и что изначально этот сюжет никак не был связан с Гондолином.

(Здесь и далее я буду чаще всего называть «Падение Гондолина» из цикла «Утраченных сказаний» (стр. 44–117) просто «Сказанием»).

Турлин и изгнанники Гондолина

Существует отдельная страница, содержащая короткий прозаический фрагмент, со всей очевидностью, сохранившийся полностью, под заголовком «Турлин и Изгнанники Гондолина». Хронологически его можно поставить *после* «Сказания о падении Гондолина»; вне всякого сомнения, это недописанное начало нового варианта «Сказания».

Мой отец долго колебался, выбирая имя для героя Гондолина; в данном тексте он дал ему имя *Турлин*, которое впоследствии повсюду исправил на *Тургон*. Поскольку подобная (нередкая) перестановка имен между персонажами неизбежно порождает путаницу, я в своем нижеприведенном тексте стану называть его *Туор*.

Данный фрагмент начинается с того, что Боги (Валар) разгневались на номов и закрыли Валинор от всех пришельцев извне — как следствие мятежа номов и их злодеяний в Гавани Лебедей. Эти события получили название Братоубийства и чрезвычайно важны для сюжета о Падении Гондолина; более того, для всей последующей истории Древних Дней.

Турлин [Туор] и Изгнанники Гондолина

— Так узнай, — молвил Ильфиниол, сын Бронвега, — что Ульмо, Владыка Вод, вовеки не забывал о скорбях эльфийских родов, страждущих под властью Мелько, но мало что мог он поделать, ибо прочие Боги гневались и затворили сердца свои против всего народа номов, и жили за сокрытыми под завесой холмами Валинора, не задумываясь о Внешнем мире, так глубоки были их горе и сожаление о смерти Двух Дерев. Да и никто, кроме одного только Ульмо, не страшился могущества Мелько, что разорил и поверг в скорбь всю Землю; но желал Ульмо, чтобы Валинор собрал всю свою силу и уничтожил зло, пока не стало слишком поздно, и казалось ему, что обеих целей, вероятно, удалось бы достичь, если бы посланники номов добрались до Валинора и взмолились о прощении и жалости к Земле; ибо любовь Палуриэн и Оромэ, ее сына, к этим бескрайним пределам, лишь дремала до поры. Однако сурова и недобра была дорога от Внешней земли к Валинору, и сами Боги оплели сетями магии все пути и одели завесой окружные холмы. Так Ульмо неутомимо тщился сподвигнуть номов послать гонцов в Валинор, но Мелько был хитер и глубокоумудр, и неусыпно следил за всем, что касалось эльфийских родов, и гонцы их не преодолели опасностей и искушений этой длиннейшей и самой погибельной из дорог, и многие, кто дерзнул по ней отправиться, сгинули навеки.

И повествует предание о том, как отчаялся Ульмо, что кто-либо из эльфийского народа преодолееет пагубы пути, и о последнем, сокровеннейшем из замыслов, задуманном им в ту пору, и обо всем том, что из замысла вышло.

В те дни племена людей по большей части жили после Битвы Бессчетных Слез в той земле на Севере, что имеет

множество названий, эльфы же Кора нарекли ее Хисиломэ, то есть Сумеречный Туман, а номы, кои знают ее лучше всех прочих эльфов, — Дор-ломин, Земля Теней. И обитал там народ весьма многочисленный по берегам обширных и тусклых вод Митрима — великого озера, что лежит в тех краях; другие же племена называли тех людей тунглин, или народ Арфы, ибо находили они отраду в суровой музыке и балладах о лесах и холмах, но о море ведать не ведали и не пели о нем. А пришли они в те места после ужасной битвы, куда слишком поздно призваны были издалека; и не запятнали они себя предательством эльфов; воистину, многие из них еще водили дружбу с потаенными номами гор и с Темными эльфами, насколько возможно, ведь достопамятные погибельные деяния в Доле Нинниях [месте Битвы Бессчетных Слез] породили и скорбь, и недоверие.

К сему народу принадлежал Туор, сын Пелега, сына Индора, сына Фенгеля; а тот был вождем тех людей и, заслышав призыв, явился из самых дальних пределов Востока вместе со всеми своими подданными. Но Туор не жил с сородичами своими подолгу и предпочитал одиночество и дружбу с эльфами, чьи наречия ведал, и бродил он один вдоль протяженных берегов Митрима, охотился в окрестных лесах, а не то вдруг принимался играть в скалах на своей грубой деревянной арфе со струнами из медвежьих жил. Но песни его предназначались не для людского слуха; и многие, прослышав о власти его безыскусных песен, приходили издалека послушать игру его, но Туор умолкал и уходил в горы, в безлюдную глушь.

Много всего дивного узнал он — обрывочные вести о дальних далях, — и овладело им желание обрести мудрость еще более глубокую, но до поры сердце его не отвратилось от протяженных побережий и тусклых вод Митрима в туман-

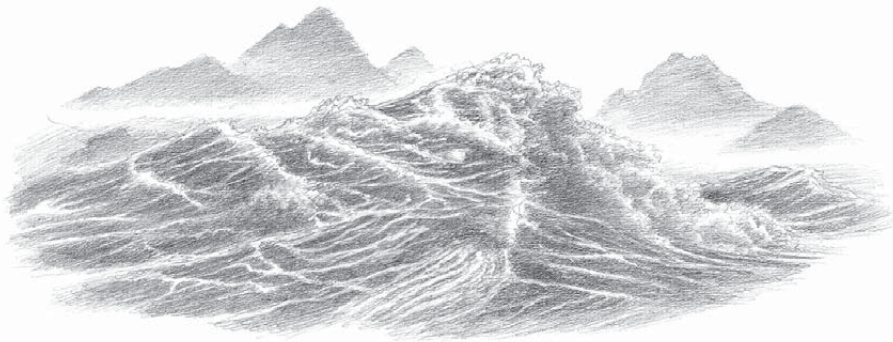
не. Однако ж не суждено ему было провести в тех местах всю свою жизнь, ибо говорится, будто магия и судьба привели его однажды ко входу в пещеристый провал в скалах, вниз по которому невидимая река утекала из Митрима. И вошел Туор в ту пещеру, надеясь узнать ее секрет, но едва ступил туда, как митримские воды подхватили и повлекли его за собою в самое сердце скалы, и не смог он выбраться назад, к свету. А случилось это, говорят люди, не без воли Ульмо, по чьей под- сказке номы, верно, и сработали этот глубинный и потаенный путь. И явились номы к Туору, и провели его по темным тун- нелям среди гор, и вот выбрался он снова на свет.

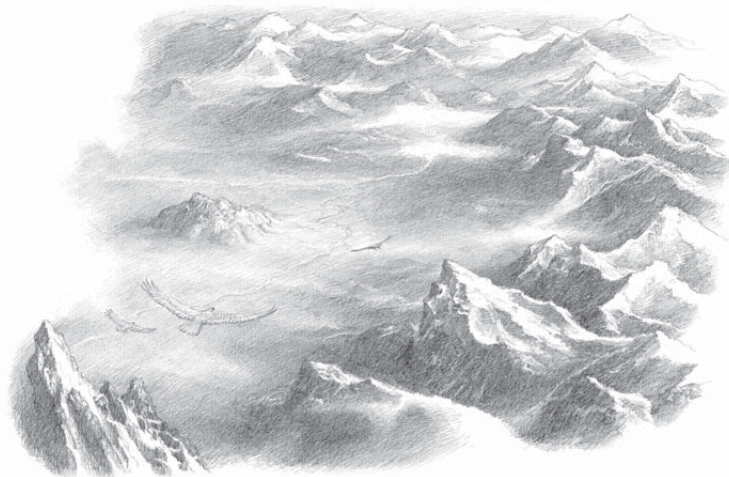
Как мы можем видеть, мой отец держал перед глазами «Сказание», создавая данный текст (я буду называть его «Турлинским» вариантом), поскольку целые фразы из пер- вого повторяются во втором (как, например, «магия и судь- ба привели его однажды ко входу в пещеристый провал», стр. 44); но в ряде черт ранний текст продвинулся вперед. Сохранилась изначальная родословная Туора (он – сын Пе- лега, сына Индора), но о его народе рассказывается подроб- нее: это люди с Востока, явившиеся на помощь эльфам в гран- диозной и сокрушительной битве с силами Мелько, которая впоследствии называлась *Битвой Бессчетных Слез*. Однако они опоздали; они в огромном количестве обосновались в Хисиломэ, «Сумеречном Тумане» (Хитлуме), что также назывался Дор-ломин «Земля Теней». Важным ключевым элементом в ранней концепции истории Древних Дней была грандиозная победа Мелько в этой битве — настолько мас- штабная, что значительная часть народа, именуемого нолдо- ли, угодила к нему в плен и в рабство; в «Сказании» (стр. 55) говорится: «А надобно вам знать, что гондотлим [народ Гондолина] — это те нолдоли, что единственные спаслись

из-под власти Мелько, когда в Битве Бессчетных Слез он истребил и поработил их народ, и опутал побежденных чарами, и вынудил жить в Преисподних Железа, откуда выходили они лишь по его воле и приказу».

Примечательно также упоминание в этом тексте о «замысле и желании» Ульмо, как описывается его намерение в «Сказании» (стр. 53): однако в «Сказании» говорится, будто «Туор мало что понял из услышанного» — и ничего более нам не сообщается. Напротив, в этом новом коротком тексте — в «Турлинском» варианте — говорится о неспособности Ульмо переубедить прочих Валар, поскольку только он один страшился могущества Мелько: Ульмо желал, чтобы Валинор сокрушил власть Врага и пытался убедить нолдологи послать гонцов в Валинор молить о сострадании и помощи, в то время как Валар «жили за сокрытыми под завесой холмами Валинора, не задумываясь о Внешнем мире». Это время известно под названием «Сокрытие Валинора», когда, как говорится в «Турлинском» варианте (стр. 121), «сами Боги оплели сетями магии все пути и одели завесой окружающие холмы» (об этом ключевом элементе исторической картины см. «Эволюция легенды», стр. 224 и далее).

Весьма примечателен следующий фрагмент (стр. 121): «И повествует предание о том, как отчаялся Ульмо, что кто-либо из эльфийского народа преодолет пагубы пути, и о последнем, сокровеннейшем из замыслов, задуманном им в ту пору, и о всем том, что из замысла вышло».

Легенда в изложении «Очерка мифологии»

Здесь я привожу вариант легенды о «Падении Гондолина» в том виде, в каком мой отец записал ее в 1926 году в произведении под названием «Очерк мифологии», позже назвав его «изначальным “Сильмариллионом”». Часть «Очерка» вошла в книгу «Берен и Лутиэн» (стр. 95), вместе с моими разъяснениями относительно природы этого текста, и еще одну часть я использовал в качестве пролога для данной книги. Позже мой отец внес в «Очерк» ряд исправлений (почти все они явились добавлениями); большинство их я включаю в текст, взяв в квадратные скобки.

Ильмир — это форма имени *Ульмо* в языке номов.

Великая река Сирион текла через многие края на юго-запад; в ее устье раскинулась обширная дельта, а в нижнем течении поток струился через бескрайние, зеленые, плодородные земли, почти не заселенные, кроме как птицей и зверем, по причине орочьих набегов; но орки там не жили, поскольку предпочитали северные леса и боялись власти Ильмира, ибо Сирион впадал в Западные моря.

У Тургона, сына Финголфина, была сестра Исфин. Она заплутала в лесу Таур-на-Фуин после Битвы Бессчетных Слез. Там ее заманил в ловушку Темный эльф Эол. Их сын звался Меглин. Народ Тургона, спасшись благодаря доблести Хурина, пропал бесследно, и ничего не ведал о нем Моргот, равно как и весь прочий мир, за исключением Ильмира. В потаенном месте в горах их разведчики, поднявшись на самые гребни, [встарь] обнаружили широкую долину в сплошном кольце холмов, и крути их чем ближе к центру, тем больше понижались. Посреди этого кольца находилась обширная область без холмов, за исключением одного каменного холма, который воздвигся над равниной, но не в точности в центре, а ближе к той части внешней стены, что подступала к самой кромке Сириона. [Ближайший к Ангбанду холм был охраняем курганом Финголфина.]

Река Сирион несет послания Ильмира, что велят номам обрести прибежище в этой долине и обучают их, как наложить чары волшебства на все окрестные холмы, дабы не подпускать врагов и шпионов. Ильмир предрекает, что их крепость долее всех прочих эльфийских убежищ выстоит против Моргота и, подобно Дориату, разрушит твердыню лишь предательство изнутри. Чары имеют особую силу ближе к Сириону, при том, что в этой части окружные горы ниже всего. Здесь номы прокладывают громадный петляющий туннель под горами, что в конце концов выходит на Хранимую равнину. Его внешний вход ограждают чары Ильмира, а внутренний неусыпно стерегут сами номы. Туннель сделан там на случай, ежели тем, кто внутри, однажды понадобится бежать, а также для того, чтобы долину могли быстрее покидать разведчики, странники и послания, а еще служил он входом для беглецов, спасающихся от Моргота.

Торондор, Король Орлов, переносит свои гнездовья на северные пики окружающих гор и охраняет их от орочьих шпионов [восседая на Финголфиновом кургане]. На каменном холме Амон Гварет — холме бдения (склоны его отполировывают до зеркальной гладкости, а вершину выравнивают) отстроен великий город Гондолин с воротами из стали. Местность повсюду вокруг тоже выровнена: теперь вплоть до подножий холмов простирается плоское, гладкое поле, точно подстриженная травяная лужайка, так что ничто живое не может прокрасться по равнине тайком. Народ Гондолина становится весьма могуч, и оружейни его пополняются оружием. Но Тургон не выступает на помощь ни Нарготронду, ни Дориату, а после гибели Диора не желает иметь никакого дела с сыновьями Феанора. Наконец он закрывает дол для всех беглецов и запрещает обитателям Гондолина покидать долину. Гондолин — единственная оставшаяся эльфийская твердыня. Моргот не позабыл о Тургоне, но все его поиски напрасны. Нарготронд уничтожен, Дориат лежит в развалинах; дети Хурина мертвы, лишь немногие уцелевшие эльфы, номы и илькорины бродят там и тут неприкаянными скитальцами, кроме разве тех, что работают в кузнях и копиях в великом количестве. Моргот почти торжествует победу.

Меглин, сын Эола и Исфин, сестры Тургона, был отослан матерью в Гондолин и принят там [последним из беглецов, пришедших снаружи], хотя и был он наполовину илькорин, и обошлись с ним как с принцем.

У Хурина Хитаумского был брат Хуор. Сын Хуора звался Туор, и был он младше Турина [двоюродным братом Турина], сына Хурина. Риан, жена Хуора, искала тело своего мужа среди убитых на поле Бессчетных Слез и умер-

ла там. Ее сын, оставшись в Хитлуме, попал в руки вероломных людей, которых Моргот согнал в Хитлум после той битвы, и его сделали рабом. Огрубев и одичав, он скрылся в лесах и стал одиноким изгоем, и поселился в глуши, и ни с кем не общался, кроме как изредка — с потаенными эльфами-скитальцами. И однажды Ильмир устроил так, чтобы Туор направлен был к подземному руслу реки, что выводило из Митрима в ущелье, по дну которого струился поток, впадавший под конец в Западное море. Вот так случилось, что уход Туора остался незамечен человеком, орком или шпионом и неведом для Моргота. После долгих скитаний вдоль западных берегов он дошел наконец до устьев Сириона и там повстречал нома Бронвега, что некогда жил в Гондолине. Вместе они тайно пробираются вверх по течению Сириона. Туор надолго задерживается в отрадном краю Нан-татрин, «Долине Ив», но туда сам Ильмир является вверх по реке, дабы увидеться с ним, и сообщает ему о его миссии. Туор должен повелеть Тургону готовиться к битве против Моргота; ибо Ильмир смягчит сердца Валар и убедит простить номов и выслать им подмогу. Если Тургон сделает так, бой будет ужасен, но племя орков сгинет и в последующие эпохи уже не потревожит ни эльфов, ни людей. Но ежели нет, тогда народу Гондолина должно готовиться к бегству к устью Сириона, где Ильмир поможет им выстроить флот и укажет путь обратно в Валинор. Ежели Тургон исполнит волю Ильмира, Туору должно пожить до поры в Гондолине, а затем вернуться в Хитлум с воинством номов и вновь привести людей к союзу с эльфами, ибо «без людей эльфам вовеки не одолеть орков и балрогов». Ильмир же поступает так потому, что знает: не пройдет и семи полных лет,

как рок Гондолина свершится через Меглина [ежели номы все еще пребудут в своих чертогах].

Туор и Бронвег достигают тайного пути [каковой находят они милостью Ильмира] и выходят на хранимую равнину. Они схвачены дозорными и отведены к Тургону. С годами Тургон состарился, обрел немалое могущество и возгордился, и столь прекрасен и великолепен Гондолин, и жители его столь гордятся городом и уверены в его сокрытой и несокрушимой мощи, что и король, и большинство его народа не желают беспокоиться о номах и эльфах снаружи, равно как и печься о людях, да и в Валинор не стремятся более. С одобрения Меглина король отвергает послание Туора, невзирая на речи Идрили прозорливой (прозванной также Идрилью Среброногой, поскольку любила она ходить босиком), своей дочери, и своих мудрейших советников. Туор остается жить в Гондолине и становится великим вождем. Спустя три года он женится на Идрили — Туор и Берен единственными из всех смертных сочетались браком с эльфийскими девами, и с тех пор как Эльвинг, дочь Диора, Беренова сына, стала женой Эаренделя, сына Туора и Идрили, от них одних смертные унаследовали в крови толику Эльфинесса.

Вскорости после того Меглин отправляется далеко за горы и захвачен орками, и, будучи доставлен в Ангбанд, покупает себе жизнь, выдав Гондолин и его тайны. Моргот обещает поставить его править Гондолином и сулит также, что ему достанется Идриль. Вожделение к Идрили тем легче подтолкнуло Меглина к предательству и умножило его ненависть к Туору.

Моргот отсылает Меглина назад в Гондолин. Рождается Эарендель: он наделен красотой, и светом, и мудростью

Эльфинесса, стойкостью и силой людей и тоскою по морю, что подчинила себе Туора и навсегда овладела им, когда Ильмир говорил с ним в Краю Ив.

Наконец Моргот собирает свои силы, и Гондолин атакован драконами, балрогами и орками. После страшной битвы под стенами город взят штурмом, и Тургон гибнет вместе со многими знатнейшими номами в последнем бою на главной площади. Туор спасает Идриль и Эаренделя от Меглина и швыряет его вниз с крепостных стен. Затем Туор уводит немногих уцелевших жителей Гондолина вниз по тайному туннелю, заходя прорытому по совету Идрили; а выходит тот туннель на поверхность далеко в северной части Равнины. Те же, что не пожелали пойти с Туором, но бежали к старому Пути Спасения, пойманы драконом, посланным Морготом караулить тот выход.

В дыму пожарищ Туор уводит свой отряд в горы, на холодный перевал Кристорн (Орлиная расселина). Там они попадают в засаду, но спасены благодаря доблести Глорфинделя (главы Дома Златого Цветка Гондолина, что погибает в поединке с балрогом на скале) и вмешательству Торондора. Уцелевшие добираются до Сириона и отправляются к земле в устье реки — к Водам Сириона. Ныне Моргот торжествует полную победу.

История, изложенная в столь сжатой форме, не слишком отличается от «Сказания о падении Гондолина»; однако есть и значимые изменения. Именно здесь Туор «Сказания» вписан в генеалогию *эдайн*, Друзей эльфов: он становится сыном Хуора, брата Хурина, отца трагического героя Турина Турамбара. Тем самым Туор оказывается двоюродным братом Турина. Также здесь возникает сюжет о том, что Хуор погиб

в Битве Бессчетных Слез (см. стр. 127) и что жена его Риан искала тело мужа на поле битвы и там умерла. Туор, их сын, остался в Хитлауме и был обращен в рабство «вероломными людьми, которых Моргот согнал в Хитлаум после той битвы», но он бежал от них и стал жить в одиночестве в глуши.

Ключевое отличие в ранних вариантах предания касательно более общей истории Древних Дней обнаруживается в рассказе моего отца об обнаружении долины Тумладен, сокрытой в Окружных горах. В «Очерке мифологии» (стр. 126) говорится, что народ Тургона, отступая из великой битвы (*Нирнаэт Арноэдиад*, Бессчетные Слезы) исчез, и ничего не ведал о нем Моргот, потому что «в потаенном месте в горах их разведчики, поднявшись на самые гребни, обнаружили широкую долину в сплошном кольце холмов». Но во времена написания «Сказания о падении Гондолина» считалось, что после страшной битвы прошел целый век, прежде чем Гондолин был уничтожен. Говорится (стр. 64), что, придя в Гондолин, Туор услышал, «как многовековых трудов не достало, чтобы отстроить его и украсить, так что и по сей день кипела работа». Проблема с хронологией заставила моего отца позже переместить обнаружение Тургоном места для постройки Гондолина и его возведение во времена за много веков *до* Битвы Бессчетных Слез: отступая, Тургон увел свой народ на юг вниз по Сириону от поля битвы к сокрытому городу, который основал за долгую эпоху до того. Туор пришел не в новый, а в весьма древний город.

В «Очерке мифологии», как мне представляется, содержится крайне значимое изменение в сюжете о нападении на Гондолин. В «Сказании» говорилось, что Моргот обнаружил Гондолин еще *до того*, как Меглина захватили в плен орки (стр. 69 и далее): Враг преисполнился подозрений при стран-

ных известиях о том, что «среди долин полноводного Сириона скитается некий человек»; поэтому он собрал «могучее воинство соглядатаев», зверей, птиц и ползучих гадов, и те «годами неутомимо» доставляли ему множество сведений. С вершин Окружных гор соглядатаи Моргота высмотрели долину Тумладен; и даже «Путь Спасения» был обнаружен. Когда же Эаренделю исполнился год, в Гондолин дошли вести о том, что прислужники Мелько «обложили долину Тумладен», и Тургон укрепил оборону города. В «Сказании о падении Гондолина» *последующее* предательство Меглина заключалось в том, что он подробно описал план Гондолина и рассказал обо всех приготовлениях к его защите (стр. 73); вместе с Мелько он «измыслил план, как ниспровергнуть Гондолин».

Но в сжатом изложении «Очерка» (стр. 129) говорится, что когда Меглина захватили в горах орки, он «будучи доставлен в Ангбанд, купил себе жизнь, *выдав Гондолин и его тайны*». Слова «выдав Гондолин», как мне кажется, ясно указывают на то, что изменение уже внесено и имеет место более поздний вариант сюжета: Моргот не знал и не мог отыскать, где находится Сокрытое Королевство, *до того, как* орки захватили Меглина в плен. Однако впоследствии концепция еще раз поменялась: см. стр. 300–302.

Легенда в изложении «Квенты Нолдоринва»

Теперь настал черед основного текста «Сильмарилиона», откуда я заимствовал фрагменты для «Берена и Лутиэн»; здесь я повторяю часть разъяснительной заметки из вышеупомянутой книги.

После «Очерка мифологии» единственным законченным и законченным вариантом «Сильмарилиона» является данный текст (далее я стану называть его «Квента»); мой отец перепечатал его на машине, по всей видимости, в 1930-м году. Никаких предварительных набросков и планов к нему не сохранилось (если они вообще были); но не приходится сомневаться, что на протяжении работы над значительной частью «Квенты» отец держал перед глазами «Очерк». При том, что «Квента» длиннее «Очерка» и уже выдержана в «стиле «Сильмарилиона»», она тем не менее представляет собою не более чем сжатое, конспективное изложение событий.

Называя этот текст «сжатым и конспективным», я отнюдь не имею в виду, что это наспех набросанный черновик,

который предстояло отредактировать набело когда-нибудь позже. При сравнении вариантов Q I и Q II (поясняется ниже) становится очевидно, как внимательно и дотошно автор вслушивался в ритмику фраз. Но текст действительно конспективен — о чем свидетельствуют около двадцати строк, посвященных битве в «Квенте», в сопоставлении с двенадцатью страницами «Сказания».

Под конец «Квенты» мой отец расширил и перепечатал целые фрагменты текста (сохраняя при этом отвергнутые страницы); вариант текста до переработки я стану называть Q I. Ближе к финалу повествования Q I заканчивается, и до конца доходит только переписанный вариант (Q II). Из этого явствует, что переработка (в том, что касается Гондолина и его гибели) относится к тому же самому периоду; я привожу текст Q II целиком, с того момента, где начинается рассказ о Гондолине. Имя Короля Орлов, *Торндор*, по всему тексту было изменено на *Торондор*.

Как будет видно, в рукописи «Квенты» вариант истории, изложенный в «Очерке» (см. стр. 126), по-прежнему присутствует: долину Гондолина обнаружили разведчики из народа Тургона, отступающего после Битвы Бессчетных Слез. Позже (хотя когда именно — сказать сложно) мой отец переписал все соответствующие фрагменты; эти изменения я отразил в нижеприведенном тексте.

Здесь должно поведать о Гондолине. Великая река Сирион, славнейшая из рек, о которых поется в эльфийских песнях, текла через весь край Белерианд на юго-запад; и в устье ее раскинулась обширная дельта, а в нижнем течении поток струился через зеленые, плодородные земли, почти не заселенные, кроме как птицей и зверем. Однако ж орки забредали туда нечасто, ибо те места находились дале-

ко от северных лесов и холмов, и чем ближе к морю, тем более власть Ульмо усиливалась в тех водах; ибо впадала река в западное море, а дальние его границы — берега Валинора.

У Тургона, сына Финголфина, была сестра, Исфин белорукая. Она заплутала в Таур-на-Фуин после Битвы Бесчисленных Слез. Там пленил ее Темный эльф Эол, и говорится, будто был он нрава весьма мрачного и покинул армию еще до битвы; однако ж и на стороне Моргота не сражался. Но Исфин взял он в жены, и сын их звался Меглин.

Народ же Тургона, спасшись из битвы благодаря доблести Хурина, как уже рассказывалось, исчез бесследно, и ничего не ведал о нем Моргот, и никто из людей его более не видел; и один лишь Ульмо знал, куда ушли номы. [Их разведчики поднялись на скалистые вершины и отыскиали потаенное место в горах: широкую долину >] Ибо возвратились они в сокрытый город Гондолин, возведенный встарь Тургоном. В потаенном месте в горах была широкая долина в сплошном кольце холмов, что вознеслись над нею несокрушимой оградой, но чем ближе к середине, тем больше понижались. Внутри этого чудесного кольца находилась обширная область и зеленая равнина, холмами не загроможденная, если не считать одного-единственного каменного возвышения. Эта темная скала и высилась над равниной, но не в точности в центре, а ближе к той части внешней стены, что подступала к самым пределам Сириона. В северной своей части, там, откуда грозил Ангбанд, Окружные горы были всего выше, а на внешние их склоны, уводящие к востоку и к северу, пала тень ужаса Таур-на-Фуин; но венчал их каменный курган Финголфина, и до поры не являлось туда никакое зло.

В этой долине [обрели прибежище номы >] встарь обрел прибежище Тургон, и на все окрестные холмы наложены были чары сокрытия и волшебства, так чтобы шпионам и недругам вовеки не отыскать ее. В этом Тургону помогали послания Ульмо, что несла ныне река Сирион; ибо голос Ульмо слышен во многих водах, а иные номы еще умели внимать ему. В те дни Ульмо исполнен был жалости к изгнанным эльфам в час их нужды и на грани гибели. И предрек он, что крепость Гондолин долее всех прочих эльфийских убежищ выстоит против мощи Моргота и, подобно Дориату, разрушит твердыню лишь предательство изнутри. Эти края хранила мощь Ульмо, потому здесь, близ Сириона, — хотя в той части Окружные горы и были ниже всего — чары сокрытия имели особую силу. Тут проложили номы огромный петляющий туннель под корнями холмов; сей подземный коридор выходил на поверхность на крутом, лесистом, темном склоне ущелья, по которому тек благословенный Сирион, — в том месте он лишь недавно возникшим потоком, бурля, бежал сквозь теснину между краями Окружных гор и гор Тени, Эрюд-Ломин [> Эредветион], стен Хитлума [*вычеркнуто*: в их северных отрогах река и брала начало].

Туннель сей проложен был поначалу для того, чтобы этим путем могли возвращаться беглецы и те, что спаслись из Морготова рабства; и главным образом — чтобы выпустить наружу своих разведчиков и гонцов. Ибо счел Тургон, когда впервые пришли номы в сию долину после страшной битвы*, что Моргот Бауглир сделался слишком могуч для

* Эта фраза помечена на полях знаком X для удаления, но замены ей не предложено.

эльфов и людей и что лучше было бы просить Валар о прощении и помощи, ежели возможно обрести то либо другое, пока не все еще погибло. Потому подданные его спускались порою вниз по реке Сирион — пока тень Моргота не протянулась еще до самых отдаленных уголков Белерианда — и отстроили в устье реки небольшую потаенную гавань; оттуда время от времени отплывали на Запад корабли, увозя посланцев короля номов. Были такие, что вернулись, гонимые вспять враждебными ветрами, но большинство сгнули безвозвратно; а до Валинора не добрался ни один.

Место, где Путь Спасения выводил на поверхность, ограждали и скрывали самые могучие заклятия номов и сила, заключенная в Сирионе, столь любимом Ульмо, и никакая злая тварь не могла его отыскать; однако ж внутренние врата, что выходили на долину Гондолина, неусыпно стерегли сами номы.

В те дни Торондор, Король Орлов, перенес свои гнездовья с Тангородрима из-за мощи Моргота, из-за смрада и дыма, и зловещих темных туч, что ныне неизменно окутывали горные твердыни над его пещерными чертогами. Ныне Торондор поселился на северных пиках Окружных гор, и зорко озирает окрестности, и многое видел, восседая на кургане короля Финголфина. А в долине внизу жил Тургон, сын Финголфина. На Холме Защиты, Амон Гварет, — на скалистом возвышении посреди долины — отстроен был великий Гондолин, великолепия и слава коего воспеты в песнях превыше всех прочих эльфийских обиталищ в сих Внешних землях. Из стали были врата его, а стены — из мрамора. Номы отполировали склоны холма до гладкости темного зеркала, а вершину, дабы возвести на ней город,

выровняли, кроме как в самом центре, где высилась башня и королевский дворец. Немало фонтанов украшали сей град, и прозрачные воды, переливаясь и сверкая, сбегали вниз по мерцающим склонам холма Амон Гварет. Местность повсюду вокруг тоже выровняли, так, что стала она что лужайка с подстриженной травой, раскинувшаяся от лестницы перед воротами до подножий горной стены; и ничто живое не смогло бы пройти или прокрасться через равнину незамеченным.

В том городе народ номов сделался весьма могуч, и оружейни их пополнились оружием и щитами, ибо поначалу намеревались номы отправиться на войну, когда приспееет время. Но с ходом лет возлюбили они это место, творение их собственных рук, великой любовью, как это свойственно номам, и не желали иного. Теперь нечасто выходили они за пределы Гондолина, будь то по делам войны или мира. Не слали они более гонцов на Запад, и Сирионская гавань стояла заброшенной. Номы затворились за своими непроходимыми зачарованными холмами и внутрь никого не пускали, даже если пришлец бежал от Моргота и ненависть преследовала его по пятам; а вести из внешних земель долетали до них смутным эхом, издалека, и почти не прислушивались к ним номы; о городе распространялись слухи, но никому не дано было его найти. Жители Гондолина не пришли на помощь ни Нарготронду, ни Дориату, и тщетно разыскивали их эльфы-скитальцы; один лишь Ульмо знал, где сокрыто королевство Тургона. От Торондора Тургон узнал о гибели Диора, наследника Тингола, и отныне замкнул свой слух для рассказов о скорбях внешнего мира; и поклялся никогда не вставать под знамена сыновей Феанора; народу же своему запретил выходить за пределы гряды холмов.

Теперь из всех эльфийских твердынь оставался один лишь Гондолин. Моргот не позабыл о Тургоне и знал, что, пока ничего ему не ведомо об этом короле, не одержать ему окончательной победы; и, однако же, все его неустанные поиски были напрасны. Нарготронд опустел, Дориат лежал в развалинах, сынов Феанора прогнали далеко прочь, и скитались они неприкаянно в диком лесном краю на юге и востоке; Хитлум наводнили недобрые люди, а в лесу Таур-на-Фуин поселился невыразимый ужас; сгинул народ Хадора, и дом Финрода тако же; Берен не ходил более на войну, и Хуан погиб; и все эльфы и люди склонились перед волей Моргота либо трудились рабами в копиях и кузнях Ангбанда, не считая разве изгоев и странников в глуши, да и тех почти не осталось, кроме как далеко на востоке некогда прекрасного Белерианда. Моргот почти торжествовал победу — и все же не вполне.

Однажды Эол заплутал в чаще Таур-на-Фуин, а Исфин, через великие опасности и ужас, вернулась в Гондолин, и после возвращения ее никто более не вступал в те врата, до тех пор, пока не явился последний посланец Ульмо, о котором подробнее будет рассказано в преданиях сих, прежде чем приблизятся они к концу. Вместе с ней пришел и ее сын Меглин, и принял его Тургон как сына сестры, и хотя был тот наполовину Темный эльф, обошлись с ним как с принцем из рода Финголфина. Был он смугл, но пригож собою, мудр и красноречив, и лукавством легко подчинял себе сердца и умы.

У Хурина Хитлумского был брат Хуор. Сын Хуора звался Туор. Риан, жена Хуора, искала своего мужа среди уби-

тых на поле Бессчетных Слез и там оплакала его, прежде чем умерла. Сын ее был еще дитя и, оставшись в Хитлуме, попал в руки вероломных людей, коих Моргот согнал в те земли после битвы; и стал он рабом. Возмужав — а был он прекрасен лицом и могуч статью, и, невзирая на тяжкий свой удел, доблестен и мудр, — бежал он в леса, и стал одиноким изгоем, и жил в глуши обособленно, и ни с кем не общался, кроме разве изредка с потаенными эльфами-скитальцами*.

И однажды Ульмо устроил так, как говорится в «Сказании о падении Гондолина», чтобы Туор направлен был к руслу реки, которая текла под землей от озера Митрим посреди Хитлума, затем по гигантскому ущелью, Крис-Ильфинг [> Кирит Хельвин], Радужной расселине, — а вырвавшись оттуда, бурный поток вливался наконец-то в западное море. Название же тому ущелью дали из-за радуги, что всегда мерцала в солнечных лучах в том месте, ибо над порогами и водопадами висела густая пелена водяной пыли.

Вот так случилось, что бегство Туора не было замечено ни человеком, ни эльфом; и не проведали о нем орки либо иные соглядатаи Моргота, наводнившие землю Хитлума.

Долго скитался Туор близ западных берегов, забираясь все дальше на юг; и дошел наконец до устьев Сириона и песчаных дельт, где во множестве жили морские птицы.

* Здесь сделанные наспех исправления вносят в текст некоторую путаницу. В переработанном варианте говорится, что Риан «ушла в глушь», где и родился Туор; и что «воспитали его Темные эльфы; сама же Риан легла на Хоам Павших и умерла там. Туор же вырос в лесах Хитлума, и был он прекрасен лицом и могуч статью...». Таким образом, в переработке ни словом не упоминается о том, что Туор был обращен в рабство.

Там повстречал он нома именем Бронвэ, что бежал из Ангбанда и, будучи некогда подданным Тургона, теперь все пытался отыскать путь к потаенным обителям своего лорда, слухи о коих передавались из уст в уста среди пленников и беглецов. Теперь же Бронвэ добрался туда дальними, петляющими восточными дорогами, и хотя мало радовал его каждый шаг назад, вновь приближающий его к рабству, из коего бежал он, ныне ном вознамерился подняться вверх по течению Сириона и искать Тургона в Белерианде. Был он опаслив и весьма осторожен, и помогал Туору на тайном переходе под покровом ночи и в сумерках, так что орки их не обнаружили.

Поначалу пришли они в прекрасный Край Ив, Нан-Татрин, орошаемый Нарогом и Сирионом; и земля та до поры утопала в зелени, дуга пестрели и полнились цветами, и пело множество птиц; так что Туор задержался в Нан-Татрине, словно зачарованный, и любо было ему жить там после суровых земель Севера и утомительных скитаний.

Тогда явился и предстал пред ним Ульмо, как стоял Туор в высоких травах ввечеру; и о грозной мощи и величии того видения рассказано в песне Туора, что сложил он для сына своего Эаренделя. Отныне и впредь в ушах Туора вечно звучал шум моря и тоска по морю жила в его сердце; и порою овладевал им непокой, что в конце концов увел его далеко во владения Ульмо. Ныне же Ульмо велел ему поспешить, нимало не мешкая, в Гондолин, и дал наставления, как отыскать потайные врата; и наказал доставить послание от Ульмо, друга эльфов, к Тургону, веля королю готовиться к войне и сразиться с Морготом, пока не все еще потеряно; и вновь отправить гонцов на Запад. Также следовало ему

послать вестников с призывами на Восток и по возможности собрать людей (что ныне множились и расселялись по земле) под свои знамена; и для этой миссии никого не нашлось бы лучше Туора. «Забудь, — наставлял Ульмо, — предательство Улдора проклятого и вспомни Хурина; ибо без смертных людей эльфам вовеки не одолеть балрогов и орков». Да и распре с сынами Феанора должно положить конец; ибо в последний раз объединятся надежды номов, когда каждый меч на счету. Грядет битва ужасная и смертельная, предрекал Ульмо, и однако ж, если Тургон дерзнет дать бой, ждет его победа, и сломлена будет мощь Моргота, и уладятся былые распри, и родится между людей и эльфов дружба, что обернется для мира величайшим благом, и слуги Моргота не потревожат мир более. Но ежели Тургон не пожелает выйти на эту войну, тогда должно ему покинуть Гондолин и увести народ свой вниз по Сириону, и построить там корабли, и попытаться вернуться в Валинор к милости Богов. Но этот совет заключает в себе опасность более грозную, нежели предыдущий, хотя на первый взгляд так не кажется; и горестная участь ждет впоследствии Ближние земли.

Ульмо взял на себя сей труд из любви к эльфам, и еще потому, что знал он: не пройдет многих лет, как свершится рок Гондолина, ежели жители его все еще пребудут за стенами города; и так ничего радостного и прекрасного не удастся уберечь в мире от Морготовой злобы.

Покорные воле Ульмо, Туор и Бронвэ отправились на север и пришли наконец-то к потаенному входу, и, спустившись по туннелю, достигли внутренних врат и схвачены были стражей. Там увидели они прекрасную долину Тумладен, подобную зеленому кристаллу в оправе холмов;

а посреди долины Тумладен — великий Гондолин, белоснежный град семи имен, что сиял вдалеке, а заря, занимаясь над равниной, окрашивала его в розовые тона. Туда-то и повели их; и прошли они стальные врата, и предстали перед ступенями королевского дворца. Там Туор исполнил поручение, возложенное на него Ульмо; и в голосе его слышался отзвук мощи и величия Владыки Вод, так что все глядели на чужака, дивясь, и не верили, что перед ними и вправду смертный человек, как утверждал он. Но с годами гордыня обуяла Тургона, Гондолин же сделался прекрасен, как воспоминание о Туне, и полагался король на его сокрытую и несокрушимую мощь, так что и он, и подданные его в большинстве своем не хотели ни подвергать город опасности, ни покидать его; и не желали они мешаться в бедствия эльфов и людей внешнего мира, да и возвращаться на Запад сквозь опасности и ужасы не желали более.

На королевских советах Меглин неизменно говорил против Туора, и слова его имели тем больший вес, что находились в согласии с сокровенными думами Тургона. Посему Тургон отверг повеление Ульмо; хотя иные из его мудрейших советников преисполнились тревоги. Мудра сердцем превыше даже положенного дочерям Эльфинесса предела была дочь короля; она же неизменно поддерживала Туора, но тщетно, и тяжело сделалось у нее на сердце. Была она прекрасна и высока, и статью почти не уступала воину, а волосы ее рассыпались каскадами золота. Имя было ей Идриль, но прозвали ее Келебриндал, Сереброногая, за белизну ее ног, а ходила она и танцевала на белокаменных улицах и зеленых лужайках Гондолина не иначе как босиком.

После того Туор поселился в Гондолине и не отправился созывать людей Востока, ибо околдовали его блаженство Гондолина, и красота, и мудрость тамошнего народа. И весьма благоволил к нему Тургон, ибо стал Туор могуч телом и разумом и глубоко постиг сокровенное знание номов. Сердце Идрили склонилось к нему, а его — к ней; Меглин же при виде этого скрежетал зубами, ибо он желал Идриль и, невзирая на близкое родство, намеревался завладеть ею; она же была единственной наследницей короля Гондолина. Воистину он уже помышлял в душе своей, как бы свергнуть Тургона и захватить трон; Тургон же любил племянника и доверял ему. Тем не менее Туор взял Идриль в жены, и народ Гондолина устроил радостный пир, ибо всем пришелся по душе Туор, кроме разве Меглина и его тайных сподвижников. Туор и Берен единственными из смертных заключили брак с эльфийскими девами, а поскольку Эльвинг, дочь Диора, сына Берена, впоследствии стала женой Эаренделя, сына Туора и Идрили Гондолинской, от них одних род смертных унаследовал эльфийскую кровь. Но в ту пору Эарендель был еще дитя малое: несказанно пригож он был, и словно бы небесный свет сиял в лице его, и обладал он красотой и мудростью Эльфинесса и силой и стойкостью людей древности; и зов моря вечно звучал в его ушах и в сердце, как и у отца его Туора.

Как-то раз, когда Эарендель был еще юн, а дни Гондолина текли в мире и радости (и однако ж сердце Идрили сжималось от тревоги, и недоброе предчувствие закралось в ее душу, точно темное облако), Меглин исчез. А надо сказать, что Меглин всем ремеслам предпочитал горный промысел и добычу руды; он возглавлял и наставлял тех номов, что трудились в горах далеко от города, отыскивая металлы,

дабы ковать все необходимое для нужд мира и войны. Зачастую Меглин с несколькими сподвижниками уходил за пределы гряды холмов, хотя король ведать не ведал о том, что нарушается его запрет. И однажды, по воле рока, орки захватили Меглина в плен и доставили его к Морготу. Меглин не был малодушным трусом, но пытки, которыми грозили ему, сломили его дух, и пленник купил жизнь и свободу, выдав Морготу, где находится Гондолин, какие тропы к нему ведут и как легче всего напасть на город. Возликовал Моргот и пообещал Меглину поставить его править Гондолином как своего наместника и вассала; и посулил также, что ему достанется Идриль, как только город будет захвачен. Вожделение к Идрили и ненависть к Туору тем легче подтолкнули Меглина к гнусному предательству. Моргот же отослал Меглина назад в Гондолин, чтобы никто не заподозрил измены и чтобы Меглин изнутри помог нападающим, когда пробьет час; и жил Меглин в королевском дворце с улыбкой на устах, затаив в сердце зло, а мрак все сгущался над Идрилью.

Наконец — а Эаренделю в ту пору исполнился седьмой год — Моргот собрал свои силы и бросил на Гондолин балрогов, и орков, и змиев; а что до таковых, ныне для захвата города измыслил он драконов многих разнообразных и жутких обличий. Воинство Моргота перешло гряду северных гор: здесь хребты были особенно высоки и потому не так бдительно охранялись. Враги явились ночью, во время праздника, когда весь народ Гондолина собрался на стенах города приветствовать восход солнца песнопениями; ибо на следующий день приходилось великое празднество, называемое Вратами Лета. Но алый отблеск озарил горы с севера, а не с востока; враги наступали, сокрушая все на сво-

ем пути; и подошли они к подножию стен Гондолина, и осажденный город был обречен.

О подвигах отчаянной доблести, свершенных полководцами знатных родов, их воинами и не в последнюю очередь Туором, многое рассказывается в «Падении Гондолина»; повествуется там и о гибели Рога за пределами стен; и о поединке Эктелиона Фонтанного с Готмогом, повелителем балрогов, прямо на королевской площади, — поединке, в коем оба нашли свою смерть; и о том, как домочадцы Тургона обороняли башню короля, пока не рухнула она; с грохотом низверглась каменная твердыня — и Тургон погребен был под руинами.

Туор бросился на поиски Идрили, дабы спасти ее от мародеров, но Меглин уже схватил ее и Эаренделя; и бился Туор с Меглином на крепостной стене, и сбросил предателя вниз, и тот разбился насмерть. Тогда Туор с Идрилью, собрав тех немногих уцелевших из народа Гондолина, кого смогли отыскать во всеобщем смятении и пламени пожаров, увели их вниз по тайному ходу, что Идриль приказала проложить в те дни, когда одолевали ее недобрые предчувствия. Туннель тот не был еще завершен, однако уже выводил на поверхность далеко за пределами стен, в северной части равнины, где горы далеко отстояли от холма Амон Гварет. Те же, что не пожелали пойти с ними, но бежали к старому Пути Спасения, выводящему в ущелье Сириона, были пойманы и уничтожены драконом, коего Моргот послал караулить врата, будучи предупрежден о них Меглином. О новом же туннеле Меглин не слышал, и никто не думал, что кому-либо из беглецов придет в голову пойти на север, туда, где горы были особенно высоки и близко примыкали к Ангбанду.

Дым пожарищ и пар, заклубившийся над дивными фонтанами Гондолина, кои иссушило пламя драконов Севера, окутали долину унылой пеленой тумана, и это немало способствовало бегству Туора и его отряда, ибо впереди их ждал открытый и весьма протяженный участок дороги — от выхода из туннеля до подножия скал. Но все же поднялись они в горы, терпя непереносимые муки, ибо на ужасных вершинах царил холод, а среди беглецов было немало женщин, и детей, и раненых.

И вот достигли они жуткого перевала под названием Кристорн [> Кирит-торонат], Орлиная расселина, где под сенью высочайших пиков петляет узкая тропа: по правую руку стеною высится скала, а по левую разверзается страшная бездонная пропасть. По этой тесной дороге цепью растянулся маленький отряд — и вдруг угодил в засаду к одному из дозоров Морготова воинства; а возглавлял тот дозор балрог. Ужасным было положение беглецов, едва ли спасла бы их бессмертная доблесть златокудрого Глорфинделя, главы Дома Златого Цветка Гондолина, если бы вовремя не подоспел им на помощь Торондор.

В песнях поется о поединке Глорфинделя и балрога на остроконечной скале среди горных круч; оба рухнули в бездну и нашли там свою смерть. Торондор же вынес из пропасти тело Глорфинделя, и погребли его у самого перевала, сложив курган из камней; со временем там зазеленела трава, и крохотные цветы, подобные золотым звездочкам, зацвели среди скалистых пустошей. А птицы Торондора обрушились на орков, и те с визгом бросились прочь: все они были перебиты или сброшены в пропасть, потому известия о бежавших из Гондолина нескоро достигли слуха Моргота.

Так дорогами труднопроходимыми и опасными уцелевшие жители Гондолина пришли в Нан-татрин и там отдохнули немного, залечили раны и восстановили силы, но невозможно было исцелить их скорбь. И устроили они пир в память о Гондолине и обо всех, кто погиб там, — о прекрасных девах, и женах, и воинах, и короле их; немало чудесных песен пелось и о возлюбленном Глорфинделе. Там Туор поведал в песне сыну своему Эаренделю о давнем явлении Ульмо, о видении моря посреди суши; и тоска по морю пробудилась в сердце Туора и в сердце его сына. Потому перебрались они и большинство тех, кто был с ними, к устьям Сириона и к морю, и там поселились, и народ их присоединился к немногочисленному отряду Эльвинг, дочери Диора, что бежала в те места незадолго до того.

Моргот же в сердце своем торжествовал победу, даже не вспоминая о сыновьях Феанора и об их клятве — до сих пор эта клятва ничем не повредила ему, но, напротив, всегда оборачивалась ему же на пользу и в помощь. И смеялся он, погруженный в свои черные мысли, и не жалел об одном утраченном Сильмариле, ибо через него, полагал Моргот, последние жалкие остатки эльфийского рода вот-вот навсегда исчезнут с лица земли и не потревожат более мир. Если и знал Моргот о поселении у вод Сириона, то не подавал виду, выжидая своего часа и полагаясь на то, что клятва и ложь сделают свое дело.

Однако близ Сириона, где обосновались немногие уцелевшие беглецы из Дориата и Гондолина, эльфийский народ умножился в числе и окреп; и полюбили эльфы море, и ста-

ли строить прекрасные корабли, ибо жили на самом побережье, под дланью Ульмо.

Мы дошли до того же самого момента истории Гондолина в «Квенте Нолдоринва», что и в «Очерке мифологии» на стр. 130. Здесь я оставляю «Квенту» и перейду к последнему крупномасштабному тексту об истории Гондолина, который также является последним рассказом об основании Гондолина и о том, как Туор вступил в город.

Последняя версия

Много лет прошло между историей Гондолина в изложении «Квенты Нолдоринва» и этим текстом, озаглавленным «О Туоре и падении Гондолина». Не подлежит сомнению, что он был написан в 1951 году (см. «Эволюцию легенды», стр. 209).

Риан, жена Хуора, жила вместе с народом дома Хадора. Но когда до Дор-ломина дошли слухи о Нирнаэт Арноэдиад [Битве Бессчетных Слез], а о супруге Риан вестей все не было, она потеряла разум от горя и ушла одна в глушь. Так бы она и погибла, не приди ей на помощь Серые эльфы — к западу от озера Митрим было их поселение. Они привели ее к себе, и там, прежде, чем окончился Год Скорби, родила она сына.

И сказала Риан эльфам:

— Пусть зовется он *Туором*, ибо это имя избрал его отец до того, как война разлучила нас. Прошу вас, воспитайте его втайне и сберегите его, ибо предвижу я, что великое благо принесет он эльфам и людям. Я же ныне должна уйти, дабы разыскать Хуора, господина моего.

Эльфы исполнились жалости к ней. И некий Аннаэль, который был в той битве и единственный из воинов этого народа вернулся домой, сказал ей:

— Увы, госпожа моя, всем известно, что Хуор пал в бою, сражаясь бок о бок с Хурином, братом своим, и ныне, думается мне, покоится он в кургане, что возвели орки на поле той битвы.

И встала тогда Риан, и оставила жилища эльфов, и прошла через земли Митрима, и достигла наконец Хауд-эн-Нденгина, стоявшего посреди пустынного Анфауглита, и там она легла ничком и так умерла. Но эльфы позаботились о младенце, отпрыске Хуора, и Туор вырос среди них. Был он прекрасен собой и златовлас, как весь род отца его, и сделался он могучим, высоким и отважным. Будучи воспитан эльфами, постиг он все науки и искусства, что были ведомы князьям эдайн, откуда на север не пришла гибель.

Но шли годы, и жизнь исконных обитателей Хитлума, людей и эльфов, что еще оставались там, становилась все тяжелее и опаснее. Ибо, как рассказано в другой повести, Моргот нарушил обещание, данное восточанам, что служили ему, и не пустил их в богатые земли Белерианда, которых помогали восточане, но загнал этот злобный народ в Хитлум и повелел им жить там. И хотя они более не были друзьями Морготу, но продолжали служить ему из страха и ненавидели всех эльфов. Оставшихся людей дома Хадора (то были по большей части старики, женщины и дети) они презирали и притесняли. Восточане отбирали у них земли и добро, брали женщин в жены вопреки их воле и обращали детей в рабство. Орки свободно бродили по всей стране,

охотясь на эльфов, что еще прятались в тайных убежищах в горах, и многих брали в плен и уводили в копи Ангбанда, в рабство к Морготу.

Поэтому Аннаэль увел свой немногочисленный народ в пещеры Андروت. Жизнь их была тяжелой, и им все время приходилось быть настороже. Но вот Туору исполнилось шестнадцать лет. Он стал сильным и научился владеть оружием — секирой и луком Серых эльфов; и сердце юноши пылало при мысли о страданиях его народа, и он стремился отомстить оркам и восточанам. Но Аннаэль не отпустил его.

— Думается мне, судьба твоя не здесь, Туор сын Хуора, — сказал он юноше. — Край сей не освободится от тени Моргота, доколе не будет повержен самый Тангородрим. И ныне мы решились оставить наконец эти земли и уйти на юг. И ты пойдешь с нами.

— Но как же нам избежать сетей наших врагов? — спросил Туор. — Ведь такой отряд, как наш, нельзя не заметить.

— Будем скрываться, — ответил Аннаэль, — и, если нам повезет, мы отыщем тайный ход, который зовется Аннон-ин-Гелюд, Врата Нолдор; ибо он создан их трудами, давным-давно, во дни Тургона.

Услышав это имя, Туор восторжен, сам не зная почему. И принялся он расспрашивать Аннаэля о Тургоне.

— Это сын Финголфина, — отвечал ему Аннаэль, — и ныне, после гибели Фингона, он считается верховным королем нолдор. Тургон, коего Моргот страшится более, чем кого бы то ни было, все еще жив: он избежал гибели в Нирнаэт, ибо Хурин из Дор-ломина и Хуор, твой отец, прикрыли его отступление, преградив теснину Сириона.

— Тогда я пойду искать Тургона, — сказал Туор. — Неужели он не поможет мне — в память о моем отце?

— Не найдешь, — вздохнул Аннаэль. — Твердыня его сокрыта от глаз эльфов и людей, и никто из нас не знает, где она. Быть может, некоторым нолдор это и известно, но они никому не скажут. Но если хочешь поговорить с ними, послушайся моего совета и иди со мной: в дальних гаванях на юге ты, быть может, и встретишь странников из Сокрытого королевства.

Так и вышло, что эльфы оставили пещеры Андрот, и Туор отправился с ними. Но враги стерегли места, где они обитали, и скоро прознали о походе. Едва народ Аннаэля успел спуститься с гор на равнину, как на него напал большой отряд орков и восточан, и эльфы разбежались кто куда, прячась в наступающей тьме. Но сердце Туора возгорелось пламенем битвы, и он не бросился бежать. Туор был еще совсем мальчик, но секирой владел не хуже отца, и долго сражался, и перебил много врагов. Но в конце концов его одолели, и взяли в плен, и привели к Лоргану-восточанину. Этот Лорган был вождем восточан и объявил себя владыкой всего Дор-ломина под рукой Моргота. И Туор стал его рабом. Тяжка и горька была жизнь пленника, ибо Лорган знал, что Туор из рода прежних владык Дор-ломина, и обращался с ним хуже, чем со всеми остальными рабами: Лорган был бы рад сломить гордость потомка Хадора. Но Туор был умен, держался настороже и терпеливо сносил побои и насмешки. Поэтому со временем жизнь его стала полегче, и его, по крайней мере, не морили голодом, как большинство несчастных рабов Лоргана. Ибо Туор был силен и искусен, а Лорган неплохо кормил свой рабочий скот, пока тот был молод и мог трудиться.

И вот через три года рабства Туору наконец представился случай бежать. Он был теперь почти совсем взрослым

и стал выше и проворнее любого восточанина. И однажды, когда Туора вместе с другими рабами отправили на работу в лес, он внезапно набросился на охранников, перебил их топором и скрылся в горах. Восточане пытались выследить его с собаками, но у них ничего не вышло: почти все псы Лоргана были друзьями Туора и, заведев его, просто ласкались к нему, а он отсылал их домой, и они послушно убегали. И так он в конце концов добрался до пещер Андрот и стал жить там один. Целых четыре года прожил он изгоем в земле своих отцов. Он сделался угрюмым отшельником, и восточане боялись даже его имени, ибо он часто спускался с гор и убивал всех восточан, которые ему попадались. За его голову назначили большую награду; но восточане не смели напасть на его убежище, даже с сильным отрядом; ибо они боялись эльфов и избегали тех мест, где когда-то жил этот народ. Но говорят, что Туор покидал свое убежище не ради мести: он все пытался найти Врата Нолдор, о которых говорил ему Аннаэль. Но он не нашел их, ибо не знал, где искать. А те немногие эльфы, что еще жили в горах, даже не слышали о них.

Однако, хотя судьба до поры и благоприятствовала Туору, он все же знал, что дни изгоя сочтены и всегда кратки и безнадежны. К тому же он совсем не хотел прожить весь век бездомным дикарем в горах: сердце его стремилось к великим деяниям. Говорят, что в этом проявилась власть Ульмо. Ибо Ульмо собирал вести обо всем, что происходит в Белерианде, и каждый ручеек, бегущий из Средиземья к Великому морю, был его вестником и посланником; а кроме того, он издревле водил дружбу с Кирданом и кораблями, жившими в Устьях Сириона. И в то время Ульмо боль-

ше всего заботился о судьбах Дома Хадора, ибо в своих глубочайших замыслах предназначил им сыграть важную роль в спасении Изгнанников. Ульмо знал о судьбе Туора, поскольку Аннаэлю и многим другим из его народа удалось все-таки бежать из Дор-ломина и добраться до поселений Кирдана далеко на юге*.

Так и случилось, что в день начала года (двадцать третьего, считая от Нирнаэт) Туор сидел у источника, что журчал неподалеку от входа в его пещеру, и, обратясь к западу, смотрел, как солнце садится в облака. И вдруг в его сердце вспыхнуло желание встать и уйти, не медля ни минуты.

— Я оставляю ныне сирые земли моих сородичей, которых нет более, — воскликнул он, — и отправляюсь навстречу своей судьбе! Но куда же мне идти? Долго искал я Врата, но так и не нашел их.

Тогда взял он арфу, что всегда была при нем, ибо он был искусным музыкантом, и, не думая об опасности, звонко запел песню северных эльфов, сложенную для ободрения духа. Он пел, и родник у его ног вдруг забурлил и переполнился водой, и по каменистому склону хлынул шумный поток. И Туор решил, что это знак, и тотчас встал и пошел за ручьем. И так он спустился с высоких гор Митрима и вышел на северную равнину Дор-ломина. Поток становился все полноводнее, и Туор шел за ним на запад, и через три дня на западе показались серые хребты Эред Ломина. Они тянулись с севера на юг, преграждая путь к Западным берегам. В эти края Туор никогда еще не забредал.

Вблизи гор земля снова стала неровной и каменистой, и скоро Туору пришлось подниматься вверх по склону, а по-

* Это Кирдан Корабел, который появляется во «Властелине Колец» как владыка Серых Гаваней конца Третьей Эпохи.

ток устремился в скалистую расщелину. Но к вечеру третьего дня, когда над землей стали сгущаться серые тени, Туор увидел перед собой каменную стену, а в ней — отверстие, подобное высокой арке. Поток нырнул туда и скрылся во тьме пещеры.

— Значит, надежда обманула меня! — разочарованно воскликнул Туор. — Мое знамение привело в тупик, да еще в землях, где полно врагов!

Исполненный печали, присел он между камней на крутом берегу потока и провел там бессонную ночь. Костер он не стал разводить, хотя было очень холодно: шел месяц сулимэ, и в этих северных краях было еще далеко до весны, а с востока дул ледяной ветер.

Но когда слабые лучи восходящего солнца пробились сквозь далекие туманы Митрима, Туор услышал голоса и, взглянув вниз, с удивлением увидел двух эльфов, идущих вброд по мелководью. Когда они выбрались на берег по ступеням, вырубленным в крутом берегу, Туор встал и окликнул их. Они тотчас бросились к нему, выхватив сияющие мечи. Эльфы были в серых плащах, но из-под плащей блеснули кольчуги. Туора поразили их облик: он никогда прежде не видел столь прекрасных лиц, но свет их очей был грозен. Те эльфы, которых он знал, были другими. Туор выпрямился и спокойно ожидал их. Эльфы же, видя, что он не обнажил меча, и слыша его приветствие на эльфийском наречии, убрали мечи в ножны и вежливо отвечали ему. И один из них сказал:

— Мы — Гельмир и Арминас из народа Финарфина. Ты, должно быть, из народа эдайн, что жил в этих краях прежде, до Нирнаэт? И сдается мне, что ты из рода Хадора и Хурина, ибо волосы у тебя золотые.

И отвечал ему Туор:

— Да, я Туор сын Хуора, сына Галдора, сына Хадора; но ныне я хочу оставить, наконец, этот край, ибо здесь я изгой, и родичей у меня не осталось.

— Если ты хочешь бежать отсюда в южные гавани, — сказал ему Гельмир, — то ты на верном пути.

— Я и сам так думал, — ответил Туор. — Я шел за ручьем, что внезапно источился из горного ключа, и он привел меня к этому обманчивому потоку. Но теперь я не знаю, куда идти дальше, ибо он уходит во тьму.

— Сквозь тьму можно выйти к свету, — заметил Гельмир.

— И все же тот, кто может, идет под Солнцем, — возразил Туор. — Но раз вы из нолдор, скажите мне, если можете, где находятся Врата Нолдор. Ибо я долго искал их, с тех самых пор, как мой приемный отец, Аннаэль из Серых эльфов, рассказал мне о них.

И эльфы со смехом ответили ему:

— Твои поиски завершены: мы сами только что прошли через эти Врата. Вот они, перед тобой! — и они указали на арку, куда убегал поток. — Ступай! И сквозь тьму ты выйдешь к свету. Мы покажем тебе дорогу, но провожать тебя мы не можем — мы посланы в те земли, откуда бежали когда-то, и наше дело не терпит отлагательств.

— Но не страшись, — добавил Гельмир, — высокий удел начертан на твоем челе, и тебе суждено уйти далеко отсюда, далеко за пределы Средиземья, если я верно угадал.

Туор спустился по ступенькам вслед за нолдор, и они пошли вброд по холодной воде, пока не оказались в тени каменной арки. Тогда Гельмир достал один из тех светильников, которыми славились нолдор: эти светильники были

сотворены много лет назад в Валиноре, и ни ветер, ни вода не могли погасить их; когда с них снимали покров, они источали ясный голубой свет, лившийся из прозрачного кристалла, наполненного пламенем. Гельмир поднял светильник над головой, и в этом свете Туор увидел, что река течет вниз в глубокий тоннель, и вдоль ее каменного русла в скале вырублены ступени, уходящие во мрак, куда не досягал свет лампы.

Пройдя перекат, они очутились под огромным каменным куполом. Рядом река с грохотом обрушивалась вниз с крутого обрыва, и шум водопада отдавался эхом в сводах пещеры. Ниже река снова уходила под арку в другой тоннель. У водопада нолдор простились с Туором.

— Теперь мы должны торопиться обратно, — сказал Гельмир, — ибо великая опасность надвигается на Беле-рианд.

— Не пришел ли час, когда Тургон выйдет из тайного убежища? — спросил Туор.

Эльфы взглянули на него с изумлением.

— Это касается больше нолдор, чем сынов человеческих, — заметил Арминас. — Что тебе известно о Тургоне?

— Немного, — сказал Туор. — Я знаю только, что мой отец помог ему спастись из Нирнаэт и что в его тайной твердыне кроется надежда нолдор. Но его имя вечно звучит в моем сердце и просится на язык, не знаю почему. И будь моя воля, я бы отправился искать его, вместо того чтобы вступать на эту темную и страшную тропу. Но, быть может, это и есть путь к его жилищу?

— Кто знает? — отвечал эльф. — Жилище Тургона сокрыто, сокрыты и пути к нему. Я не знаю их, хотя долго их

искал. Но если бы они и были известны мне, я не открыл бы их ни тебе, и никому из людей.

Но Гельмир сказал:

— Мне доводилось слышать, что вашему роду покровительствует Владыка Вод. И если он решил привести тебя к Тургону, ты придешь к нему, куда бы ты ни пошел. Ступай же ныне той дорогой, которую указали тебе воды горного ключа, и не страшись! Тебе недолго придется брести во тьме. Прощай! И не думай, что наша встреча была случайной; ибо Живущий в глубинах еще может повелевать многим в этом краю. *Анар калува тизльянна!* [«Солнце озарит твой путь!»]

С этими словами нолдор стали подниматься по лестнице, а Туор все стоял; но вот свет их лампы угас, и он остался совсем один во тьме чернее ночи, среди рева водопадов. Собрав все мужество, он двинулся вперед, держась левой рукой за стену. Сперва он шел очень медленно, потом по привычке к темноте, заметил, что путь ровный, и зашагал быстрее. Ему казалось, что он идет очень долго; он устал, но ему не хотелось отдыхать в темном тоннеле. И вот наконец далеко впереди показался свет. Туор ускорил шаг и вслед за шумным потоком прошел сквозь узкую высокую брешь в стене навстречу золотому вечеру. Он очутился в глубоком ущелье с отвесными стенами. Ущелье смотрело точно на Запад, и впереди в ясном небе садилось солнце, озаряя стены золотистым сиянием, а воды реки горели золотом, дробясь и пенясь на блестящих камнях.

Туор был восхищен этим зрелищем. В нем снова вспыхнула надежда, и он пошел дальше, пробираясь вдоль южной стены, где оставался узкий проход. А потом наступила ночь,

и река скрылась во мраке — только высокие звезды мерцали в темных омутах. Тогда Туор лег и спокойно заснул: он забыл о страхе рядом с этой рекой, где струилась власть Ульмо.

Когда наступил день, он не торопясь пошел дальше. Солнце вставало у него за спиной и снова садилось впереди, и по утрам и вечерам над шумными перекатами и водопадами загорались радуги. Поэтому он назвал это место Кирит Нинних [Радужная расселина].

Так Туор шел еще три дня. Шел он не торопясь, пил холодную воду из реки, а есть ему не хотелось, хотя в реке плескалось множество рыб, переливавшихся золотом, серебром и всеми цветами радуги, подобно тем радугам, что висели в воздухе. А на четвертый день стены ущелья раздвинулись и стали менее высокими и крутыми; река же сделалась глубже и шире, ибо текла через горы, и все новые и новые ручьи сбегали с них в Кирит Нинних, обрушиваясь в реку сверкающими водопадами. Тогда Туор остановился и долго сидел, глядя на струи реки и внимая их немолчному говору. Но вот наступила ночь, и на узкой полоске черного неба наверху холодным блеском засияли звезды. Тогда Туор возвысил голос и ударил по струнам арфы, и его песня и нежный перезвон струн заглушили шум воды и отозвались многоголосым эхом в скалах, и разнеслись над холмами, окутанными тьмой, и весь необитаемый край наполнился музыкой, летящей к звездам. Ибо, сам того не ведая, Туор вышел к Зычным горам Ламмот, стоящим над заливом Дренгист. Некогда там пристали корабли Феанора, приплывшего из-за моря, и голоса его воинов раскатились могучим эхом по северным берегам еще до восхода Луны.

Туор умолк в изумлении, и музыка медленно затихла в горах, и наступило молчание. И вдруг среди этой тишины в небе над ним раздался странный крик; и Туор не знал, кто это так кричит. Сперва он сказал себе: «Должно быть, это духи», потом: «Нет, это, наверно, какой-нибудь зверек скулит здесь в глуши», потом, услышав его снова, он сказал: «Нет, это голос какой-то ночной птицы, мне незнакомой». Этот звук показался ему печальным, и все же ему хотелось снова слышать его и пойти за ним: он звал его куда-то, но куда — Туор не ведал.

Наутро этот крик снова раздался над ущельем; Туор поднял голову и увидел трех больших белых птиц, летящих вдоль ущелья навстречу западному ветру, — их могучие крылья сияли белизной в лучах утреннего солнца, и, пролетая над Туором, они громко закричали. Так в первый раз увидел он больших чаек, которых так любят телери. Тогда Туор встал, желая пойти вслед за ними, и чтобы лучше видеть, куда они летят, выбрался на левый берег. На краю обрыва в лицо ему ударил ветер с Запада, взъерошив ему волосы. Туор вдохнул свежий воздух полной грудью и воскликнул:

— Этот ветер бодрит душу, как прохладное вино!

Он не знал, что то был ветер с Великого моря.

Туор пошел вдоль высокого обрыва над рекой вслед за чайками. Вскоре стены ущелья снова сдвинулись, и узкая протока наполнилась ревом воды. Туор взглянул вниз и увидел, что бурный поток запрудил теснину и преградил путь реке, которая стремится течь дальше, и огромная волна, увенчанная пеной, стеной вздымается чуть ли не вровень

с обрывом. И вот встречный поток одолел реку, и вода с ревом хлынула вверх по ущелью, затопив его, и с грохотом катя валуны. Туору это показалось великим чудом. Так призыв морских птиц спас его от гибели во время прилива; а прилив в тот день был очень высоким: наступила весна, и с моря дул сильный ветер.

Туор устрасился ярости этих странных вод, оставил берег и повернул на юг — и потому не достиг протяженных берегов залива Дренгист. Несколько дней он блуждал по безлесному неприятному краю. Та земля была выметена морским ветром, и все, что там росло, травы и кусты, клонилось в сторону восхода, ибо ветер все время дул, не меняясь, с Запада.

И так Туор вступил в пределы Невраста, где некогда жил Тургон; и наконец он внезапно (ибо береговые обрывы были выше склонов, что вели к ним) вышел к черной грани Средиземья и узрел Великое море, Белегаэр Безбрежный. То был час, когда солнце опускалось за край мира, пылая ярким огнем; Туор одиноко стоял над обрывом, раскинув руки, и сердце его переполнилось стремлением к Морю. Говорят, что Туор первым из людей достиг Великого моря, и что лишь эльдар глубже извели тоску, которую вселяет оно в душу.

Туор надолго остался в Неврасте. Ему там было хорошо, потому что этот край, лежавший у моря и укрытый горами с севера и с востока, был более теплым и приветливым, чем равнины Хитлума. Туор давно привык жить один в глуши и кормиться охотой, так что еды ему хватало; ибо в Неврасте вовсю хозяйничала весна, и воздух звенел птичьими

голосами. Птицы во множестве жили и по берегам, и на болотах Линаэвена в низине; но голосов эльфов и людей в те дни не слышалось в этом пустынном краю.

Туор нашел большое озеро, но до воды добраться не смог: берега были болотистыми, поросшими непроходимыми чащами тростника; поэтому вскоре он ушел оттуда и вернулся к Морю, ибо оно звало его, и ему не хотелось надолго оставаться там, где не слышно шума волн. И на побережье Туор впервые нашел следы нолдор, что некогда жили здесь. Ибо к югу от Дренгиста высокие скалистые берега были изрезаны множеством бухточек и укромных заливов с белыми песчаными пляжами у подножия черных блестящих скал, и Туор часто находил ведущие к ним извилистые лестницы, вырубленные в скале, а у берега виднелись сложенные из огромных каменных плит полуразрушенные пристани, к которым некогда причаливали эльфийские корабли. Много дней провел там Туор, любуясь изменчивым морем, а тем временем миновали весна и лето, и тьма сгущалась над Белериандом. Приближалась осень, роковая для Нарготронда.

Быть может, птицы почувствовали, что грядет жестокая зима: те, что улетают на юг, рано начали сбиваться в стаи, а те, что жили дальше на север, уже вернулись в Невраст. И вот однажды, сидя на берегу, Туор услышал шум и свист могучих крыльев и, подняв голову, увидел в небе семь белых лебедей, клином летящих на юг. Но пролетая над ним, они покружили и внезапно с плеском опустились на воду.

Надо сказать, что Туор любил лебедей — он часто видел их в серых заводях Митрима; и к тому же лебедь был гербом Аннаэля и народа, воспитавшего Туора. Поэтому он встал, приветствуя птиц, и окликнул их, дивясь их величине и цар-

ственной стати, какой не видел раньше ни у одного лебедя; но птицы захлопали крыльями и громко закричали, словно сердились на Туора и хотели прогнать его с берега. Потом с шумом взлетели и стали кружить у него над головой, обдавая его ветром от крыльев; они описали большой круг, поднялись высоко в небо и полетели на юг.

И воскликнул Туор:

— Это знак, что я задержался!

Он поспешно вскарабкался на обрыв и увидел, что лебеди все кружат в небе; но когда он пошел вслед за ними на юг, они полетели вперед.

Туор шел вдоль берега на юг ровно семь дней, и каждое утро его будил на рассвете шум крыльев, а днем лебеди летели впереди него. Чем дальше, тем ниже становились берега, и на них росли цветы и густая трава, а на востоке появились леса, желтеющие на исходе года. Но впереди показалась горная гряда, преграждавшая путь; на западе она оканчивалась высоким пиком: мрачная башня, увенчанная тучами, вздымалась в небо над зеленым мысом, уходящим далеко в море. Эти сумрачные горы были не чем иным, как западным отрогом Эред Ветрина, ограждавшего Белерианд с севера, а пик назывался гора Тарас — то была самая западная из гор этого края, и ее вершина была первым, что увидел бы издалека мореход, подплывающий к смертным берегам. У ее подножия некогда жил Тургон в чертогах Виньямара, древнейшего из каменных дворцов, что возвели нолдор в землях изгнания. Эти чертоги и поныне стояли там, опустевшие, но прочные, возвышаясь на крутых уступах над морем. Годы не разрушили их, и прислужники Моргота обходили их сто-

роной; но ветра, дожди и морозы точили их, и трещины стен и крыши густо поросли неприхотливыми серо-зелеными растениями, привыкшими к соленому морскому ветру и способными жить на голом камне.

Туор набрел на старую заброшенную дорогу и долго шел меж зеленых холмов и стоячих камней; на исходе дня он вышел к древним чертогам с высокими дворами, где гуляли ветра. Ни тени страха и зла не таилось в них, но Туора охватил благоговейный трепет, когда он подумал о тех, кто жил здесь когда-то, а теперь ушел неведомо куда: гордый народ, бессмертный, но обреченный, пришедший из дальних земель за Морем. И Туор обернулся назад и вгляделся, как часто вглядывались они, в даль мерцающих беспокойных вод. Потом он снова повернулся к дворцу и увидел, что лебеди опустились на верхний уступ, у западных дверей чертога; они захлопали крыльями, и Туору показалось, что они зовут его войти. Тогда Туор взошел наверх по широким лестницам, наполовину заросшим гвоздичником и дремой, прошел под могучей аркой и вступил под своды дома Тургона. И вот наконец он вошел в зал со множеством колонн. Большим виделся тот чертог снаружи, изнутри же он явился Туору огромным и величественным, и Туор исполнился такого благоговения, что боялся будить эхо в пустых стенах. Внутри он увидел только высокий трон на возвышении в восточном конце зала и направился к нему, стараясь ступать как можно тише; но его шаги звенели, как поступь судьбы, и отдавались эхом в колоннадах.

Остановившись перед троном, окутанным тенями, Туор увидел, что тот высечен из цельного камня и украшен не-

понятными письменами. И в этот миг заходящее солнце заглянуло в высокое окно под западным скатом крыши, и луч света упал на стену прямо перед Туором и засверкал на полированном металле. Туор с изумлением увидел, что на стене над троном висят щит, длинная кольчуга, шлем и длинный меч в ножнах. Кольчуга сияла, как нетускнеющее серебро, и солнечный луч осыпал ее золотыми искрами. А щит был необычный, Туор таких никогда не видел: вытянутый, клинообразный, с лебединым крылом на синем поле. Тогда заговорил Туор, и голос его прозвенел под сводами, точно вызов:

— Во имя этого знака я беру это оружие себе и принимаю на себя судьбу, которая таится в нем!

И Туор взял щит, и тот оказался удивительно легким и удобным: он, видимо, был сделан из дерева, но искусные эльфийские кузнецы обили его металлическими накладками, тонкими, как фольга, но прочными, и это защитило его от древоточцев и от сырости.

Тогда Туор облачился в кольчугу, и надел на голову шлем, и опоясался мечом; черны были ножны того меча, и пояс был черным, с серебряными пряжками. Вооружившись, вышел он из Тургонова чертога и встал на высоком уступе Тараса в алых лучах солнца. Никто не видел, как он стоял, обратясь на Запад, сверкая серебром и золотом доспехов; и не знал Туор, что в тот час он казался подобен одному из могучих Владык Запада. Воистину, достоин он был стать отцом королей над Королями Людей из-за Моря, что и было суждено ему; ибо когда Туор сын Хуора надел эти доспехи, в нем произошла перемена, и сердце его исполнилось величия. И вот, когда он вышел из дверей чертога, лебеди поклонились ему и, вырвав по перу из своих крыльев, про-

тянули их ему, склонившись к его стопам; и он взял семь перьев и воткнул их в верх шлема, лебеди же поднялись в небо и улетели на север, озаренные закатом, и Туор не видел их более.

Теперь Туора потянуло на берег, и он спустился по длинным лестницам к широкому пляжу, окаймлявшему с севера мыс Тарас. По дороге он увидел, что солнце садится в огромную черную тучу, поднимающуюся над потемневшим морем. Похолодало; море волновалось и рокотало, словно в преддверии бури. И Туор стоял на берегу; и из-за грозной тучи солнце пылало, как дымный костер. И показалось Туору, что вдали из моря восстала огромная волна и медленно покатилась к земле; но он остался на месте, застыв от изумления. А волна все приближалась, окутанная туманным сумраком. Неподалеку от берега ее гребень изогнулся, рухнул вниз и хлынул на песок длинными пенными рукавами; но в том месте, где рассыпалась волна, на фоне надвигающихся туч темнела огромная, величественная фигура.

Туор благоговейно склонился пред ней, ибо ему почудилось, что он зрит могучего государя. Высокая, словно бы серебряная корона венчала его, а из-под нее струились длинные кудри, мерцающие во мраке, как пена морская; шествуя к берегу, он откинул свой серый плащ, который окутывал его подобно туману, и се! под плащом оказалась сияющая кольчуга, облекавшая его тело, точно чешуя могучей рыбы, и темно-зеленая туника, блиставшая и переливавшаяся морскими огнями. Так Живущий в глубинах, которого нолдор зовут Ульмо, Владыка Вод, явился Туору сыну Хуора из рода Хадора пред чертогами Виньямара.

Он не вышел на берег, но остановился по колено в темной воде и заговорил с Туором; однако свет его очей и глубокий голос, исходивший, казалось, из самого основания мира, поразили Туора страхом, и он повергся ниц.

— Восстань, Туор сын Хуора! — рек Ульмо. — Не страшись моего гнева, хотя долго взывал я к тебе, а ты не слышал меня; и выйдя наконец в путь, замешкался в дороге. Весной должен был ты стоять здесь; ныне же жестокая зима грядет сюда из страны Врага. Ты должен научиться спешить; и путь твой не будет легким и приятным, как было задумано мною. Ибо советы мои отвергнуты, и великое зло пробирается в долину Сириона, и вражеское войско встало меж тобой и твоей целью.

— Куда же идти мне, владыка? — спросил Туор.

— Туда, куда давно стремилось твое сердце, — ответил Ульмо. — Ты должен найти Тургона и узреть сокрытый град. Ибо в доспехи эти ты облачился затем, чтобы быть моим посланцем. Давным-давно оставили их здесь по моему велению. Но ныне придется тебе идти сквозь мрак и опасности. А потому надень плащ сей и не снимай его, пока не достигнешь цели.

И почудилось Туору, что Ульмо разорвал свою серую мантию и бросил ему лоскут — и тот был так велик, что окутал Туора с головы до ног, словно огромный плащ.

— В нем ты пойдешь, и тень моя укроет тебя, — сказал Ульмо. — Но не медли более: в землях, озаряемых светом Анар и сжигаемых пламенем Мелькора, она скоро рассеется. Согласен ли ты исполнить мое поручение?

— Согласен, владыка, — ответил Туор.

— Тогда я вложу в твои уста слова, что ты должен произнести перед Тургоном, — сказал Ульмо. — Но прежде

я научу тебя, и многое услышишь ты, что неведомо ни людям, ни даже могущественнейшим из эльдар.

И Ульмо поведал Туору о Валиноре, и о его затмении, и об изгнании нолдор, и о Приговоре Мандоса, и о сокрытии Благословенного края.

— Но знай, — рек он, — что в доспехах Судьбы (как зовут ее Дети Земли) всегда найдется щель, и в стене Рока найдется брешь — так есть и будет до исполнения всех начал, которое вы зовете Концом. Так будет, доколе есмь аз, тайный глас, спорящий с Судьбой, свет, сияющий во тьме. И хотя кажется, что в эти черные дни я противлюсь воле моих собратий, Западных Владык, таков мой удел среди них, и это было предназначено мне еще до сотворения Мира. Но силен Рок, и тень Врага растет, я же умаляюсь, и ныне в Средиземье я стал всего лишь тайным шепотом. Воды, текущие на запад, иссыхают, и источники их отравлены, и сила моя уходит из этого края, ибо эльфы и люди не видят и не слышат меня, — столь велико могущество Мелькора. И ныне близится исполнение Проклятия Мандоса, и все творения нолдор погибнут, и все надежды их обратятся во прах. Ныне осталась одна, последняя надежда, которой они не ждали и не ведали. И надежда эта таится в тебе; ибо ты избран мною.

— Значит, Тургон не выстоит против Моргота, вопреки надеждам эльдар? — спросил Туор. — И что мне делать, владыка, если я доберусь до Тургона? Воистину, мечтал я повторить дела моего отца и быть рядом с этим владыкой в час беды, но что могу сделать я, простой смертный, среди стольких доблестных воинов Высшего народа Запада?

— Если я решил послать тебя, Туор сын Хуора, знай, что твой единственный меч стоит того. Ибо в грядущих

веках вечно будут эльфы помнить доблесть эдайн, дивясь тому, как легко отдавали они жизнь, коей им на земле было отпущено так мало. Но я посылаю тебя не одной твоей доблести ради, но дабы породить на свет надежду, тебе незримую, и светоч, что пронзит тьму.

Пока Ульмо говорил, ропот ветра обратился в гул, и небо почернело; и плащ Владыки Вод развевался на ветру, подобно туче.

— Теперь уходи, — молвил Ульмо, — дабы Море не поглотило тебя. Ибо Оссэ покорен воле Мандоса, а тот разгневан, ибо он — слуга Рока.

— Как повелишь, — сказал Туор. — Но если я избегну Рока, что мне сказать Тургону?

— Если ты достигнешь его, — ответил Ульмо, — слова сами придут к тебе, и уста твои скажут то, что угодно мне. Говори не страшась! А потом делай то, что подскажут тебе сердце и твоя доблесть. Береги мой плащ, он сохранит тебя. И я пошлю тебе спасенного мною от гнева Оссэ, и он поведет тебя — последний мореход с последнего корабля, что отправится на Запад до восхода Звезды. А теперь возвращайся на берег!

Раздался удар грома, и над морем сверкнула молния; и Туор узрел Ульмо, возвышающегося над волнами подобно серебряной башне, полыхающей отблесками света; и он прокричал навстречу ветру:

— Иду, владыка! Но все же сердце мое стремится к Морю.

И тогда Ульмо воздел огромный рог, и над морем разнесся протяжный звук — рев бури рядом с ним был не громче шепота ветерка над озером. И звук этот достиг ушей Туора, и охватил его, и переполнил его, и Туору показалось,

что берега Средиземья растаяли, и в великом видении открылись ему все воды мира: от земных жил до речных устьев, от берегов и заливов до морских глубин. Узрел он Великое море в его вечном непокое, кишашее странными созданиями; узрел его все, вплоть до бессветных глубин, в которых средь вечной тьмы раздаются голоса, ужасные для ушей смертных. Быстрым взором Валар окинул он его бесконечные равнины, недвижно раскинувшиеся под ясным оком Анар, или блещущие под двурогим Месяцем, или встающие гневными валами, что разбиваются о берега Тенистых островов; и наконец вдали, за бессчетные лиги от смертных берегов, едва видимо взгляду, явилась ему гора, вздымающаяся на немыслимую высоту, одетая сияющим облаком, и у подножия горы — сверкающая полоса прибоя. Но когда Туор напряг слух, чтобы расслышать шум тех далеких волн, и зрение, чтобы разглядеть это далекое сияние, — звук оборвался, и вокруг снова был лишь рев бури, и ветвистая молния расколола небо у него над головой. Ульмо исчез, и море ярилось — бешеные валы Оссэ неслись на стены Невраста.

Туор бежал от ярости моря. С трудом поднялся он обратно на уступы: ветер прижимал его к откосу, а когда он взобрался наверх, согнул в три погибели. Поэтому Туор укрылся от непогоды в темном и пустом зале и провел ночь на каменном троне Тургона. Самые колонны сотрясались под ударами бури, и Туору мерещилось, что ветер доносит стоны и дикие вопли. Но он устал и время от времени засыпал — и тогда его тревожили сны; но запомнился ему лишь один: Туор видел остров, и крутую гору посреди него, и солнце, садящееся за гору, и меркнувшее небо; а над горой сияла одинокая ослепительная звезда.

После этого видения Туор заснул крепко, потому что гроза кончилась еще до рассвета и ветер угнал черные тучи на восток. Наконец Туор пробудился в серых предутренних сумерках, встал и оставил высокий трон. Проходя по полутемному чертогу, он увидел, что тот полон морских птиц, загнанных в него бурей. Он вышел, когда на западе в лучах наступающего дня угасали последние звезды. И увидел он, что ночью волны вздымались вровень с верхними уступами: водоросли и гальку нанесло к самым дверям. Туор спустился на последний уступ, взглянул вниз и увидел эльфа, закутанного в мокрый серый плащ. Эльф сидел, прислонившись к стене, среди камней и водорослей, выброшенных морем, и молча смотрел вдаль, за длинные гребни волн, разбивающихся о берега, истерзанные штормом. Все было тихо, лишь снизу доносился шум прибоя.

Глядя на безмолвную серую фигурку, Туор вспомнил слова Ульмо, и неизвестное прежде имя пришло к нему, и он окликнул незнакомца:

— Привет тебе, Воронвэ! Я жду тебя.

Эльф обернулся. Туор встретил пронзительный взгляд его глаз, серых как море, и понял, что этот эльф из благородного племени нолдор. Но когда эльф увидел Туора, что стоял на высоком утесе в сером плаще, подобном тени, и в сияющем из-под плаща эльфийском доспехе, в глазах его появились страх и изумление.

Несколько мгновений они молча глядели друг другу в лицо, а потом эльф встал и поклонился Туору в ноги.

— Кто ты, государь? — спросил он. — Долго боролся я с безжалостным морем. Скажи мне, не случилось ли чего-нибудь важного с тех пор, как я оставил землю? Быть может,

Тень повержена? Быть может, Сокрытый народ вышел наружу?

— Нет, — ответил Туор. — Тень растет, и Сокрытое остается сокрытым.

Эльф надолго умолк.

— Тогда кто же ты? — спросил он наконец. — Давно оставил мой народ эти земли, и с тех пор никто не жил здесь. Сперва по твоему одеянию я принял тебя за одного из них, но теперь я вижу, что ты из рода людей.

— Это так, — ответил Туор. — А ты — последний мореход с последнего корабля, отплывшего на Запад из Гаваней Кирдана?

— Это так, — ответил эльф. — Я Воронвэ сын Аранвэ. Но откуда известны тебе мое имя и моя судьба?

— Они известны мне, ибо Владыка Вод говорил со мною вчера на закате, — отвечал Туор, — и он сказал, что спасет тебя от гнева Оссэ и пошлет мне в проводники.

Тогда в страхе и изумлении вскричал Воронвэ:

— Ты беседовал с Ульмо Могучим? Воистину, велика твоя доблесть и судьба твоя высока! Но куда же вести мне тебя, государь? Ведь ты, должно быть, король среди людей, и многие повинуются твоему слову.

— Нет, я беглый раб, — сказал Туор. — Я одинокий изгой в пустынном краю. Но мне дано поручение к Тургону Сокрытому королю. Известна ли тебе дорога к нему?

— Многие, что не были рождены рабами и изгоями, стали ими в эти злые времена, — ответил Воронвэ. — Мне кажется, что ты — из законных людских владык. Но будь ты даже первым среди людей, ты не вправе видеть Тургона, и поиски твои будут напрасны. Даже если я отведу тебя к его вратам, войти ты не сможешь.

— Я не прошу вести меня дальше врат, — возразил Туор. — Тогда Рок вступит в борьбу с советами Ульмо. И если Тургон не примет меня, путь мой завершится и Рок возьмет верх. Но что до моего права видеть Тургона: я не кто иной, как Туор, сын Хуора и родич Хурина, чьих имен Тургон не забудет. И я ищу его по велению Ульмо. Разве забыл Тургон реченное древле: «Помни, последняя надежда нолдор придет с Моря»? Или еще: «Когда опасность будет близка, явится некто из Невраста и предупредит тебя»? Я — тот, кому должно прийти, и я облачился в доспехи, мне приготовленные.

Туор сам дивился, говоря это, ибо слова, что сказал Ульмо Тургону, когда тот покидал Невраст, не были прежде ведомы ни ему и никому, кроме Сокрытого народа. Тем сильнее изумлен был Воронвэ; он обернулся, взглянул в даль моря и вздохнул.

— Увы! — сказал он. — Мне так не хочется возвращаться! Среди морских пучин часто давал я обет, что, если только суждено мне будет снова ступить на землю, я поселюсь вдали от Северной Тени — у Гаваней Кирдана или, быть может, в дивных лугах Нан-татрина, где весна так прекрасна, что и во сне не привидится. Но раз за то время, пока я скитался, зло набрало силу, и смертельная опасность угрожает моему народу, я должен вернуться к нему.

Он снова обернулся к Туору.

— Я отведу тебя к тайным вратам, — сказал он, — ибо мудрый не станет пренебрегать советами Ульмо.

— Тогда пойдем вместе, как нам велено, — сказал Туор. — Но не печалься, Воронвэ! Сердце подсказывает мне, что путь твой долог и уведет тебя далеко от Тени; и твоя надежда вновь приведет тебя к Морю.

— И тебя, — ответил Воронвэ. — Но теперь мы должны оставить его: нам надо спешить.

— Да, конечно, — сказал Туор. — Но куда ты поведешь меня и долго ли нам идти? Не следует ли нам сперва подумать, как мы будем добывать пропитание в глуши или, если путь будет долог, как мы переживем зиму, не имея укрытия?

Но Воронвэ не хотел говорить ничего определенного насчет дороги.

— На что способны люди, тебе лучше знать, — сказал он. — А я из нолдор. Долгий нужен голод, жестокий нужен мороз, чтобы убить потомка тех, кто перешел Скрежещущий Лед! Чем, ты думаешь, питались мы в соленой пустыне моря все эти бесчисленные дни? Разве не слышал ты об эльфийских дорожных хлебцах? У меня еще осталось то, что хранит до последнего всякий мореход.

Он распахнул плащ и показал Туору запечатанную сумку на поясе.

— Ни время, ни морская вода не испортят их, пока они запечатаны. Но это мы побережем на крайний случай; уж наверное, изгой и охотник сумеет добыть еду, пока не наступила зима.

— Быть может, — ответил Туор. — Но охотиться не всегда безопасно, и дичь не везде водится в изобилии. И к тому же те, кто охотится, медлят в пути.

И вот Туор с Воронвэ собрались в дорогу. Туор, кроме Тургоновых доспехов и оружия, взял с собой только свой короткий лук со стрелами, а свое копье, на котором северными эльфийскими рунами было написано его имя, Туор

повесил на стену в знак того, что он побывал здесь. У Воронвэ из оружия был только короткий меч.

Еще до рассвета оставили они древний чертог Тургона, и Воронвэ повел Туора на запад, в обход крутых склонов горы Тарас, через большой мыс. Некогда там проходила дорога из Невраста в Бритомбар, но теперь это была всего лишь заросшая тропа, идущая по зеленой насыпи. Она привела их в Белерианд, в северную часть Фаласа; потом они свернули на восток, к темным лесам на склонах Эред Ветрина, и там укрылись и отдыхали до темноты. Ибо хотя древние поселения фалатрим, Бритомбар и Эгларест, были далеко, орки попадались и в этих местах, и по всей стране бродили соглядатаи Моргота — он боялся кораблей Кирдана, что время от времени высаживали здесь отряды, соединявшиеся с войсками, которые выходили из Нарготронда.

А надо сказать, что когда Туор с Воронвэ останавливались и сидели, закутавшись в плащи, подобно теням под холмом, они много беседовали. Туор расспрашивал Воронвэ о Тургоне, но Воронвэ избегал говорить об этом, а рассказывал больше о поселениях на острове Балар и в Лисгарде, краю тростников в Устьях Сириона.

— Туда собирается все больше эльдар, — говорил он, — потому что все, кто устал от войны и от соседства с Морготом, ищут там убежища. Но я покинул свой народ не по собственной воле. Ибо после Браголлах и прорыва Осады Ангбанда Тургон начал опасаться, что Моргот может оказаться слишком силен. И тогда Тургон впервые выслал наружу своих воинов — немногих, с тайным поручением. Они спустились вдоль Сириона к Устьям и там построили корабли. Но их хватило только на то, чтобы доплыть до боль-

шого острова Балар и заложить там одинокие поселения, недосыгаемые для Моргота. Ибо кораблей, способных подолгу выдерживать удары волн Белегаэра Великого, нолдор строить не умеют.

Но позднее, когда Тургон узнал о разорении Фаласа и гибели древних Гаваней Корабелов, что лежат вон там, впереди, и стало известно, что Кирдан с остатками своего народа уплыл на юг в бухту Балар, Тургон отправил новых посланцев. Немного лет прошло с тех пор, но мне эти годы кажутся самыми долгими в моей жизни. Ибо я был одним из тех гонцов. Я был еще юн по счету эльдар — я родился в Средиземье, здесь, в Неврасте. Моя мать из Серых эльфов Фаласа, она в родстве с самим Кирданом — в первые годы владычества Тургона в Неврасте было большое смешение племен, — и от народа матери мне досталась душа морехода. Потому меня и отправили в числе прочих. Ибо нам было велено разыскать Кирдана и просить его, чтобы он помог нам построить корабли: Тургон надеялся, что его послания и мольбы о помощи достигнут Западных Владык прежде, чем все погибнет. Но я задержался в пути. Мало земель видел я до тех пор — а мы пришли в Нан-татрин весной. Очарование того края неизъяснимо, Туор, — ты поймешь это, если тебе самому когда-нибудь придется идти на юг вдоль Сириона. Он исцелит от тоски по морю любого, кроме тех, кого влечет сама Судьба. Улмо там — лишь слуга Йаванны, и красота той земли даже не снилась жителям суровых северных гор. В тех краях Сирион вбирает в себя воды Нарога и не спешит более, но струится тихо и радостно по пышным лугам, а по берегам реки, искрящейся на солнце, высится стройный лес цветущих ирисов. В траве рассыпаны цветы — как самоцветы, как прозрачные ко-

локольцы, как алые и золотые огоньки, как мириады многоцветных звезд на зеленом небосводе. Но прекраснее всего ивы Нан-татрина. Их бледно-зеленые кроны серебрятся на ветру, а в шелесте бесчисленных листьев звучит чарующая музыка: дни и ночи напролет стоял я по колено в траве, и слушал, и не мог наслушаться. И чары той земли пали на меня, и забыл я Море в сердце своем. Я бродил по лугам, давая имена незнакомым цветам, или лежал и дремал под пение птиц и гудение пчел. Жил бы я там и поныне, забыв о моих сородичах — и о мечях нолдор, и о кораблях теле-ри, — но судьба моя решила иначе. Или, быть может, сам Владыка Вод — велика его власть в том краю.

И вот однажды пришло мне на ум построить плот из ивовых сучьев, чтобы плавать по светлому лону Сириона. И я сделал этот плот, и так решилась моя судьба. Ибо случилось как-то раз, что я выплыл на середину реки, и вдруг налетел шквал. Он подхватил плот и унес меня из Края Ив вниз по реке, к Морю. И так, последним из посланцев, прибыл я к Кирдану. Из семи кораблей, что строил он для Тургона, шесть были уже готовы. Один за другим уплывали они на Запад, и ни один до сих пор не вернулся, и никаких вестей о них не слышно.

Но соленый морской ветер вновь пробудил во мне дух народа моей матери, и радовался я волнам и постигал науку мореплавания так легко, словно знал ее всю жизнь. И когда последний — самый большой из всех — корабль был закончен, я рвался в море и думал так: «Если правду говорят нолдор, на Западе есть луга, с которыми не сравниться и Краю Ив. В Западных землях нет увядания, и Весна бесконечна. Вдруг и мне, Воронвэ, посчастливится достичь тех земель? Как бы то ни было, лучше блуждать в морских про-

сторях, чем во Тьме с Севера». Гибели я не боялся — ведь корабли телери не тонут.

Но Великое море ужасно, о Туор сын Хуора; и оно ненавидит нолдор, ибо повинуется Приговору Валар. В нем таятся опасности пострашнее гибели в бездне: тоска, одиночество и безумие; ужасные бури — и безмолвие; и мрак, где гибнет всякая надежда, где нет ничего живого. Много берегов, диких и неприютных, омывает оно; много в нем островов, полных страхов и опасностей. Не стану омрачать твою душу, о сын Средиземья, повестью о семи годах скитаний — семь долгих лет носило меня по Великому морю, от крайнего Севера до крайнего Юга; но Запада мы не достигли, ибо Запад закрыт для нас.

Наконец нас охватило черное отчаяние. Мы устали от всего мира и повернули к дому, решив бежать от судьбы, что так долго щадила нас — лишь затем, чтобы больнее поразить потом. Мы уже завидели гору, и я радостно вскричал: «Смотрите, Тарас! Моя родина!» Но в этот миг пробудился ветер и примчал с Запада тучи, отягченные бурей. Волны гнались за нами, как живые твари, исполненные злобы, и молнии хлестали корабль; он превратился в беспомощную скорлупку, и море яростно набросилось на нас. Но меня, как видишь, пощадило: почудилось мне, что волна, мощнее, но спокойнее остальных, подняла меня с корабля, и высоко вознесла на гребне своем, и накатив на берег, выбросила на утес и отхлынула, обрушившись в море огромным водопадом. До твоего прихода я провел там не больше часа, и у меня все еще кружилась голова, когда я услышал твой голос. У меня и поныне стынет кровь при мысли о море. Оно поглотило всех моих друзей — а мы столько лет вместе скитались вдали от смертных земель...

Воронвэ вздохнул и тихо продолжал, словно говоря сам с собой:

— Но как же сияли нам звезды там, на краю мира, когда ветер ненадолго отдергивал завесу облаков на западе! И вдали виделись нам белые тени — но были ли то дальние облака, или и впрямь довелось нам узреть вершины Пелори над утерянными берегами дома эльдар, как думали иные из нас, я не знаю. Далеко они, очень далеко, и кажется мне, что никому из смертных земель не суждено более достичь их.

Тут Воронвэ умолк. Наступила ночь, и звезды сияли холодным блеском.

Вскоре Туор с Воронвэ снова встали и отправились в путь, оставив море позади. О начале их путешествия рассказать почти нечего, ибо шли они по ночам, от заката до восхода, и тень Ульмо скрывала их, так что никто не мог увидеть их среди лесов, лугов, болот и скал. Шли они осторожно, опасаясь видящих в ночи соглядатаев Моргота и чуждаясь хоженных путей эльфов и людей. Воронвэ вел, а Туор следовал за ним. Он не задавал лишних вопросов, но примечал, что идут они прямо на восток вдоль подножий гор и на юг не сворачивают. Туор дивился этому, ибо, как и большинство эльфов и людей, думал, что Тургон живет где-то вдали от северных войн.

Медленным был их путь в сумерках и по ночам, в бездорожной глуши, а из владений Моргота нагрянула жестокая зима. С севера задули пронзительные ледяные ветра, от которых не защищали даже горы, и скоро снег засыпал вершины, замел перевалы и завалил леса Нуат еще до того,

как облетела листва с деревьев. Они тронулись в путь в первой половине нарквелиэ, но не успели достичь Истоков Нарога, как уже наступил хисимэ с жестокими морозами.

Брезжил тусклый рассвет, когда путники после тяжелого ночного перехода наконец увидели перед собой долину, откуда выбегал Нарог — и Воронвэ застыл, пораженный горем и ужасом, не веря своим глазам: там, где некогда в огромной каменной чаше, выточенной струями вод, блистало меж крутых лесистых берегов прекрасное озеро Иврин, ныне все было испоганено и разорено: деревья повалены и сожжены, каменные берега разбиты, воды озера растеклись и стояли безжизненным болотом. На месте Иврина теперь была лишь грязная замерзшая лужа, и над землей, точно липкий туман, висел смрад разложения.

— О горе! — вскричал Воронвэ. — Неужели и сюда пробралось зло? Нкогда это место было недосыгаемо для Ангбанда — но лапы Моргота тянутся все дальше.

— Это то, о чем говорил Улмо, — сказал Туор. — «Источники отравлены, и сила моя уходит из вод этого края».

— Здесь побывала какая-то тварь пострашнее орков, — заметил Воронвэ. — Страх тяготеет над этим местом.

Он вгляделся в землю у края лужи и воскликнул:

— Да, великое зло!

Он подозвал к себе Туора и указал на следы: глубокую борозду, уходящую на юг, и по краям ее, местами расплывшиеся, местами скованные морозом, отпечатки огромных когтистых лап.

— Видишь? — Лицо эльфа побледнело от страха и отвращения. — Здесь недавно побывал Великий Змий Ангбанда, самая ужасная из всех тварей Врага! Мы уже опоздали с нашим посланием к Тургону. Надо спешить.

Едва он произнес это, как в лесу слышались чьи-то крики, и спутники застыли, точно серые камни, прислушиваясь. Но в голосе не было зла, только горе звенело в нем, — казалось, он повторял одно и то же имя, словно звал заблудившегося друга. Вскоре меж деревьев появился высокий человек в доспехе и черных одеждах, с длинным обнаженным мечом в руке; и меч тот показался им большим дивом, ибо он тоже был черным — лишь края клинка сияли холодным блеском. Лицо того человека было искажено отчаянием, и увидев разоренный Иврин, он горестно вскричал:

— Иврин, Фаэливрин! Гвиндор и Белег! Некогда исцелили меня эти воды — но отныне не вкусить мне покоя.

И поспешно зашагал на север, словно очень спешил или гнался за кем-то. Долго еще слышали два товарища, как он зывал: «Фаэливрин, Финдуилас!», — пока его голос не затих вдали. Они не знали, что Нарготронд пал, и что человек этот — Турин сын Хурина, Черный Меч. Так, всего один раз, и то лишь на миг, сошлись пути двух родичей, Турина и Туора.

Когда Черный Меч скрылся в лесу, Туор с Воронвэ пошли дальше, хотя день уже наступил: горе незнакомца омрачило их души, и они не могли оставаться рядом с оскверненным Иврином. Но вскоре они все же отыскиали себе укрытие — опасность теперь чувствовалась повсюду. Сон их был кратким и беспокойным. К полудню сгустились тучи и повалил снег, а к ночи ударил трескучий мороз. Снег и лед больше не таяли, и на целых пять месяцев Север сковала Жестокая зима, которую потом долго вспоминали. Теперь Туор с Воронвэ страдали от холода и все время боялись быть найденными по следам или провалиться в какую-нибудь

ловушку, скрытую под снегом. Они шли еще девять дней, все медленнее и медленнее, потому что идти становилось все трудней. Воронвэ немного забрал к северу. Они перешли три истока Тейглина и снова повернули прямо на восток, оставив горы позади. Скрываясь, перешли они Глитуи и вышли к Малдуину, и увидели, что он покрыт черным льдом.

И Туор сказал Воронвэ:

— Страшен этот мороз; не знаю как ты, а я близок к смерти.

Положение их было ужасным: им давно не попадалось ничего съестного, а дорожные хлебцы были на исходе; и оба они промерзли и устали.

— Горе тому, кого преследует и Приговор Валар, и злоба Врага, — промолвил Воронвэ. — Неужели я избежал пасти моря лишь затем, чтобы замерзнуть в снегу?

— Далеко еще? — спросил Туор. — Довольно таиться, Воронвэ, — скажи, прямо ли ты ведешь меня и куда мы идем? Если я должен истратить последние силы, мне нужно знать, не напрасно ли я мучаюсь.

— Я вел тебя настолько прямо, насколько позволяла безопасность, — ответил Воронвэ. — Знай, что Тургон живет на севере земель эльдар, хотя немногие верят в это. Мы уже близки к цели. Но впереди лежит много лиг, даже по прямой, а нам еще надо перебраться через Сирион, и перед ним нас может подстергать большая опасность. Мы скоро выйдем к дороге, что некогда соединяла Минас короля Финрода и Нарготронд. Слуги Врага ходят по ней и стерегут ее.

— Я считал себя выносливейшим из людей, — сказал Туор, — и не одну зиму провел я в горах; но тогда у меня были пещера и костер, а в такой мороз, да еще голодным,

мне, боюсь, далеко не уйти. Но все же надо идти, пока есть надежда.

— У нас нет другого выбора, — сказал Воронвэ, — разве что лечь в снег и уснуть вечным сном.

И они весь день брели вперед, уже не прячась — мороз был страшнее врагов. Но постепенно снега становилось все меньше, потому что они снова шли на юг по долине Сириона, и горы Дор-ломина остались далеко позади. Уже в сумерках они вышли на высокий лесистый склон, у подножия которого проходила Большая дорога. Внезапно они услышали голоса и, осторожно выглянув из-за деревьев, увидели внизу огонь. Посреди дороги, сгрудившись у большого костра, сидел отряд орков.

— *Гурт ан гламхот!* [«Смерть оркам!»] — проворчал Туор. — Вот теперь я сброшу плащ и возьмусь за меч. Я готов рискнуть жизнью ради того, чтобы погреться у костра, и даже орочи припасы будут хорошей добычей.

— Нет! — отрезал Воронвэ. — В этом походе тебе поможет только плащ. Выбирай — либо костер, либо Тургон. Этот отряд здесь не один: у вас, смертных, очень плохие глаза, раз ты не видишь других костров на севере и на юге. Ты поднимешь шум, и сюда нагрянет целое войско. Слушай меня, Туор! Закон Сокрытого королевства запрещает приводить за собой к воротам погоню, и этот закон я не нарушу ни по велению Ульмо, ни ради спасения жизни. Если ты поднимешь этих орков, я брошу тебя.

— Тогда ну их, — сказал Туор. — Но хотел бы я дожить до того дня, когда мне не придется красться мимо кучки орков, поджав хвост.

— Тогда идем! — сказал Воронвэ. — Хватит спорить, а то они нас учуют. Пошли!

Они стали пробираться меж деревьев на юг, держась подветренной стороны, пока не оказались посередине между двух орочьих костров. Там Воронвэ остановился и застыл, прислушиваясь.

— На дороге никого не слышно, — сказал он, — но неизвестно, что может таиться здесь в темноте.

Он всмотрелся во тьму и зябко передернул плечами.

— Воздух пропитан злом, — прошептал он. — Увы! Вон там лежит цель нашего пути и надежда на жизнь, но дорогу преграждает смерть.

— Смерть повсюду, — ответил Туор. — Но у меня остались силы только на кратчайший путь. Либо я пройду здесь, либо погибну. Я доверюсь плащу Ульмо — его хватит на двоих. Теперь поведу я!

Сказав так, он подкрался к обочине дороги, и Воронвэ за ним. Туор крепко обнял Воронвэ, закутал его и себя серым плащом Владыки Вод и шагнул вперед.

Стояла тишина. Над древней дорогой свистел холодный ветер. Внезапно стих и он. В тишине Туору показалось, что ветер переменялся, словно дыхание края Моргота отступило, и с Запада прилетел ветерок, слабый, как память о Море. Словно клоч серого тумана на ветру, перелетели они мощеную дорогу и нырнули в кусты на восточной обочине.

Тотчас же поблизости раздался дикий вопль, и вдоль дороги ему отозвались другие. Хрипло взвыл рог, и послышался топот. Но Туора это не остановило. В плену он достаточно хорошо выучил язык орков, чтобы понимать, что они кричат: часовые учуяли и услышали их, но пока не увидели. Охота началась. Они с Воронвэ из последних сил

взобрались на длинный склон, густо заросший утесником и черникой попеременно с рябинами и низкорослыми березками. Наверху они остановились, прислушиваясь к крикам орков, с треском продаивавшихся через кусты где-то внизу.

Неподалеку среди зарослей вереска и ежевики торчал большой валун, и под ним было что-то вроде норы — как раз такой, в какую мог бы забиться измученный зверь в надежде спрятаться от погони или хотя бы подороже продать свою жизнь. Туор затащил Воронвэ в эту темную щель, и они легли бок о бок, укрывшись плащом и задыхаясь, как загнанные лисы. Они молчали; оба обратились в слух.

Крики преследователей становились все тише. Орки редко забредали в пустынные земли, что лежали к западу и к востоку от дороги; они больше стерегли саму дорогу. Случайные беглецы мало заботили их — они боялись шпионов и вражеских разведчиков. Моргот поставил стражу на дороге не затем, чтобы поймать Туора и Воронвэ (о них он пока что ничего не знал), и не затем, чтобы перекрыть путь идущим с запада. Орки должны были следить, чтобы Черный Меч не ускользнул и не отправился вслед за пленниками из Нарготронда, приведя, быть может, помощь из Дориата.

Ночь тянулась, и над пустынными землями снова нависло тяжелое молчание. Туор, смертельно уставший, уснул, закутавшись в плащ Ульмо; но Воронвэ выполз наружу и стоял молча и неподвижно, как серый камень, вглядываясь во тьму зоркими глазами эльфа. На рассвете он разбудил Туора, и тот, выбравшись из норы, увидел, что погода в самом деле стала мягче и черные тучи разошлись. Загоралась алая заря, и далеко впереди, на фоне огненного востока, Туор увидел вершины незнакомых гор.

— *Алаэ! Эред эн Эхориат, эред э'мбар нин!* [«Окружные горы, горы моего дома!»] — тихо проговорил Воронвэ. Ибо он знал, что видит Окружные горы, стены королевства Тургона. Внизу, к востоку, в глубокой сумрачной долине протекал Сирион прекрасный, воспетый в песнях; а за рекой к подножиям гор поднималась серая равнина, одетая туманом.

— Вон Димбар, — сказал Воронвэ. — Ах, если бы мы были уже там! Враги редко осмеливаются забредать туда. По крайней мере, так было, пока власть Ульмо струилась в водах Сириона. Но, быть может, теперь все изменилось — все, кроме реки: она по-прежнему таит в себе угрозу. Сирион в этих местах быстр и глубок, и даже эльдар опасно переправляться через него. Но я вывел тебя туда, куда надо: вон серебрится брод Бритиах, вон там, немного южнее, где Восточный тракт, что некогда вел сюда от Тараса, пересекал реку. Теперь по нему никто не ходит, ни эльфы, ни люди, ни орки — разве что в крайности: эта дорога ведет в Дунгортеб и земли ужаса меж Горгоротом и Завесой Мелиан, и давным-давно заросла или превратилась в узкую тропку среди бурьяна и колючек.

Туор посмотрел в ту сторону, куда указывал Воронвэ, и увидел вдали блеск незамерзшей воды, озаренной косыми лучами утреннего солнца; но за ней, на юге, там, где Бретильский лес взбирался на отдаленное нагорье, клубилась тьма. Они осторожно спустились в долину и вышли на древнюю дорогу, шедшую от перекрестка на опушке Бретиля, где она пересекалась с нарготрондским большаком. Туор увидел, что они приближаются к Сириону. Берега здесь были невысокими, и река, запруженная множеством камней, разбивалась на десятки мелких протоков и рукавов и громко

журчала меж валунами. Немного ниже протоки снова соединялись в едином русле, река текла дальше к лесу и исчезала в густом тумане, непроницаемом для глаз: там находилась северная граница Дориата, сокрытая Завесой Мелиан, но Туор этого не знал.

Туор бросился было к броду, но Воронвэ остановил его.

— Мы не можем перейти Бритиах среди бела дня, — сказал он, — или пока есть опасность, что нас преследуют.

— Значит, так и будем сидеть тут, пока не сгнием? — рассердился Туор. — Опасность будет всегда, пока стоит королевство Моргота. Идем! Переправимся под сенью плаща Ульмо.

Воронвэ все еще медлил, обернувшись на запад; но дорога позади них была пуста, и все было тихо; слышался лишь шум воды. Он поднял глаза к небу — пустынному и серому, без единой птицы. Внезапно лицо Воронвэ просияло и он вскричал:

— Отлично! Враги Врага все еще стерегут Бритиах. Орки сюда за нами не последуют; накроемся плащом, и можно идти.

— Кого ты там еще углядел? — спросил Туор.

— Плохо же видят смертные люди! — ответил Воронвэ. — Я вижу орлов с Криссаэгрима, и они летят сюда. Вон, смотри!

Туор взгляделся и вскоре различил в вышине трех могучих птиц, летящих с дальних гор, что снова окутались облаками. Они медленно снижались, кружа в небе, и внезапно ринулись на путников; но прежде, чем Воронвэ успел окликнуть их, они с шумом взмыли и улетели на север вдоль реки.

— Теперь идем, — сказал Воронвэ. — Если здесь и есть орки, они будут лежать, уткнувшись носом в землю, пока орлы не улетят подальше.

Они сбежали вниз к реке и перешли Бритиах, частью по камням и галечным отмелям, частью по мелководью, по колено в воде. Вода была чистая и очень холодная, и мелкие заводи, где вода заблудилась и потеряла дорогу среди камней, затянулись льдом, — но никогда, даже в Жестокую зиму в год гибели Нарготронда, смертоносное дыхание Севера не могло сковать главное течение Сириона.

На той стороне брода они нашли ущелье, похожее на русло иссякшего потока: теперь оно было сухим, но некогда, похоже, бурная река, бежавшая с севера, с гор Эхориат, выточила его в скале, принесла в Сирион множество камней, которые и образовали брод Бритиах.

— Наконец-то мы добрались до него, паче чаяния! — воскликнул Воронвэ. — Гляди! Вот устье Пересохшей реки. Это и есть наша дорога.

Они вошли в ущелье. Оно свернуло на север, и стены его вздымались все выше и выше, так что в нем стало темно и Туор начал спотыкаться о камни, которыми было усыпано сухое русло.

— Если это и дорога, — сказал он, — она не для усталых ног.

— Но это и есть дорога к Тургону, — сказал Воронвэ.

— Тогда это совсем странно, — заметил Туор. — Почему же ее не стерегут? Я думал, тут огромные ворота и целое войско стражи.

— Подожди, увидишь еще и ворота, и стражу, — ответил Воронвэ. — Это только подступы. Я назвал это уще-

лье дорогой; но по ней лет триста никто не проходил, кроме нескольких тайных посланцев; а после того как Сокрытый народ прошел по ней, нолдор пустили в ход все свое искусство, чтобы скрыть ее от посторонних глаз. Ты думаешь, она на виду? А нашел бы ты ее, если бы тебя не вел один из Сокрытого королевства? Уж наверное, ты решил бы, что она создана лишь ветрами и водами. А разве не видел ты орлов? Это народ Торондора, что некогда жил на самом Тангородрине, пока Моргот не был столь могуч, а со времен гибели Финголфина живет в горах Тургона. Только им, кроме нолдор, известно Сокрытое королевство, и они несут стражу в небесах над ним, хотя до сих пор никто из слуг Врага не осмеливался летать по небу. Орлы сообщают королю обо всех, кто бродит вокруг. Будь мы орками, нас бы давно схватили и швырнули с высоты на безжалостные скалы.

— Не сомневаюсь, — сказал Туор. — Но мне тут подумалось, как бы вести о нашем приходе не достигли Тургона раньше нас самих. А хорошо это или плохо, тебе лучше знать.

— Ни хорошо, ни плохо, — ответил Воронвэ. — В Хранимые врата нам все равно не войти незамеченными, будут нас ждать или нет; а там Стражники и сами увидят, что мы не орки. Но этого мало, чтобы пройти к Тургону. Ты, Туор, даже представить себе не можешь, какая опасность нас ожидает. Не прогневайся, если что, — я тебя предупреждал. Здесь тебе в самом деле понадобится помощь Владыки Вод. Я согласился вести тебя лишь потому, что надеялся на нее; а если Владыка не поможет, мы погибнем скорее, чем в глуши от голода и холода.

Но Туор ответил:

— Довольно гадать. В глуши нас ждала верная смерть, а в смерти у Врат я все-таки сомневаюсь, что бы ты ни говорил. Веди меня дальше!

Много миль прошли они по этому изнурительному пути, пока не выбились из сил. Наступил вечер, и в глубоком ущелье сгустилась тьма. Они выбрались на восточный берег и увидели перед собой лабиринт холмов, уходивших к подножию гор. Вглядевшись, Туор увидел, что горы эти не похожи ни на одни другие: их склоны, подобные отвесным стенам, вздымались уступами, как этажи гигантских неприступных башен. А день тем временем угас; все вокруг окуталось серой мглой, и долина Сириона скрылась во мраке. Воронвэ нашел небольшую пещерку на склоне холма, обращенном к пустынному Димбару. Путники залезли внутрь и затаились. Они доели последние крошки еды. Им было холодно, и они не спали, несмотря на усталость. Так Туор и Воронвэ вечером восемнадцатого дня хисимэ, на тридцать седьмой день своего путешествия, достигли подножия твердынь Эхориата, преддверия королевства Тургона, спасшись с помощью Ульмо и от Рока, и от козней Врага.

Когда первые проблески дня пробились сквозь туманы Димбара, путники снова спустились в Пересохшую реку, которая вскоре свернула на восток, приведя их к самым горам. Прямо над ними нависал огромный обрыв, отвесно вздымавшийся над крутыми берегами, оплетенными густыми зарослями терновника. Каменистое русло уходило в заросли. Там все еще было темно как ночью, и идти пришлось очень медленно, потому что склоны тоже обросли терновником; сплетенные ветви укрыли проход плотной крышей,

и иногда Туору с Воронвэ приходилось пробираться ползком, словно зверям, крадущимся в свою берлогу.

Но в конце концов, продравшись к подножию обрыва, они увидели отверстие, похожее на тоннель, выточенный в скале водами, рожденными в сердце гор. Они вошли туда. Там было совершенно темно, но Воронвэ уверенно шел вперед, и Туор следовал за ним, касаясь рукой его плеча и слегка пригнувшись — потолок был низкий. Так они пробирались вслепую, шаг за шагом, как вдруг почувствовали, что земля под ногами стала ровной и камни исчезли. Тогда они остановились, перевели дух и прислушались. Воздух был чистым и свежим, и они чувствовали, что находятся в большой пещере. Но все было тихо, не слышалось даже звона капель. Туору показалось, что Воронвэ колеблется, и он прошептал:

— Где же Хранимые врата? Мы что, уже прошли их?

— Нет, — ответил Воронвэ. — Но я не могу понять, в чем дело, — странно, что чужаков пропустили так далеко и ни разу не окликнули. Я боюсь внезапного удара во тьме.

Шепот их разбудил спящее эхо, и отзвуки умножились и разбежались под сводами и меж невидимых стен, словно десятки шепчущих голосов. И еще до того, как замерло эхо, Туор услышал в темноте голос, говорящий по-эльфийски: сперва на Высоком наречии нолдор, которого Туор не знал, а потом на языке Белерианда, но с непривычным выговором — так говорят те, кто много лет провел в разлуке со своими сородичами.

— Стоять! — приказал голос. — Не двигаться! Не то умрете на месте, враги вы или друзья.

— Мы друзья, — ответил Воронвэ.

— Тогда делайте, что велено.

Эхо их речей гулко разнеслось в тишине. Воронвэ и Туор замерли на месте; Туору казалось, что прошло очень много времени, и его сердце исполнилось такого страха, какого не вселяла в него еще ни одна опасность, встречаемая в пути. Потом послышались шаги, отозвавшиеся в пещере тяжким топотом троллей. Внезапно кто-то достал эльфийский светильник и направил свет на Воронвэ, стоявшего впереди. Туор не видел ничего, кроме ослепительной звезды во мраке. Он чувствовал, что, пока луч направлен на него, он не в силах ни убежать, ни броситься вперед.

Несколько мгновений их продержали так в луче фонаря, а потом тот же голос велел:

— Покажите лица!

И Воронвэ откинул капюшон, и луч осветил его черты, суровые и четкие, будто выточенные из камня; Туор словно впервые увидел, как он красив. Воронвэ гордо произнес:

— Разве вы не видите, кто перед вами? Я Воронвэ сын Аранвэ из дома Финголфина. Уж не забыт ли я у себя дома за несколько лет? Я блуждал в краях, неведомых Средиземью, и все же помню твой голос, Элеммакиль.

— Тогда Воронвэ должен помнить и законы своей страны, — ответили из тьмы. — Он ушел по велению государя и имеет право вернуться. Но за то, что он привел сюда чужеземца, он лишается этого права и подлежит королевскому суду, куда он должен быть отведен под стражей. Что касается чужеземца, он будет убит или взят в плен, по усмотрению Стражи. Пусть он выйдет вперед, чтобы я мог решить.

Воронвэ вывел Туора на свет, и когда они приблизились, из тьмы выступили множество нолдор в доспехах и при

оружии, с мечами наголо. Они окружили пришельцев. Элеммакиль, начальник Стражи (это он держал светильник), долго и пристально разглядывал их.

— Что с тобой, Воронвэ? — сказал он наконец. — Мы ведь старые друзья, и вот, ты ставишь меня перед тяжким выбором между законом и нашей дружбой. Если бы ты без дозволения привел сюда одного из нолдор иных домов, это уже было бы тяжким проступком. Но ты показал заветный Путь человеку, смертному, — ибо по его глазам я вижу, кто он. Его же никогда не выпустят отсюда, раз он знает нашу тайну, — я должен убить его как чужака, даже если он твой друг и дорог тебе.

— Там, во внешних землях, случается многое, Элеммакиль, и на любого может быть возложен нежданный труд, — ответил Воронвэ. — Странник возвращается не таким, как уходил. Содеянное мною сделал я по велению того, кто выше устава Стражи. Один лишь король вправе судить меня и того, кто пришел со мной.

Тогда заговорил Туор, забыв о страхе:

— Я пришел сюда с Воронвэ сыном Аранвэ, ибо он был назначен мне в провожатые Владыкой Вод. Ради этого был он спасен от ярости Моря и Приговора Валар. Ибо я пришел с посланием от Улмо к сыну Финголфина, и ему я поведаю его.

Элеммакиль взглянул на Туора с изумлением.

— Кто же ты? — спросил он. — И откуда ты?

— Я Туор сын Хуора из дома Хадора, и родич Хурина. И, как мне говорили, эти имена небезызвестны жителям Сокрытого королевства. Из Невраста через множество опасностей пришел я сюда.

— Из Невраста? — переспросил Элеммакиль. — А говорят, там никто не живет с тех пор, как наш народ ушел оттуда.

— Верно говорят, — ответил Туор. — Пусты и холодны чертоги Виньямара. Но я пришел оттуда. Отведите же меня к строителю этого дворца.

— О делах столь важных судить не мне, — сказал Элеммакиль. — Я выведу вас на свет, где виднее, и передам Хранителю Великих врат.

Он отдал приказ, и Туора с Воронвэ окружили высокие стражники, двое впереди и трое позади; и их начальник вывел их из пещеры Внешней стражи. Они оказались в прямом проходе с ровным полом и шли по нему, пока впереди не показался слабый свет. Наконец они вышли к широкой арке, высеченной в скале и опиравшейся на высокие столбы. Арку преграждали подъемные ворота из перекрещенных деревянных брусьев, украшенных дивной резьбой и усаженных железными гвоздями.

Элеммакиль коснулся ворот, они бесшумно поднялись, и все вошли. Туор увидел, что они стоят на дне такой глубокой расселины, какую он даже представить себе не мог, хотя и немало странствовал в диких северных горах: по сравнению с Орфалх Эхором Кирит Нинних была всего лишь крохотной трещинкой в скале. Руками самих Валар были расколоты эти горы, в бурях древних войн в начале времен; стены расселины были так круты, словно прорублены секирой, и вздымались на немыслимую высоту. Далеко вверху виднелась узкая полоска неба, и на темно-синем фоне вырисовывались черные пики и клыкастые скалы, далекие, но острые, безжалостные, как копья. Могучие сте-

ны были так высоки, что зимнее солнце не заглядывало туда, и хотя уже наступило утро, над горами слабо мерцали звезды, а здесь, внизу, было темно, и дорогу, идущую вверх, освещал лишь неяркий свет фонарей. Дно расселины круто взмывало вверх, к востоку, и слева от речного русла Туор увидел широкую дорогу, вымощенную камнем, которая уходила наверх, скрываясь в темноте.

— Вы прошли Первые врата, Деревянные, — сказал Элеммакиль. — Нам туда. Надо спешить.

Туору не было видно, далеко ли ведет дорога. Он вгляделся во мрак, и бесконечная усталость охватила его. Над камнями свистел ледяной ветер, и Туор плотнее запахнул плащ.

— Холоден ветер Сокрытого королевства! — промолвил он.

— Воистину так, — сказал Воронвэ, — и чужестранцу может показаться, что гордыня сделала слуг Тургона бессердечными. Многие лиги разделяют Семь врат, и тяжки они для голодных и уставших в пути.

— Не будь наши законы столь суровы, — ответил Элеммакиль, — коварство и ненависть давно проникли бы сюда и погубили нас. И это тебе хорошо известно. Но мы не бессердечны. Здесь еды нет, а вернуться назад за ворота, которые он уже миновал, чужестранец не может. Потерпите немного, у Вторых врат вы сможете поесть и отдохнуть.

— Хорошо, — ответил Туор и пошел дальше, как ему было приказано. Обернувшись назад, он увидел, что за ним следуют лишь Элеммакиль и Воронвэ.

— Здесь стража не нужна, — объяснил Элеммакиль, догадавшись, о чем он подумал. — Из Орфалха ни сбежать, ни вернуться ни эльфу, ни человеку.

Они поднимались наверх, иногда по длинным лестницам, иногда по извилистой дороге, и тень отвесных стен угрожающе нависала над ними. Наконец в полулиге от Деревянных врат Туор увидел перед собой высокую стену, преграждавшую путь. На ней возвышались две могучих каменных башни. Дорога вела к высокой арке в стене, но казалось, что арка заделана одним огромным камнем. Путники приблизились, и черная отшлифованная поверхность камня заблестела в лучах белого светильника, висевшего над аркой.

— Вот Вторые врата, Каменные, — сказал Элеммакиль и, подойдя к вратам, легонько толкнул их. Камень повернулся на невидимой оси и стал ребром, и по обе его стороны открылся проход; они вошли и оказались во дворе, где стояло множество вооруженных стражников, одетых в серое. Никто не признал ни слова. Элеммакиль отвел своих пленников в комнату в северной башне; там им принесли хлеба и вина и позволили передохнуть.

— Это немного, — сказал Элеммакиль Туору. — Но если твои слова подтвердятся, тебя щедро вознаградят за нынешние лишения.

— Этого довольно, — ответил Туор. — Слаб духом тот, кто нуждается в большем.

И в самом деле, хлеб и вино нолдор так подкрепили его, что вскоре он уже снова торопился в путь.

Немного погодя они вышли к новой стене, которая была еще выше и мощнее первой, и к Третьим вратам, Бронзовым — то были высокие двустворчатые двери, увешанные бронзовыми щитами и пластинами и изукрашенные причудливыми рисунками и знаками. Стену венчали три квадратные башни с медными крышами и стенами, и медь эта благодаря какому-то секрету кузнечного мастерства оста-

валась всегда блестящей и горела огнем в лучах красных светильников, что, как факелы, стояли вдоль стены. Они опять вошли в ворота без единого слова и увидели еще больший отряд стражи, в доспехах, что мерцали, как рдеющие уголья; а лезвия секир были красными. Большинство стражей при этих воротах были из синдар Невраста.

Теперь дорога стала труднее, ибо в середине Орфалха подъем был круче всего. Поднимаясь вверх, Туор увидел над собой самую мощную из стен. То наконец взошли они к Четвертым вратам, Вратам Витого Железа. Высока и черна была та стена, и ламп над ней не было. Четыре железные башни возвышались над ней, а в центре меж башен стояла железная статуя огромного орла. То был сам король Торондор, словно спустившийся из-под облаков на горный пик. Туор взглянул на ворота и не поверил своим глазам: ему показалось, что он смотрит на поляну, озаренную бледным сиянием Луны, сквозь ветви и стволы неувядающих деревьев. Ибо сквозь кованые ворота сочился свет, а сами ворота были подобны множеству стволов с извивающимися корнями и сплетенными ветвями, покрытыми листвой и цветами. Проходя сквозь ворота, он увидел, как это устроено: в толще стены были тройные решетки, каждая из которых составляла часть рисунка; а свет, что проникал сквозь них, был светом дня.

Ибо они поднялись ныне намного выше подножия гор, где начался их путь, и за Железными вратами дорога была совсем пологой. Они уже миновали вершину и сердце Эхориата, башни гор стали ниже, ущелье расширилось, и стены его были не столь крутыми. Белый снег лежал на них, отражая и рассеивая свет, падавший с неба, и казалось, что ущелье затянато мерцающей лунной дымкой.

Они прошли сквозь ряды Железной стражи, стоявшие за воротами; черными были плащи, доспехи и длинные щиты этих воинов, и лица их были скрыты забралами с орлиными клювами. Элеммакиль шел впереди, и Туор с Воронвэ следовали за ним сквозь легкий туман. Туор увидел, что вдоль дороги тянется полоска зеленой травы, а в ней, как звезды, мерцают белые цветки *уилоса*, незабвенники, что не знают ни зимы, ни лета и цветут, не увядая; и так, дивясь и радуясь, вышел он к Серебряным вратам.

Стена Пятых врат, невысокая, но широкая, была выстроена из белого мрамора, а поверху шла серебряная решетка, соединявшая пять огромных мраморных шаров; и на стене стояло множество лучников, одетых в белое. Ворота были выкованы из серебра, украшены жемчугом из Невраста и имели форму трех четвертей круга, наподобие Луны; а над ними, на среднем шаре, стояло изображение Белого Древа, Тельперiona, из серебра и малахита, а цветы его были сделаны из крупных баларских жемчужин. А за воротами, на широком дворе, вымощенном зеленым и белым мрамором, стояли лучники в серебряных доспехах и шлемах с белыми султанами, по сто воинов с каждой стороны. Элеммакиль провел Туора с Воронвэ сквозь безмолвные ряды лучников, и пришельцы вступили на длинную белую дорогу, прямую, как стрела, бегавшую к Шестым вратам; и чем дальше, тем шире становилась полоса травы вдоль дороги, а среди белых звездочек *уилоса* раскрывались золотые очи крохотных желтых цветков.

Так пришли они к Золотым вратам, последним из тех, что выстроил Тургон до Нирнаэт; они были очень похожи на Серебряные, но стена была из желтого мрамора, а шары и ограда — из червонного золота; шесть шаров стояло на стене, а посередине, на золотой пирамиде, возвышалось изображение

Лаурелин, Солнечного Древа, с топазовыми цветами, собранными в кисти, висевшие на золотых цепочках. А сами ворота были украшены золотыми дисками со множеством лучей, подобными Солнцу, и диски окружал причудливый узор из топазов, гранатов и желтых бриллиантов. Во дворе за воротами стояли три сотни лучников с длинными луками. Доспехи их были вызолочены, и золотые перья вздымались над шлемами, а большие круглые щиты алели, как пламя.

За Шестыми вратами дорога озарялась солнцем, потому что стены ущелья по обе стороны были низкими и зелеными, лишь поверху лежал снег; Элеммакиль ускорил шаг, ибо они приближались к последним, Седьмым вратам, именуемым Великими, Стальным вратам, построенным Маэглином после возвращения с Нирнаэт и стоявшим у выхода из Орфалх Эхора.

Стены там не было; по обе руки стояли две высокие круглые башни со множеством окон. Башни вздымались семью ярусами и заканчивались стальными шпилями, блеск которых на солнце, а соединяла их мощная стальная изгородь, что не ржавела и сияла холодным блеском. Семь стальных столпов, высоких и мощных, как молодые деревья, держали ее, и каждый венчался наконечником, острым, как игла; столпы же соединялись семью стальными перекладинами, и в каждом промежутке стояло семижды семь стальных прутьев с широкими копейными наконечниками. А в центре, над средним, самым высоким столпом горело неисчислимыми алмазами огромное изображение шлема короля Тургона, Венца Сокрытого королевства.

Туор не видел никаких ворот и проходов в этой мощной стальной изгороди. Когда он подошел ближе, ему показалось, что за решеткой вспыхнул ослепительный свет, и он

зажмурился в страхе и изумлении. А Элеммакиль вышел вперед, и не толкнул ворота, но ударил по стальной перекладине, и изгородь зазвенела, подобно многострунной арфе, издавая чистые звуки, которые слагались в мелодию, переливавшуюся от башни к башне.

Из башен тотчас же появились всадники, и впереди всех выехал из северной башни всадник на белом коне; он спешился и зашагал навстречу пришельцам. Высок и благороден был Элеммакиль, но еще выше и величественнее казался Эктелион, Владыка Фонтанов, бывший тогда Хранителем Великих врат. Серебряные одежды облекали его, и на верху его сияющего шлема было стальное острие, увенчанное алмазом; и когда он передал оруженосцу свой щит, тот засверкал, словно усыпанный дождевыми каплями, — то были тысячи кристаллов хрусталя.

Элеммакиль приветствовал его и произнес:

— Вот, я привел сюда Воронвэ Аранвиона, вернувшегося с Балара; а это чужестранец, которому Воронвэ указал путь сюда, ибо тот просит дозволения видеть короля.

Эктелион обернулся к Туору, но тот закутался в свой плащ и молча смотрел в лицо Эктелиону; и Воронвэ показалось, что Туор оделся туманом и стал выше ростом, так что верх его остроконечного капюшона возвышался над шлемом эльфийского владыки, словно гребень серой волны, вздымающейся над берегом. Эктелион же взгляделся в Туора зоркими очами и, помолчав, сурово произнес*:

— Ты пришел к Последним вратам. Знай же, что ни один чужестранец, пройдя их, не выйдет отсюда, разве что дорогой смерти.

* Здесь тщательно написанная рукопись завершается, дальнейшее представляет собой черновик, нацарапанный на клочке бумаги.

— Не накликай беды! Если посланец Владыки Вод выйдет этой дорогой, все живущие здесь последуют за ним. Не преграждай пути посланцу Владыки Вод, о Владыка Фонтанов!

Воронвэ и все, стоявшие вокруг, вновь в изумлении воззрились на Туора, дивясь его словам и его голосу. И Воронвэ показалось, что он слышит другой голос, мощный, но вызывающий издалека. А самому Туору показалось, что он слышит свой собственный голос со стороны, словно кто-то другой вещает его устами.

Несколько минут Эктелион стоял молча, всматриваясь в Туора, и постепенно лицо эльфийского владыки исполнилось благоговения, словно в серой тени плаща Туора он узрел какие-то дальние видения. Потом он низко поклонился, подошел к изгороди и толкнул ее обеими руками, и по обе стороны от столпа с Венцом распахнулись створки ворот. И Туор вошел и, выйдя на зеленый луг, взглянул на раскинувшуюся внизу долину и увидел среди белых снегов Гондолин. И долго стоял он и смотрел, не в силах отвести глаз; ибо наконец узрел он свою мечту, являвшуюся ему во сне.

Так стоял он, не говоря ни слова. И молча стояли вокруг него гондолинские воины; были тут воины от каждого из воинств Семи врат, а их вожди и военачальники восседали на конях, белых и серых. В изумлении взирали они на Туора, и у них на глазах плащ его исчез, и он явился пред ними в могучих доспехах из Невраста. И немало там было таких, кто видел, как сам Тургон повесил это оружие на стену над высоким тронм Виньямара.

И тогда Эктелион, наконец, заговорил и сказал:

— Не нужно других доказательств; и даже имя сына Хуора не столь важно, как то, что сей воистину прислан самим Умо.

Здесь текст заканчивается, но дальше следуют наспех набросанные заметки, в общих чертах обрисовывающие отдельные элементы повествования, каким отец представлял его на тот момент. Туор спросил, как называется город; ему назвали его семь имен (см. «Сказание о падении Гондолина», стр. 57). Эктелион велел дать сигнал, и с башен Великих врат затрубили трубы; издалека, с городских стен, послышалось ответное пение труб.

Все верхом поскакали в город; далее должно было последовать его описание: Великие врата, деревья, площадь Фонтана и королевский дворец, — а затем предстояло рассказать о том, как Тургон встречает Туора. Маэглин должен был стоять по правую руку от трона, а Идриль — восседать по левую; и Туор произнес бы послание Ульмо. В отдельном примечании говорится, что предполагалось описать Гондолин, каким издали увидел его Туор и объяснить, почему в Гондолине не было королевы.

Эволюция легенды

Эти заметки (т.е. в конце рукописи «самого позднего Туора») не слишком важны в истории легенды «Падение Гондолина», но они по крайней мере показывают, что мой отец не забросил это произведение внезапно, по причине неожиданно возникших спешных дел, чтобы никогда уже к нему не возвращаться. Но о том, что подробно проработанное продолжение истории после слов Эктелиона к Туору у Седьмых врат Гондолина просто утрачено, не идет и речи.

Вот все, что у нас есть. Мой отец в самом деле оставил работу над этой основной и (можно было бы сказать) окончательной версией и трактовкой легенды на том самом моменте, когда Туор наконец-то «увидел среди белых снегов Гондолин». Из всего множества его неоконченных текстов об этом я, пожалуй, сожалею больше всего. Почему отец прервался здесь? Попробуем дать какой-никакой ответ.

Для моего отца этот период времени выдался чрезвычайно тяжелым, исполненным глубокой безысходности. Можно с уверенностью утверждать, что когда «Властелин Колец»

был наконец закончен, отец вернулся к легендам Древних Дней с новыми силами и энтузиазмом. Я процитирую здесь фрагменты весьма примечательного письма к сэру Стэнли Анвину, главе издательства «Аллен энд Анвин», от 24 февраля 1950 года; в нем отчетливо представлено, как на тот момент отцу виделись перспективы публикации.

В одном из ваших последних писем вы по-прежнему выражали желание взглянуть на рукопись моего предполагаемого произведения, «Властелина Колец», изначально задуманного как продолжение к «Хоббиту»? На протяжении вот уже восемнадцати месяцев я жил ожиданием дня, когда смогу объявить его завершенным. Но достиг я этой цели только после Рождества [1949]. Книга закончена, даже если и не до конца отредактирована, и пребывает, сдается мне, в том состоянии, когда рецензент вполне мог бы ее прочесть, если бы не увял при одном ее виде.

Поскольку перепечатка рукописи набело стоила бы в районе 100 фунтов (что мне не по карману), я был вынужден почти все перепечатывать сам. И теперь, когда я гляжу на результат, я осознаю всю грандиозность катастрофы. Мое детище вырвалось из-под контроля, я породил монстра: невероятно длинный, сложный, довольно горький и крайне пугающий роман, совершенно непригодный для детей (если вообще для кого-то пригодный); и на самом деле это продолжение не к «Хоббиту», но к «Сильмариллиону». По моим подсчетам, в нем содержится, даже без нескольких необходимых приложений, около 600 000 слов. Одна из машинисток предположила, что больше. Со всей отчетливостью вижу, насколько это нереально. Но я устал. Я сбросил книгу с плеч и боюсь, что ничего уже не смогу с ней сделать, кроме как выправить мелкие огрехи. Хуже того: я чувствую, что роман накрепко связан с «Сильмариллионом».

Возможно, это произведение вы помните: длинный свод легенд вымышленных времен в «высоком штиле», где полным-полно эльфов (в некотором роде). Много лет назад по совету вашего рецензента рукопись отклонили. Если мне не изменяет память, он признал за мифами некую кельтскую красоту, в больших дозах для англосаксов непереносимую*. Вероятно, он был абсолютно прав и справедлив. А вы заметили, что из этой работы скорее стоит черпать материал, нежели публиковать ее как есть.

К сожалению, я — не англосакс, и даже убранный на полку (вплоть до прошлого года) «Сильмарилион» вместе со всем прочим бурно о себе заявлял. Он кипел и пузырился, просачивался и, возможно, портил все (имеющее хотя бы отдаленное отношение к «Фэери»), что я с тех пор пытался написать. Мне с трудом удалось не впустить его в «Фермера Джайлса», но написать продолжение он мне не дал. Он отбросил густую тень на последние главы «Хоббита». Он завладел «Властелином Колец» так, что роман просто-напросто превратился в его продолжение и завершение и требует «Сильмарилиона» для полной внятности — без кучи ссылок и разъяснений, что громоздятся в одном-двух местах.

Вы сочтете меня вздорным надоедой, но я хочу опубликовать их вместе — «Сильмарилион» и «Властелина Ко-

* На самом деле рецензент ознакомился лишь с несколькими страницами «Сильмарилиона», даже не подозревая о том, что это только отрывок. Как я упоминал в «Берене и Лутиэн» (стр. 216–217), он сравнил эти страницы с «Лэ о Лейтиан», к явной невыгоде для поэмы, не понимая, как именно они связаны между собою, и, будучи в восторге от фрагмента «Сильмарилиона», охарактеризовал его нелепым образом: история, «рассказанная с живописной лаконичностью и благородством, удерживает интерес читателя, невзирая на зубодробительные кельтские имена. Есть тут нечто от той безумной, яркоглазой красоты, что ошеломляет любого англосакса, столкнувшегося с кельтским искусством».

лец», будь то сразу или по очереди. «Я хочу» — разумнее сказать «я хотел бы», поскольку пачечка объемом, скажем, в миллион слов воспроизведенного без сокращений материала, который англосаксы (или англоговорящая публика) способны вынести лишь в умеренных дозах, света, скорее всего, не увидит, даже если бы в бумаге недостатка не ощущалось.

И тем не менее именно этого мне бы хотелось. Или ну их совсем. Мысль о радикальном переписывании или сокращении я даже не рассматриваю. Разумеется, будучи писателем, я хотел бы видеть свои слова напечатанными; но уж как есть, так есть. Для меня главное, что я чувствую: ныне сей предмет «экзорцирован» и более меня не мучит. Теперь я могу заняться другими вещами...

Я не стану пересказывать запутанную и мучительную историю последующих двух лет. Мой отец так и не отказался от мнения, сформулированного в другом письме в таких словах: «“Сильмариллион” и т.д. и “Властелин Колец” идут вместе, как одна длинная Сага о Самоцветах и Кольцах»; «я твердо намерен рассматривать их как единое целое, уж как бы их формально ни издали».

Но стоимость публикации такого огромного произведения в послевоенные годы не оставляла ему и тени надежды. 22 июня 1952 года мой отец написал Рейнеру Анвину:

Что до «Властелина Колец» и «Сильмариллиона», с ними все по-прежнему. Первый окончен (и конец отредактирован), второй до сих пор не окончен (или неотредактирован); оба пылятся без дела. Я тут время от времени прихварывал, да и бремя всяких дел навалилось, так что до рукописей просто руки не доходили; да и духом пал. Наблюдая, как растет дефицит с бумагой и затраты на производство — все против

меня! Однако я отчасти поумерил свои притязания. Лучше хоть что-нибудь, чем вовсе ничего! Хотя для меня эти две книги — одно, и «Властелин Колец» воспринимался бы лучше (и легче) в составе единого целого, я охотно рассмотрю возможность публикации хотя бы части. Годы теперь на вес золота. Уход на пенсию (до которого рукой подать) сулит мне, как я понимаю, не избыток свободного времени, но нищету, так что поневоле придется наскребать на хлеб насущный «эк-заменами» и тому подобными приработками.

Как я писал в «Кольце Моргота» (1993): «Он смирился с неизбежным, хотя и скрепя сердце».

Думаю, объяснение тому, что мой отец оставил работу над «Последней Версией», следует искать в вышеприведенных отрывках из переписки. Во-первых, есть его слова из письма к Стэнли Анвину от 24 февраля 1950 года. Он со всей определенностью заявил, что «Властелин Колец» закончен: «достиг я этой цели только после Рождества». И добавил: «Для меня главное, что я чувствую: ныне сей предмет “экзорцирован” и более меня не мучит. Теперь я могу заняться другими вещами...»

Во-вторых, есть крайне важная дата. Заметки касательно тех элементов истории, до которых текст Последней Версии «О Туоре и Падении Гондолина» не дошел (стр. 203), записаны на сентябрьской странице ежедневника 1951 года; другие страницы из того же календаря были использованы для переписывания отдельных фрагментов.

В предисловии к «Кольцу Моргота» я рассказывал:

Но мало что из произведений, начатых в тот период, было завершено. Новое «Лэ о Лейтиан», новое сказание о Туоре и Падении Гондолина, «Серые Анналы» (Белерианда), переработанная «Квента Сильмариллион» — все они были

заброшены. Вне всякого сомнения, основной причиной послужило то, что отец отчаялся опубликовать свои рукописи, по крайней мере в той форме, что казалась ему совершенно необходимой.

Как мой отец писал в письме к Рейнеру Анвину от 22 июня 1952 года, процитированном выше: «Что до “Властелина Колец” и “Сильмариллиона”, с ними все по-прежнему. Я тут время от времени прихварывал, да и бремя всяких дел навалилось, так что до рукописей просто руки не доходили; да и духом пал».

Потому остается лишь оглянуться на то, что у нас все-таки есть: на небольшую часть этой последней версии, которая так и не стала «Падением Гондолина», однако же является единственной в своем роде среди живописаний Средиземья в Древние Дни, — главным образом, пожалуй, благодаря глубокой продуманности деталей, атмосферы, последовательности сцен. Читая отцовский рассказ о явлении Туору божества Улмо, Владыки Вод, о его внешности и о том, как он стоял «по колено в темной воде», можно только гадать, как могли бы быть описаны грандиозные бои в битве за Гондолин.

В том виде, в каком последняя версия существует — и обрывается, — это история путешествия, путешествия с необычайной миссией, задуманной и предопределенной одним из могущественнейших Валар и возложенной не на кого иного, как на Туора из славного дома людей: к Туору бог Улмо в конце концов является на океанском побережье в разгар бурного шторма. Этой необычайной миссии су-

ждено привести к еще более необычайному последствию, что изменит историю вымышленного мира.

Осознание великой важности своего путешествия с каждым шагом все сильнее гнетет Туора и Воронвэ, эльфа-нолдо, что становится его спутником; мой отец ощущал их нарастающую смертельную усталость с наступлением Жестокой зимы так, как будто сам в воображении своем пробирался из Виньямара к Гондолину, теряя силы, изнемогая от голода, в страхе перед орками, в последние годы Древних Дней Средиземья.

Итак, теперь история Гондолина воспроизведена здесь во всех вариантах, начиная от первоисточника 1916 года и вплоть до этой конечной, но, как ни странно, незавершенной версии, созданной примерно тридцатью пятью годами позже. Далее я буду называть исходный вариант «Утраченным сказанием» или, для краткости, просто «Сказанием», а неоконченный текст — «Последней версией», или «ПВ». Об этих двух радикально отличных друг от друга вариантах необходимо сразу же сказать следующее: не приходится сомневаться, что, сочиняя «Последнюю версию», мой отец держал рукопись «Утраченного сказания» перед глазами или, во всяком случае, перечитывал ее незадолго до того. Такой вывод можно сделать на основе того, что отдельные фрагменты этих двух текстов очень схожи друг с другом или даже практически совпадают. Приведем один-единственный пример:

(«Утраченное сказание», стр. 47)

И оказался Туор в неприятном безлесном краю, выметенном ветром, что налетал со стороны заката; и все кусты

и заросли клонились к восходу, ибо ветер тот дул, не меняясь.

(«Последняя версия», стр. 162)

Несколько дней он [Туор] блуждал по безлесному неприятному краю. Та земля была выметена морским ветром, и все, что там росло, травы и кусты, клонилось в сторону восхода, ибо ветер все время дул, не меняясь, с Запада.

Тем более интересно сопоставить два варианта, насколько они вообще сравнимы, и отметить, как ключевые элементы ранней версии сохраняются, но меняется их значимость одновременно с тем, как появляются совершенно новые детали и подтексты.

В «Сказании» Туор так называет свое имя и род (стр. 60):

Я — Туор, сын Пелега, сына Индора из дома Лебеда сынов людей Севера, что живут далеко отсюда.

Также в «Сказании» (стр. 48) о нем говорится, что, когда Туор выстроил себе жилище в бухте Фаласквиль на берегу океана, он украсил его множеством резных изображений, «а главным среди них был Лебедь, ибо Туор любил этот образ, и впоследствии стал он гербом самого Туора, и родни его, и его народа». Более того, далее в «Сказании» сообщается (стр. 66), что когда в Гондолине для Туора изготовили доспехи, его «шлем украсили словно бы двумя лебедиными крыльями из разных металлов и драгоценных камней, по одному с каждой стороны; лебединое крыло изображено было и на его щите».

Далее, на момент штурма Гондолина, у всех воинов Туора, стоявших вокруг него, «шлемы были украшены крыльями словно бы лебедей или чаек, а на щитах начертан знак Белого Крыла» (стр. 79); они составляют «дружину Крыла».

Однако уже в «Очерке мифологии» Туор оказывается втянут в эволюционирующий «Сильмариллион». К тому времени дом Лебеда людей Севера исчез; Туор стал одним из мужей Дома Хадора, сыном Хуора, погибшего в Битве Бессчетных Слез, и двоюродным братом Турина Турамбара. Однако ассоциация Туора с Лебедем и Лебединым крылом в ходе этого преобразования отнюдь не была утрачена. В «Последней версии» (стр. 163) говорится:

Надо сказать, что Туор любил лебедей — он часто видел их в серых заводах Митрима; и к тому же лебедь был гербом Аннаэля и народа, воспитавшего Туора [касательно Аннаэля см. «Последнюю версию», стр. 151].

Далее, в Виньямаре, где Тургон жил в древности, до того, как был обнаружен Гондолин, Туор нашел щит с изображением белого лебединого крыла и сказал: «Во имя этого знака я беру это оружие себе и принимаю на себя судьбу, которая таится в нем!» (ПВ, стр. 166).

Исходное «Сказание» открывается (стр. 44) очень краткой предысторией Туора, который «жил в незапамятные времена в той северной земле, что зовется Дор-ломин, или Земля Теней». Он жил один, охотился в окрестностях озера Митрим, слагал и пел песни и играл на арфе, и познако-

мился со «скитальцами-ноддоли», от которых многому научился, и не в последнюю очередь — их языку.

Но «говорится, будто магия и судьба привели его однажды ко входу в пещеристый провал, вниз по которому из Митрима утекала подземная река», и Туор вошел туда. Утверждается, будто «такова была воля Ульмо Владыки Вод, по чьей подсказке ноддоли проложили этот потаенный путь».

Когда же из-за сильного течения Туор не смог выбраться из пещеры обратно, пришли ноддоли и провели его по темным туннелям среди гор, пока он снова не вышел на свет.

В «Очерке» 1926 года, где, как говорилось выше, Туор впервые оказывается потомком дома Хадора, сообщается (стр. 127–128): после смерти своей матери Риан он попал в рабство к вероломным людям, которых Моргот согнал в Хитлум после Битвы Бессчетных Слез, но бежал от них; и Ульмо устроил так, что Туор был направлен к подземному руслу реки, выводившему из Митрима в ущелье, по дну которого струился поток, впадавший в конце концов в Западное море. В «Квенте» 1930 года (стр. 139–140) этот рассказ воспроизводится очень близко, и в обоих текстах суть его состоит только в том, что Туору удалось скрыться незамеченным для всех соглядатаев Моргота. Но оба эти текста по природе своей крайне сжаты.

Вернемся к «Сказанию»: путь Туора по речному ущелью описывается в подробностях вплоть до того момента, когда морской прилив со страшным шумом и грохотом столкнулся со стремительной рекой, вытекающей из озера

Митрим: но «сами Айнур [Валар] вложили в его сердце мысль выбраться из ущелья незадолго до того, иначе захлестнул бы его прилив» (стр. 47). По всей видимости, провожатые-ноддоли оставили Туора, когда он вышел из темной пещеры: «[Нолдоли] провели его по темным туннелям среди гор, и вот выбрался он снова на свет» (стр. 45).

Выбравшись из ущелья и стоя над рекой, Туор впервые увидел море. Отыскав на побережье защищенную от ветров бухту (впоследствии названную *Фаласквиль*), он построил там дом из дерева, сплавляемого ему нолдоли вниз по реке (о Лебеде среди резных изображений, украшающих дом, см. стр. 211 выше). В Фаласквиле он «прожил очень долго» («Сказание», стр. 48), пока не устал от одиночества; и говорится, что здесь снова вмешались Айнур («ибо Ульмо возлюбил Туора», «Сказание», стр. 48): Туор покинул Фаласквиль и последовал за тремя лебедями, летящими на юг вдоль побережья и явно указывающими ему путь. Далее описывается его великий поход в течение зимы и вплоть до наступления весны, пока он не добрался до Сириона. Оттуда Туор прошел дальше и достиг Края Ив (он же — *Нантатрин*, или *Тасаринан*), где его очаровали бабочки и пчелы, цветы и певчие птицы: Туор давал им имена и задержался там на всю весну и все лето («Сказание», стр. 50–51).

В «Очерке» и «Квенте» эти эпизоды изложены очень кратко, как и следовало ожидать. В «Очерке» (стр. 128) о Туоре говорится лишь, что «после долгих скитаний вдоль западных берегов он дошел наконец до устьев Сириона и там повстречал нома Бронвега [Воронвэ], что некогда жил в Гондолине. Вместе они тайно пробираются вверх по те-

чению Сириона. Туор надолго задерживается в отрадном краю Нан-татрин, “Долине Ив”». Соответствующий фрагмент из «Квенты» (стр. 140–141) по своему содержанию практически совпадает с «Очерком». Ном по имени Бронвэ, про которого теперь говорится, что он бежал из Ангбанда, «будучи некогда подданным Тургона, теперь все пытался отыскать путь к потаенным обителям своего лорда»; так что они с Туором поднялись вверх по течению Сириона и добрались до Края Ив.

Любопытно, что в этих текстах Воронвэ входит в повествовании до того, как Туор добрался до Края Ив: ведь в первоисточнике, то есть в «Сказании», Воронвэ возник гораздо позже, при совершенно иных обстоятельствах, и после явления Ульмо. В «Сказании» (стр. 51) восхищенный Туор задержался в Нан-татрине так надолго, что Ульмо начал опасаться, как бы тот не остался там навсегда; и в своем воззвании к Туору сообщил, что нолдоли тайно проводят его в город народа под названием *гондотлим*, или «живущие в камне» (в «Сказании» это первое упоминание о Гондолине; в «Очерке» и в «Квенте» о сокрытом городе рассказывается еще до того, как впервые заходит речь о Туоре). В конечном счете, согласно «Сказанию» (стр. 54), нолдоли, провожавшие Туора на восток, покинули его из страха пред Мелько, и он заплутал в холмах. Но один из эльфов возвратился к нему и предложил сопровождать его в поисках Гондолина, о котором до этого нолдо доходили слухи, но не более того. Это и был Воронвэ.

Спустя много лет мы приходим к Последней Версии (ПВ) и к рассказу о юности Туора. Ни в «Очерке», ни

в «Квенте» нет никаких упоминаний о том, что Туора вырастили Серые эльфы Хитлума, но в окончательном варианте этот эпизод изложен достаточно подробно (стр. 150–154). Здесь повествуется о том, как Туор воспитывался у Серых эльфов, которыми правил Аннаэль, о том, как тяжело им приходилось и как они бежали на юг по тайному пути, известному как Аннон-ин-Гелюд, «Врата Нолдор, ибо он [был] создан их трудами, давным-давно, во дни Тургона». Рассказывается здесь и о том, как Туор попал в рабство, как ему удалось скрыться и как в последующие годы он жил изгоем и самое имя его внушало страх.

Самое важное нововведение возникает в связи с решением Туора бежать из родной земли. Памятуя о том, что он узнал от Аннаэля, он повсюду искал Врата Нолдор и загадочное сокрытое королевство Тургона (ПВ, стр. 154). Именно туда стремился попасть Туор; но не знал, что представляют собою «Врата». Он пришел к истоку реки, что брала начало в холмах Митрима, и там окончательно принял решение уйти из Хитлума, «сирых земель своих сородичей»; хотя Врат Нолдор он так и не отыскал. Он прошел вдоль потока вниз по течению, пока не оказался у каменной стены, и поток нырнул в «отверстие, подобное высокой арке». Там Туор просидел в отчаянии всю ночь, а на рассвете увидел, что из-под арки выбрались двое эльфов.

То были эльфы-нолдор, Гельмир и Арминас: они спешили по некоему срочному делу, называть которое не стали. От них Туор узнал, что высокая арка — это и есть Врата Нолдор, и он отыскал их, сам того не ведая. Гельмир и Арминас, заменившие нолдоли-проводящих из «Сказания» (стр. 45), показали Туору путь сквозь туннель и немного прошли с ним вместе. Туор спросил их о Тургоне, говоря,

что на это имя, всякий раз, как он его слышит, отзываются струны его сердца. На это нолдор ему не ответили, но распрощались с ним и поднялись по длинной лестнице назад, и скрылись во тьме (стр. 159).

В том, что касается путешествия Туора после того, как он вышел из туннеля в глубокое ущелье с отвесными стенами, Последняя Версия мало чем отличается от «Сказания». Однако следует отметить, что, если в «Сказании» (стр. 47) «сами Айнуры вложили в его сердце мысль выбраться из ущелья незадолго до того, иначе захлестнул бы его прилив», то в ПВ (стр. 161–162) Туор вскарабкался наверх, поскольку захотел последовать за тремя огромными чайками, и «призыв морских птиц спас его от гибели во время прилива». Морская бухта под названием Фаласквиль («Сказание», стр. 48), где Туор построил себе жилище и «прожил очень долго», и, «неспешно трудясь», украсил его резными изображениями, в Последней Версии исчезла.

В этом тексте Туор, устранившись буйства странных вод (ПВ, стр. 162), отправился от речного ущелья на юг, вступил в пределы области Невраст далеко на западе, «где некогда жил Тургон», и наконец на закате добрался до берегов Средиземья и узрел Великое море. Здесь Последняя Версия коренным образом расходится с историей Туора, изложенной ранее.

Вернемся к «Сказанию» и к явлению Ульмо Туору в Краю Ив (стр. 52): здесь приводится исходное описание того, как выглядит великий Вала («Сказание», стр. 52).

Владыка всех морей и рек предстал пред Туором и повелел ему не мешкать более в этом месте. Описание представляет собою детальный, четко очерченный портрет божества, прибывшего из океанских глубин. Он обитает во «дворце» на дне Внешнего моря, он разъезжает в «колеснице», сделанной по образу кита и поразительно быстроходной. Обрисованы его кудри и длинная борода, его кольчуга, «словно бы из чешуи синих и серебряных рыб», его туника (верхняя одежда) переливчато-зеленых тонов, его пояс из крупных жемчужин, его каменные башмаки. Оставив «колесницу» в устье Сириона, он поднялся вверх по великой реке, «в сумерках воссел среди тростников», близ того места, где Туор «стоял по колено в травах»; и заиграл на своем невиданном музыкальном инструменте, «сработанном из множества длинных витых раковин, в коих проделаны отверстия» («Сказание», стр. 52–53).

Вероятно, самая примечательная из всех характеристик Ульмо — это его бесконечно-глубокие глас и взор, столь устранившие Туора. Туору было велено, покинув Край Ив, вместе с нолдоли, тайно его сопровождающими, отправиться на поиски города гондотлим (стр. 53 выше). В «Сказании» (стр. 53) Ульмо говорит: «Там вложу я слова в твои уста, и там поселишься ты до поры». Какие именно слова ему предстояло сказать Тургону, в этом варианте не указывается — однако сообщается, что Ульмо поведал Туору «отчасти о своем замысле и желании», хотя Туор мало что понял из услышанного. А также Ульмо изрек удивительное пророчество касательно будущего ребенка Туора, «коему более всех прочих суждено узнать о бездонных глубинах, будь то море или небесная твердь». Этим ребенком был Эарендель.

С другой стороны, в «Очерке» 1926 года однозначно (стр. 128) утверждается, о чем именно, по замыслу Ульмо, Туору предстоит возвестить в Гондолине: вкратце, Тургон должен готовиться к страшной битве с Морготом, в которой «племя орков сгинет»; но если Тургон не согласится, тогда народ Гондолина должен бежать из города к устью Сириона, где Ульмо «поможет им выстроить флот и укажет путь обратно в Валинор». В тексте «Квента Нолдоринва» 1930 года (стр. 142) планы Ульмо в основном таковы же, хотя предполагается, что в результате этой битвы, «ужасной и смертельной», будет сломлена мощь Моргота и произойдет много чего другого, «что обернется для мира величайшим благом, и слуги Моргота не потревожат мир более».

Здесь уместно обратиться к весьма важной рукописи конца 1930 гг. под названием «Квента Сильмариллион». Она задумывалась как новая прозаическая версия истории Древних Дней, следующая за текстом «Квента Нолдоринва» 1930 года, но работа над ней внезапно прервалась в 1937 году, с появлением «новой истории про хоббитов» (о том, как создавалась эта рукопись и о связанном с ней недоразумении я рассказал в «Берене и Лутиэн», стр. 215–217).

Я приведу здесь фрагменты из этого произведения, повествующие о ранней истории Тургона, о том, как он отыскал Тумладен, и о возведении Гондолина, — фрагменты, которые отсутствуют в текстах о «Падении Гондолина».

В «Квенте Сильмариллион» говорится, что Тургон, один из предводителей нолдор, бросивших вызов ужасам

Хелькараксэ (Скрежещущему Лъду) при переходе в Среди-земье, жил в Неврасте. Есть там и такой фрагмент:

Но однажды Тургон покинул Невраст, где жил до сих пор, задумав навестить друга своего Инглора, и отправились они на юг вдоль Сириона, ибо уже давно прискучили им северные горы; а в пути застигла их ночь за Озерами Сумерек у вод Сириона, и задремали они на речном берегу под летними звездами. Тогда Ульмо, поднявшись вверх по реке, наслал на них глубокий сон, полный мрачных видений; и, проснувшись, не могли они избавиться от тяжелого предчувствия. Но ни один ни слова не сказал другому, ибо не помнили они ясно, что пригрезилось им, и каждый полагал, что лишь ему одному передал послание Ульмо. Но беспокойство и смутная тревога о будущем не оставляли их с той поры; и часто блуждали Тургон и Инглор в одиночестве по нехоженным землям, ища там и тут хорошо укрепленного потаенного убежища; ибо мнилось каждому, что велено ему приготовиться к роковому дню и создать укрытие на случай, если Моргот вырвется из Ангбанда и одолеет воинства Севера.

Вот так случилось, что Инглор отыскал глубокое ущелье Нарога и пещеры в западной его стене; и отстроил он там крепость и оружейни по образцу глубинных чертогов Мелнегрота. И назвал он это место Нарготрондом, и обосновался там вместе со многими своими подданными; и потому номы Севера, сперва в шутку, называли его Фелагунд, или Владыка Пещер, и имя это носил он впредь до самой смерти. А Тургон один отправился в потаенные места и, ведомый Ульмо, отыскал сокрытую долину Гондолин; и о ней до поры он не сказал никому, но возвратился в Невраст к своему народу.

Далее в тексте «Квента Сильмариллион» о Тургоне, втором сыне Финголфина, рассказывается, что он правил многочисленным народом, но «непокой Ульмо все сильнее овладевал им»;

...воспрял Тургон, и, взяв с собою огромное воинство номов, почти треть народа Финголфина, со всем добром их, и женами, и детьми, ушел на восток. Отбыл он под покровом ночи, бесшумно и скоро, и родня его более ничего о нем не знала. А он отправился в Гондолин и там возвел город, подобный Туну в Валиноре, и укрепил окрестные холмы; и на протяжении многих лет Гондолин оставался сокрыт.

Третья, очень важная цитата, взята из другого источника. Существуют два текста под названием «Анналы Белерианда» и «Анналы Валинора». Они были начаты около 1930 года и сохранились в последующих вариантах. Я о них писал: «Вероятно, начало написания “Анналов” совпало с работой над “Квентой”, что было удобно для одновременного продолжения обоих произведений и отслеживания отдельных элементов в постоянно усложняющейся ткани повествования»*. Окончательный текст «Анналов Белерианда», названный также «Серые Анналы», восходит к началу 1950-х годов, когда мой отец снова вернулся к материалам Древних Дней по завершении «Властелина Колец». Именно «Серые Анналы» послужили основным источником для опубликованного «Сильмариллиона».

Далее я привожу здесь фрагмент из «Серых Анналов»; он относится к тому году, когда, наконец, Гондолин был отстроен, «после пятидесяти двух лет тайных трудов»:

* Цит. по: Дж.Р.Р. Толкин. Устроение Средиземья. Пер. О. Гавриковой. С. 236. — *Примеч. пер.*

И вот Тургон собрался уйти из Невраста и покинуть свои прекрасные чертоги в Виньямаре под горой Тарас; и тогда во второй раз явился к нему Ульмо и молвил: «Теперь наконец уйдешь ты в Гондолин, Тургон, а я простру свою власть над долиной Сириона, дабы никто не проследил путь твой и никто не сыскал тайного входа в твою землю противу твоей воли. Долее всех прочих королевств эльдалиэ выстоит Гондолин против Мелькора. Но умеряй любовь свою к нему; и помни, что истинная надежда нолдор живет на Западе и приходит из-за Моря»*.

И предостерег Ульмо Тургона, что и над ним тяготееет Приговор Мандоса, и не во власти Ульмо снять его. «Может случиться и так, — рек Владыка Вод, — что проклятие нолдор настигнет и тебя еще до наступления конца, и в стенах твоих пробудится предательство, и тогда будет угрожать им опасность погибнуть в огне. Но если угроза та надвинется совсем близко, тогда придет некто из Невраста упредить тебя; и от него, вопреки разрушениям и пожарам, родится надежда эльфов и людей. Потому оставь в этом доме доспехи и меч, чтобы в последующие годы смог он найти их — так ты узнаешь его и не обманешься». И показал Ульмо Тургону, какого размера и вида должны быть шлем, и броня, и меч, кои надлежало оставить.

Затем Ульмо возвратился в Море, а Тургон послал вперед весь народ свой <...>, и ушли они, отряд за отрядом, тайно, под сенью Эрюд Ветион; и, никем не замеченные, вместе со своими женами и добром достигли Гондолина; и никто не знал, куда исчезли они. Последним снялся с места Тургон, и вместе со знатью и с домочадцами неслышно прошел через холмы, и вступил в горные врата, и они затворились за ним.

* Эти слова, с небольшими отличиями, произнес Туор, обращаясь к Воронвэ в Виньямаре, ПВ, стр. 174.

Невраст же опустел, и никто в нем не жил вплоть до гибели Белерианда.

В последнем фрагменте объясняется, каким образом так случилось, что Туор, войдя в чертог Виньямара, нашел там щит и меч, доспех и шлем (ПВ, стр. 166).

После эпизода про явление Ульмо Туору в Краю Ив во всех ранних текстах («Сказание», «Очерк», «Квента Нолдоринва») повествуется о походе Туора и Воронвэ в поисках Гондолина. О самом путешествии на восток на самом деле почти не упоминается; секрет сокрытого города заключается в том, чтобы отыскать тайный вход на равнину Тумладен (в «Очерке» и в «Квенте Нолдоринва» Туору с Воронвэ в этом помогает Ульмо).

Но теперь мы вернемся к Последней Версии, которую я оставил на моменте прихода Туора к побережью Моря в области Невраст (ПВ, стр. 162). Нам предстают громадные заброшенные чертоги Виньямара под горой Тарас («древнейший из каменных дворцов, что возвели нолдор в землях изгнания»), где сперва жил Тургон и куда ныне вступил Туор. Обо всем последующем («Туор в Виньямаре», ПВ, стр. 165 и далее) нет ни намёка, ни следа в ранних текстах — помимо, разумеется, явления Ульмо, о котором было поведано снова спустя тридцать пять лет.

Здесь я ненадолго прервусь и откомментирую то, что говорится в другом месте касательно того, что Туор был

направляем, более того, всеми силами побуждаем поспособствовать замыслам Ульмо.

«Замыслы» Ульмо, исполнителем которых назначено было стать Туору, в итоге восходят к грандиозному, далеко идущему событию, что нарекли «Сокрытием Валинора». Существует ранний вариант легенды — одно из «Утраченных сказаний» с таким названием, в котором описывается причина и природа этого изменения мира в Древние Дни. Оно явилось следствием бунта нолдоли (нолдор) под предводительством Феанора, создателя Сильмарилей, против Валар, и их намерения покинуть Валинор. Я вкратце рассказал о том, к чему привело это решение, в «Берене и Лутхиэн», стр. 28, и повторю нужный фрагмент здесь.

Перед тем как бунтари покинули Валинор, произошла страшная трагедия, омрачившая историю нолдор в Средиземье. Феанор потребовал, чтобы телери, третий народ эльдар, некогда отправившийся в Великое Странствие [от места их Пробуждения] и ныне живущий на побережье Амана, отдали нолдор свои корабли, свою величайшую гордость, поскольку без кораблей столь огромному воинству в Средиземье не переправиться. Телери отказались наотрез. Тогда Феанор и его народ напали на телери в их городе Алквалондэ, Гавани Лебедей, и отобрали корабли силой. В этой битве, известной как Братоубийство, погибло много телери.

В «Сокрытии Валинора» содержится примечательное описание весьма бурного и воистину необычного совещания Валар на данную тему. На нем присутствовал некий эльф из Алквалондэ по имени Айнайрос, чья родня погибла в битве при Гавани, и «речами своими он неустанно

пытался озлобить сердца [телери] еще более». Этот Айнай-рос выступил на совете, и слова его вошли в сказание «Сокрытие Валинора».

И открыл он Богам думы эльфов [т.е. телери] касательно нолдоли и о того, сколь мало защищен Валинор от внешнего мира. Тогда поднялся великий ропот, и многие из числа Валар и их народа громко поддержали его, а иные из эльдар воскликнули, что Манвэ и Варда вынудили их родню поселиться в Валиноре, посулив им там неиссякаемую радость — пусть же теперь Боги позаботятся о том, чтобы блаженство их не убыло и не сошло на нет, так как Мелько властвует над миром, и не смеют они отправиться к местам своего пробуждения, даже если и захотели бы.

Более того, большинству Валар отраден был их древний покой, и жаждали они лишь мира, не желая, чтобы доходили до них, тревожа их счастье, слухи о Мелько и его бесчинствах либо ропот беспокойных номов; потому и они тоже потребовали сокрыть свою землю. Не последними среди них были Вана и Несса, хотя даже великие Боги в большинстве своем выказали единодушие. Напрасно Ульмо, провидя грядущее, молил их сжалиться над нолдоли и простить их, напрасно Манвэ открывал тайны Музыки Айнури и предназначение мира; долго шел совет и весьма шумно, и более полнился горечью и жгучими словами, нежели любой другой в прежние времена; и со временем Манвэ Сулимо удалился оттуда, говоря, что никакие стены и бастионы ныне не оградят их от зла Мелько, ибо зло сие уже живет среди них и затуманивает их разум.

Вот так вышло, что недруги номов возобладали на совете Богов, и кровь [Гавани Лебедей] начала свою пагубную работу; ибо ныне затеялось то, что называют Сокрытием Валинора, и Манвэ, и Варда, и Ульмо, владыка Морей, к тому

не были причастны, но никто другой из Валар или эльфов не остались в стороне <...>.

И вот Лоризн и Вана возглавили Богов, и Аулэ предоставил свое мастерство, а Тулкас — свою силу, и Валар в ту пору не отправились воевать с Мелько, и величайшей скорбью обернулось это для них впоследствии и по сей день; ибо великая слава Валар по причине той ошибки не достигла своей полноты за много эпох Земли, и до сих пор ждет того мир.

Весьма примечателен этот последний фрагмент, в котором Боги со всей отчетливостью представлены как праздно радеющие лишь о собственной безопасности и благоденствии; утверждается, что они совершили огромную «ошибку», ибо, отказавшись пойти войной на Мелько, они оставили Средиземье безо всякой защиты пред разрушительным честолюбием и ненавистью архиврага. Но в более поздних произведениях подобное порицание Валар отсутствует: Сокрытие Валинора представлено лишь как важное событие легендарной древности.

Далее в «Сокрытии Валинора» содержится фрагмент, в котором описываются многообразные и грандиозные защитные меры — «новые и могучие труды, каких среди них не видывали со времен первого возведения Валинора», — так, например, окружные горы сделались еще более непроходимыми в восточной части.

С севера на юг раскинулись чары и непостижная магия Богов, однако ж не удовлетвоались они тем и рекли: «Се, мы сделаем так, что все дороги, ведущие в Валинор, будь то

ведомые либо тайные, полностью исчезнут из мира либо предательски уведут к слепоте и растерянности».

Так Боги и поступили, и не осталось в морях ни единого пути, на котором не возникло бы предательских водоворотов либо неодолимой силы течений, сбивающих с курса все корабли. Духи неожиданных бурь и внезапных ветров роились там волею Оссэ, а также и духи непроходимого тумана.

Чтобы понять, как именно Сокрытие Валинора сказало на Гондолине, заглянем вперед и вспомним речи Тургона, обращенные к Туору, в «Сказании»: король говорит о судьбе многих посланцев, которых отправляли из Гондолина строить корабли для путешествия в Валинор (стр. 63):

«...однако тропы туда позабыты и дороги изгладились и исчезли из мира, и моря и горы окружают его, а те, что пребывают там в блаженстве, мало задумываются об ужасе Мелько или о горестях мира, но прячут свою землю и ткут вокруг нее недоступную магию, дабы никакие вести о зле не достигли их слуха. Нет, довольно моих подданных за бесчисленные годы уплыло по бескрайним водам, чтобы никогда более не возвратиться; сгинули они в пучине или скитаются ныне, заплутав среди теней, где нет путей-дорог; с приходом следующего года никто не отправится более к морю...»

(Весьма любопытен тот факт, что здесь Тургон иронически повторяет непосредственно предшествующие слова Туора, подсказанные ему Ульмо («Сказание», стр. 62):

«...ло! тропы туда позабыты, и дороги изгладились и исчезли из мира, и моря и горы окружают его, однако ж и поныне живут там эльфы на холме Кор и Боги восседают в Ва-

линоре, хотя блаженство их умалили скорбь и страх пред Мелько, и прячут они свою землю, и ткнут вокруг нее недоступную магию, дабы никакое зло не подступило к ее берегам»).

На стр. 120–123 («Турлин и Изгнанники Гондолина») я привел краткий текст, который вскорости был оставлен, но явно задумывался как начало новой версии «Сказания» (однако по-прежнему со старым вариантом родословной Туора, который был заменен на генеалогию дома Хадора в «Очерке» 1926 года). Любопытная особенность этого текста состоит в том, что Ульмо однозначно представлен как единственный среди Валар, кто озабочен судьбою эльфов, живущих под властью Мелько: «никто, кроме одного только Ульмо, не страшился могущества Мелько, что разорил и поверг в скорбь всю Землю; но желал Ульмо, чтобы Валинор собрал всю свою силу и уничтожил зло, пока не стало слишком поздно, и казалось ему, что обеих целей, вероятно, удалось бы достичь, если бы посланники номов добрались до Валинора и молили о прощении и жалости к Земле».

Именно здесь впервые возникает идея «обособленности» Ульмо среди Валар, поскольку в «Сказании» об этом не идет и речи. Я завершу этот рассказ, вновь повторив то, что Ульмо рассказывал о своем видении событий Туору, пока тот стоял у кромки воды перед лицом надвигающегося шторма в Виньямаре: (ПВ, стр. 169):

И Ульмо поведал Туору о Валиноре, и о его затмении, и об изгнании нолдор, и о Приговоре Мандоса, и о сокрытии Благословенного края.

— Но знай, — рек он, — что в доспехах Судьбы (как зовут ее Дети Земли) всегда найдется щель, и в стене Рока найдется брешь — так есть и будет до исполнения всех начал, которое вы зовете Концом. Так будет, доколе есмь аз, тайный глас, спорящий с Судьбой, свет, сияющий во тьме. И хотя кажется, что в эти черные дни я противлюсь воле моих со-
братий, Западных Владык, таков мой удел среди них, и это было предназначено мне еще до сотворения Мира. Но силен Рок, и тень Врага растет, я же умаляюсь, и ныне в Средиземье я стал всего лишь тайным шепотом. Воды, текущие на запад, иссыхают, и источники их отравлены, и сила моя уходит из этого края, ибо эльфы и люди не видят и не слышат меня, — столь велико могущество Мелькора. И ныне близится исполнение Проклятия Мандоса, и все творения нолдор погибнут, и все надежды их обратятся во прах. Ныне осталась одна, последняя надежда, которой они не ждали и не ведали. И надежда эта таится в тебе; ибо ты избран мною.

Это приводит нас к следующему вопросу: почему Ульмо выбрал Туора? Или даже — почему он выбрал человека? На этот вопрос ответ приводится в «Сказании», стр. 68–69:

Се — много лет минуло с тех пор, как Туор заплутал в предгорьях, брошенный нолдоли; однако ж много лет минуло и с той поры, как слуха Мелько впервые достигли странные вести — пусть смутные и противоречивые, — о том, что среди долин полноводного Сириона скитается некий человек. А надо сказать, что Мелько не слишком опасался народа людей в те дни своей великой мощи, и по этой самой причине Ульмо для исполнения своих замыслов избрал человека, дабы успешнее обмануть бдительность Мелько, ибо видел, что никто из Валар и едва ли кто-либо из эльдар или нолдоли может предпринять хоть что-либо втайне от Врага.

Но в словах Ульмо, обращенных к Туору в Виньямаре (ПВ, стр. 169), содержится, как мне кажется, ответ на куда более важный вопрос. «Что могу сделать я, простой смертный, средь стольких доблестных воинов Высшего народа Запада?» — говорит Туор. На это Ульмо отвечает:

«Если я решил послать тебя, *Туор сын Хуора*, знай, что твой единственный меч стоит того. Ибо в грядущих веках вечно будут эльфы помнить доблесть эдайн, дивясь тому, как легко отдавали они жизнь, коей им на земле было отпущено так мало. Но я посылаю тебя не одной твоей доблести ради, но дабы породить на свет надежду, тебе незримую, и светоч, что пронзит тьму».

Что же это была за надежда? Я полагаю, речь идет о том самом событии, которое Ульмо в своем чудесном прорицании предрек Туору в «Сказании» (стр. 53):

«...всене непременно родится от тебя дитя, коему более всех прочих суждено узнать о бездонных глубинах, будь то море или небесная твердь».

Как я уже отмечал (стр. 218 выше), этим ребенком был Эарендель.

Не приходится сомневаться, что пророческие слова Ульмо про «светоч, что пронзит тьму», посланный самим Ульмо и порожденный на свет Туором, подразумевают именно Эаренделя. Но, как ни странно, в другом месте содержится отрывок, свидетельствующий, что «чудесное прорицание» Ульмо на самом деле возникло многими годами раньше, независимо от Ульмо.

Этот отрывок обнаруживается в том варианте текста «Анналы Белерианда», что называется «Серые Анналы» и относится к периоду после завершения «Властелина Колец»; касательно них см. «Эволюция легенды», стр. 221. Речь идет об эпизоде в конце Битвы Бессчетных Слез, когда гибнет эльфийский король Фингон:

Битва была проиграна; но Хурин, Хуор и люди из дома Хадора стояли насмерть, и оркам до поры не удавалось захватить ущелье Сириона <...> Оборона Хурином и Хуором последнего рубежа — воинский подвиг, наиболее прославленный среди эльдар превыше всех прочих деяний, свершенных Отцами Людей ради них. Ибо молвил Хурин Тургону, говоря: «Уходи, владыка, пока есть время! Ибо ты остался последним из Дома Финголфина, и в тебе заключена последняя надежда нолдор. Пока стоит Гондолин, могучий и защищенный, в сердце Моргота будет жить страх».

Но отозвался Тургон: «Недолго теперь оставаться Гондолину сокрытым от чужих глаз, а как только обнаружат город, суждено ему пасть».

И рек Хуор: «Однако ж, если выстоит город еще немного, тогда из дома твоего явится надежда для эльфов и людей. Вот что я скажу тебе, владыка, в смертный мой час: хотя расстанемся мы сейчас навсегда, и не увижу я вновь твоих белокаменных стен, от тебя и меня взойдет новая звезда».

Тургон внял совету Хурина и Хуора. Собрав всех уцелевших воинов армии Фингона и Гондолина, он отступил и скрылся в горах, а Хурин и Хуор удерживали ущелье позади них, сражаясь с полчищами Моргота. Хуор пал, пронзенный в глаз отравленной стрелой.

Нельзя недооценивать божественную силу Ульмо — самого могущественного из Богов после одного только Манвэ, — в том, что касается его необъятных познаний и предвидения и его непостижимой способности издалека проникать в разум других существ, влиять на их мысли и даже на их суждение. Безусловно, наиболее примечателен в этом плане момент, когда Туор приходит в Гондолин и Ульмо вещает его устами. Данный эпизод восходит к «Сказанию»: «Там вложу я слова в твои уста» (стр. 53); а в Последней Версии (стр. 170), когда Туор спрашивает: «Но что мне сказать Тургону?», Ульмо отвечает: «Если ты достигнешь его, слова сами придут к тебе, и уста твои скажут то, что угодно мне». В «Сказании» (стр. 61) эта способность Ульмо проявляется еще сильнее: «И заговорил Туор, и Ульмо вложил могущество в его сердце и величие в его голос».

В нашем последовательном разборе замыслов Ульмо по отношению к Туору мы дошли до Виньямара и до второго появления Владыки Вод в данном повествовании, разительно отличающемся от «Сказания» (стр. 52 и стр. 217 выше). Он уже не поднимается вверх по великой реке Сирион и не слагает музыку, сидя в тростниках; с моря надвигается яростный шторм, Ульмо появляется из гигантской волны — как «огромная, величественная фигура», показавшаяся Туору могучим государем в высокой короне, — и обращается к человеку, стоя «по колено в темной воде». Но весь эпизод, посвященный приходу Туора в Виньямар, в предшествующих вариантах предания отсутствует; равно как и крайне важный элемент Последней Версии — доспехи,

оставленные для Туора в чертогах Тургона (см. ПВ, стр. 166 и стр. 222 выше).

Однако возможно, что зачатки этого сюжета содержались уже в «Сказании» (стр. 61), в эпизоде, когда Тургон приветствует Туора пред дверьми своего дворца: «Добро пожаловать, о человек из Земли Теней. Ло! Приход твой был предречен в наших книгах мудрости, и начертано в них, что многие великие деяния свершатся в жилищах гондотлим, когда придешь ты сюда».

В Последней Версии фигурирует (стр. 172) эльф-нолдо Воронвэ — в роли, которая с момента его первого появления в повествовании привязывает его к сюжету о Туоре и Ульмо и радикально отличается от той, что отведена ему в ранних текстах (см. стр. 55). После ухода Ульмо:

Туор спустился на последний уступ [Виньямара], взглянул вниз и увидел эльфа, закутанного в мокрый серый плащ. <...> Глядя на безмолвную серую фигурку, Туор вспомнил слова Ульмо, и неизвестное прежде имя пришло к нему, и он окликнул незнакомца:

— Привет тебе, Воронвэ! Я жду тебя.

А перед тем, как исчезнуть, Ульмо напоследок сказал Туору:

«Я пошлю тебе спасенного мною от гнева Оссэ, и он поведет тебя — последний мореход с последнего корабля, что отправится на Запад до восхода Звезды».

Этим мореходом и был Воронвэ: он поведал свою историю Туору на морском побережье в Виньямаре (ПВ, стр. 177–180). Его рассказ о семилетнем плавании по Ве-

ликому морю стал мрачным предостережением Туору, совершенно очарованному океаном. Воронвэ признался, что, прежде чем отправиться исполнять возложенную на него миссию (ПВ, стр. 177 и далее):

Я задержался в пути. Мало земель видел я до тех пор — а мы пришли в Нан-татрин весной. Очарование того края неизъяснимо, Туор, — ты поймешь это, если тебе самому когда-нибудь придется идти на юг вдоль Сириона. Он исцелит от тоски по морю любого...

Вошедшая в «Сказание» история о том, как Туор на долго поселился в Нан-татрине, Краю Ив, очарованный его красотой, — так что, согласно первоначальному варианту, пришлось вмешаться Улмо, — теперь, разумеется, из повествования была убрана, но не исчезла вовсе. В последней версии в Нан-татрине на какое-то время обосновался Воронвэ, впоследствии рассказавший свою историю Туору в Виньямаре — чары той земли пали на него, пока он «стоял по колено в траве» (ПВ, стр. 178); в ранней версии это Туор «стоял по колено в травах» в Краю Ив («Сказание», стр. 53). Оба — и Туор, и Воронвэ, — давали имена незнакомым цветам, птицам и бабочкам.

Поскольку в главе «Эволюция легенды» мы не встретим Улмо как такового, я привожу здесь описание великого Вала, взятое из отцовского текста «Музыка Айнур» (конец 1930-х гг.):

Улмо навек поселился во Внешнем Океане и управлял движением всех вод и течением всех рек; его воля по всему миру питала ручьи и посылала на землю дожди и росы. Думы его создают в глубинах музыку великую и грозную, и эхо ее

раскатывается по всем жилам мира, а ликование подобно ликованию родника, что рассыпает струи в лучах солнца, но истоки его — в колодцах бездонной скорби, что таятся в основании мира. Телери многому научились от Ульмо, и потому в музыке их смешались печаль и волшебство*.

Теперь пришло время рассказать о походе Туора и Воронвэ из Виньямара, что находился в Неврасте на морском побережье далеко на Западе, на поиски Гондолина. Они отправились на восток вдоль южных склонов громадного горного хребта Эред Ветрин, гор Тени, — протяженного барьера между Хитлумом и Западным Белериандом, — и наконец вышли к великой реке Сирион, текущей с севера на юг.

В «Сказании» (стр. 55), где впервые упоминается о походе, сообщается очень немногое: «Долго искали Туор и Воронвэ [который в старом варианте истории вообще никогда там не бывал] город сего народа [гондотлим], но вот наконец спустя много дней, набрали они на глубокую долину среди холмов». Точно так же и в «Очерке», что неудивительно, говорится просто-напросто (стр. 129), что: «Туор и Бронвег достигают тайного пути <...> и выходят на хранимую равнину». Текст «Квенты Нолдоринва» (стр. 142) столь же краток: «Покорные воле Ульмо, Туор и Бронвэ отправились на север и пришли наконец-то к потаенному входу».

Рядом с этими лаконичными формулировками рассказ в Последней Версии о страшных днях, проведенных Туором и Воронвэ на лютom холоде и под пронизывающими ветрами в бесприютных землях, о том, как они прятались от орочьих отрядов и их лагереЙ, и о появлении орлов, может вос-

* Цит. по: Дж.Р.Р. Толкин. Утраченный путь и другие произведения. Пер. М. Виноградовой. С. 161. — *Примеч. пер.*

приниматься как значимый элемент в истории Гондолина. (О присутствии орлов в этой области см. «Квента Нолдоринва», стр. 137, и ПВ стр. 190). Весьма примечателен приход путников к Заводи Иврина (стр. 181) — к озеру, где брала начало река Нарог, теперь оскверненному и разоренному проползшим там драконом Глаурунгом (Воронвэ назвал его «Великим Змием Ангбанда»). Здесь ищущие Гондолин соприкоснулись с величайшей историей Древних Дней: они увидели высокого человека с длинным обнаженным мечом в руке, лезвие которого было черного цвета. Туор с Воронвэ не заговорили с одетым в черное незнакомцем; они не знали, что это — Турин Турамбар, Черный Меч, который бежит на север от разграбленного Нарготронда, о котором они не слыхивали. «Так, всего один раз, и то лишь на миг, сошлись пути двух родичей, Турина и Туора». (Хурин, отец Турина, приходился братом Хуору, отцу Туора.)

Теперь мы подошли к последнему этапу в «Эволюции легенды» (поскольку Последний Вариант здесь заканчивается): к моменту, когда путники прошли через тайный охраняемый вход на равнину Тумладен — через «дверь» или «врата», прославленные в истории Средиземья, — и взглядам их впервые открылся Гондолин. В «Сказании» (стр. 55) Туор и Воронвэ добрались до места, где река (Сирион) «неслась по каменистому руслу». Это и был брод Бритиах, пока еще так не поименованный; над ним «нависали густые заросли ольхи», а склоны были отвесны. Там, «в зеленой стене», Воронвэ отыскал «проход — словно бы гигантскую дверь со скошенными косяками, сокрытую в частом кустарнике и высоком непролазном подлеске».

Войдя внутрь (стр. 56), путники оказались в темном петляющем туннеле. Они долго шли на ощупь — и наконец увидели вдалеке смутный блик, «и, устремившись на этот свет, достигли странники врат сродни тем, через которые вошли». Здесь их обступила вооруженная стража, и вышли они в солнечные лучи, и оказались у подножия крутых холмов, широким кольцом окруживших обширную равнину, а на ней, на отдельно стоящем громадном холме, красовался город.

В «Очерке», разумеется, никакого описания входа нет; но в «Квенте Нолдоринва» (стр. 136) о Пути Спасения говорится вот что: в той области, где Окружные горы были ниже всего, эльфы Гондолина «проложили огромный петляющий туннель под корнями холмов; сей подземный коридор выходил на поверхность на крутом, лесистом, темном склоне ущелья, по которому тек благословенный Сирион». В «Квенте» (стр. 142) сказано, что, когда Туор и Бронвэ (Воронвэ) дошли до потайной двери, они спустились вниз по туннелю и «достигли внутренних врат», где и были схвачены стражей.

Тем самым двое «врат» и туннель между ними уже существовали, когда мой отец писал текст «Квента Нолдоринва» в 1930 году; на этой концепции и основывается конечная версия 1951 года. Здесь сходство заканчивается.

Но, как можно видеть, в финальной версии (ПВ, стр. 189 и далее) мой отец внес радикальное изменение в топографию. Теперь вход располагался не на склоне восточного берега Сириона; проход на равнину вел по руслу притока. А через опасный Бритиах Туор с Воронвэ переправились, укрепившись духом при появлении орлов.

На той стороне брода они нашли ущелье, похожее на русло иссякшего потока: теперь оно было сухим, но некогда, похоже, бурная река, бежавшая с севера, с гор Эхориат, выточила его в скале, принесла в Сирион множество камней, которые и образовали брод Бритиах.

— Наконец-то мы добрались до него, паче чаяния! — воскликнул Воронвэ. — Гляди! Вот устье Пересохшей реки. Это и есть наша дорога.

Они вошли в ущелье. Оно свернуло на север, и стены его вздымались все выше и выше, так что в нем стало темно и Туор начал спотыкаться о камни, которыми было усыпано сухое русло.

Но «дорога» была усыпана камнями и резко уводила вверх; Туор высказал Воронвэ свое недовольство, а также и удивление, что ко входу в град Гондолин ведет тропа настолько труднопроходимая.

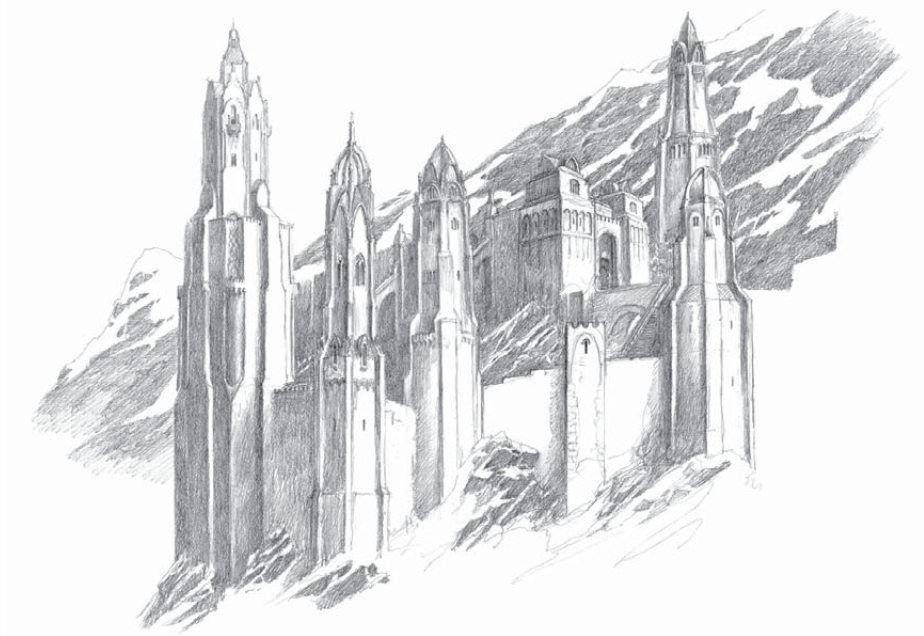
Туор с Воронвэ прошли много миль по Пересохшей реке, переночевали там, наконец вышли к стенам Окружных гор и, войдя в отверстие туннеля, со временем добрались до места, что показалось им обширной и безмолвной пещерой, где царил крошечный мрак. Редкий эпизод в произведениях о Средиземье сможет сравниться с описанием зловещего приема, оказанного Туору и Воронвэ: настолько впечатляют слепящий свет, направленный на Воронвэ в непроглядной тьме, и холодный и грозный вопрошающий голос; когда же строгий допрос закончился, пленников повели к другим дверям, или выходу.

В тексте «Квента Нолдоринва» (стр. 142–143) Туор и Воронвэ вышли из длинного извилистого черного тунне-

ля, на выходе были схвачены стражей и увидели Гондолин, «что сиял вдалеке, а заря, занимаясь над равниной, окрашивала его в розовые тона». Таким образом, нетрудно описать концепцию того времени: обширная равнина Тумладен целиком окружена кольцом Эхориатских гор, а сквозь горы проходит туннель из внешнего мира. Однако в Последней Версии, когда Туор с Воронвэ покинули место допроса, Туор обнаружил, что они стоят «на дне такой глубокой расселины, какую он даже представить себе не мог». Вверх по этой расселине под названием Орфалх Эхор уводила долгая дорога — через череду громадных, великолепно украшенных врат, а на самом верху ущелья высились седьмые, Великие врата. Только тогда Туор «увидел средь белых снегов Гондолин»; именно там Эктелион сказал про Туора, что «сей воистину прислан самим Ульмо» — этими словами заканчивается последний текст «Падение Гондолина».

Заключение

Я уже отмечал (стр. 30), что за исходным названием сказания, «Туор и изгнанники Гондолина», следуют слова «предыстория Великого Сказания об Эаренделе». Далее, «Последним сказанием», следующим за «Падением Гондолина», было «Сказание о Науглафринге» (Ожерелье Гномов, в которое вставили Сильмариль): его заключительные слова я цитировал в книге «Берен и Лутиэн», стр. 241:

Вот так все судьбы фэйри сплелись в единую прядь, и прядь эта — великое сказание об Эаренделе; и к истинному началу сего сказания подошли мы ныне.

Можно предположить, что «истинное начало» «Сказания об Эаренделе» должно было последовать за словами, которыми закончилось «Сказание о падении Гондолина» (стр. 117):

Ныне же изгнанники Гондолина поселились в устье Сириона у волн Великого моря <...> и возрастает Эарендель

в доме отца своего, и прекрасен он обличем среди лотлим, и великое сказание о Туоре подошло к завершению.

Но «Утраченное сказание об Эаренделе» так и не было написано. От начального периода осталось немало набросков и заметок и несколько очень ранних стихотворений, но ничего такого, что хотя бы отдаленно соответствовало бы сказанию «Падение Гондолина». Привести здесь и подробно проанализировать эти зачастую противоречивые наброски с их обрывочными фразами не представлялось возможным, поскольку шло вразрез с целью двух книг, посвященных ретроспективному сопоставлению *легенд* в процессе их эволюции. С другой стороны, сюжет о разрушении Гондолина очень подробно изложен в исходном «Сказании»; история выживших — это весьма важное продолжение истории Древних Дней. Потому я решил вернуться к двум ранним текстам, в которых рассказывается повесть о конце Древних Дней: к «Очерку мифологии» и к повествованию «Квента Нолдоринва». (Как я уже отмечал в другом месте*, «может показаться странным, что “Квента Нолдоринва” является единственным (после “Очерка”) завершенным текстом “Сильмарилиона”»).

В силу этой причины далее приводится заключительная часть «Очерка» 1926 года, сразу после слов (стр. 130): «Уцелевшие [из народа Гондолина] добираются до Сириона и отправляются к земле в устье реки — к Водам Сириона. Ныне Моргот торжествует полную победу».

* Дж.Р.Р. Толкин. Дети Хурина. М.: АСТ, 2018. С. 278. — *Примеч. пер.*

Окончание «Очерка мифологии»

В устье Сириона жила Эльвинг, дочь Диора; она приняла уцелевших из Гондолина. Они становятся народом мореходов, строят немало ладей и живут в дельте близ самого моря, куда орки забредать не смеют.

Ильмир [Ульмо] упрекает Валар и велит им спасти уцелевших нолдоли и Сильмарили, в коих одних ныне жив свет былых дней благодати, когда сияли Древа.

Сыны Валар во главе с Фионвэ, сыном Манвэ, ведут в поход воинство, и в его составе — все квенди, но, памятуя о Лебединой гавани, мало кто из телери присоединяется к ним. Кор опустел.

Туор, старея, не может уже отрешиться от зова моря, и строит он «Эарамэ», и плывет на Запад вместе с Ид-рилью, и более ничего не ведомо о нем. Эарендель женится на Эльвинг. Зов моря рождается и в нем. Он строит «Вингелот» и хочет плыть на поиски отца. Далее следуют чудесные приключения «Вингелота» в морях и на остро-

вах и повесть о том, как Эарендель сразил Унголиант на Юге. Он возвратился домой и обнаружил, что Воды Сириона заброшены. Сыны Феанора, прослышав, где живет Эльвинг и где находится Науглафринг [ожерелье, в которое вставлен Сильмариль Берена], напали на народ Гондолина. В этой битве погибли все сыны Феанора, кроме Майдроса и Маглора, но последние уцелевшие эльфы Гондолина были либо уничтожены, либо вынуждены уйти и примкнуть к народу Майдроса. Маглор в раскаянии сидел и пел у моря. Эльвинг бросила Науглафринг в море и прыгнула вслед за ним, но Ильмир превратил ее в белую морскую птицу, и полетела она разыскивать Эаренделя, ища по всем побережьям мира.

Однако их сын Эльронд, наполовину смертный и наполовину эльф, малое дитя, был спасен Майдросом. Когда позже эльфы возвращаются на Запад, будучи наполовину смертным, он предпочитает остаться на земле <...>.

Эарендель, услышав эти вести от Бронвега, что одиноко жил в хижине в устье Сириона, преисполняется горя. Вместе с Бронвегом он вновь плывет на «Вингелоте» на поиски Эльвинг и Валинора.

Он добирается до волшебных островов, и до Одинокого острова, и наконец до Залива Фаэри. Он поднимается на холм Кор и проходит по опустевшим улицам Туна, и на его одеждах оседает пыль бриллиантов и самоцветов. Углубляться дальше в Валинор он не смеет. Он строит башню на острове в северных морях, куда слетаются все морские птицы мира. Он плывет с помощью их крыл по воздуху в поисках Эльвинг, но Солнце опалает его, а Луна гонит с неба, и долгое время скитается он по небу, как летучая звезда.

Далее рассказывается о походе Фионвэ на Север и об Ужасной, или Последней, Битве. Балроги все уничтожены, орков уничтожили либо разогнали. Сам Моргот предпринимает последнюю атаку вместе со всеми своими драконами; но их тоже уничтожают сыны Валар, всех, кроме двух, которым удастся спастись; Моргот низвергнут и скован цепью Ангайнор, а из его железной короны сделан ошейник. Два Сильмариля отвоеваны. В этой борьбе северные и западные области мира раскололись на части и разрушились, и очертания их земель изменились.

Боги и эльфы освобождают людей из Хитлума и проходят маршем через все земли, призывая немногих уцелевших номов и илькоринов присоединиться к ним. Все так и делают, кроме народа Майдроса. Майдрос готовится выполнить клятву, хотя ныне и согбен из-за нее горем. Он шлет гонца к Фионвэ, напоминая ему о клятве, и умоляет вернуть Сильмарили. Фионвэ отвечает, что тот потерял право на камни через злодеяния Феанора, и убийство Диора, и разграбление Сириона. Майдросу надлежит подчиниться и вернуться в Валинор; только в Валиноре и по суду Богов будут переданы Сильмарили <...>.

На последнем переходе Маглор говорит Майдросу, что ныне осталось двое сынов Феанора и два Сильмариля; один принадлежит ему. Он крадет камень и спасается бегством, но Сильмариль обжигает его, так что Маглор понимает, что более не имеет на него права. Мучимый болью, он скитается по свету и бросает камень в огненную бездну. Теперь один Сильмариль — в море и один — в земле. Маглор и ныне поет в неизбывной скорби у моря.

Происходит суд Богов. Земля теперь станет уделом людей, а эльфы, что не уплывут на Одинокый остров или в Валинор, постепенно истают и угаснут. Некоторое время последние драконы и орки будут беспокоить землю, но в конце концов все они сгинут благодаря доблести людей.

Моргот выброшен через Дверь Ночи во внешнюю тьму за пределы Стен Мира, и к Двери той навеки приставлена стража. Семена лжи, что он посеял в сердцах людей и эльфов, не гибнут, и не властны Боги истребить их все, и живет та ложь, и причиняет немало зла даже вплоть до нынешних времен. Иные же говорят, будто либо сам Моргот, либо его черная тень и призрак, вопреки Валар, прокрадывается назад через Стены Мира на Севере и Востоке и посещает мир; другие же уверяют, что это — Ту, его могущественный полководец, который спасся из Последней Битвы, и по-прежнему таится в темных укывищах, и склоняет людей к страшному поклонению себе. Когда мир сделается много старше и Боги утомятся, Моргот вернется через Дверь и состоится самая последняя из битв. Фионвэ станет биться с Морготом на равнине Валинора, а рядом с ним будет дух Турина; именно Турин сразит Моргота своим черным мечом, и тем самым окажутся отомщены дети Хурина.

В ту пору Сильмарили будут возвращены из моря, земли и воздуха, и Майдрос разобьет их, и Палуриэн с помощью их огня вновь зажжет Два Древа, и опять засияет великий свет, и Горы Валинора сравняют с землею, дабы свет разлился над миром, и Боги, и эльфы помолодеют вновь, и пробудятся все их мертвые. Но о том, что будет с людьми в тот День, не говорит пророчество.

Вот как случилось, что последний из Сильмарилей вознесся в небо. Боги судили передать последний из Сильмарилей Эаренделю — «до тех пор, пока не свершится многое из того, чему суждено свершиться», — по причине деяний сынов Феанора. Майдрос послан к Эаренделю, и с помощью Сильмарилья Эльвинг найдена и возвращена. Ладья Эаренделя проведена через Валинор к Внешним морям, и Эарендель направляет ее во внешнюю тьму высоко над Солнцем и Луною. Там плывет он, и Сильмариль сияет на челе его, и с ним — Эльвинг, — плывет ярчайшей из звезд, сторожа Моргота и Дверь Ночи. Так суждено ему плавать до тех пор, пока он не увидит, как на равнинах Валинора собирается последняя битва. Тогда он спустится вниз.

Тем самым завершаются наконец сказания о предначальных днях северных земель западного мира.

Если начать обсуждать самую запутанную и сложную часть истории «Первой Эпохи» — ее конец, это уведет нас слишком далеко в сторону от нашей легенды. Я лишь упомяну о нескольких деталях повествования в «Очерке мифологии», здесь приведенном. То небольшое, что было написано на эту тему и сохранилось со времен раннего периода творчества моего отца, было по большей части заброшено, и именно в «Очерке», по существу, впервые обнаруживаются совершенно новые черты: в частности, судьба Сильмарилей становится центральным элементом в истории финальной войны. Подтверждение тому — вопрос, который мой отец задает сам себе в очень ранней отдельной пометке: «Что стало с Сильмарильями после пленения Мелько?» (В самом деле, можно с уверенностью утверждать, что в исходной концепции мифологии само существование Сильмарилей не

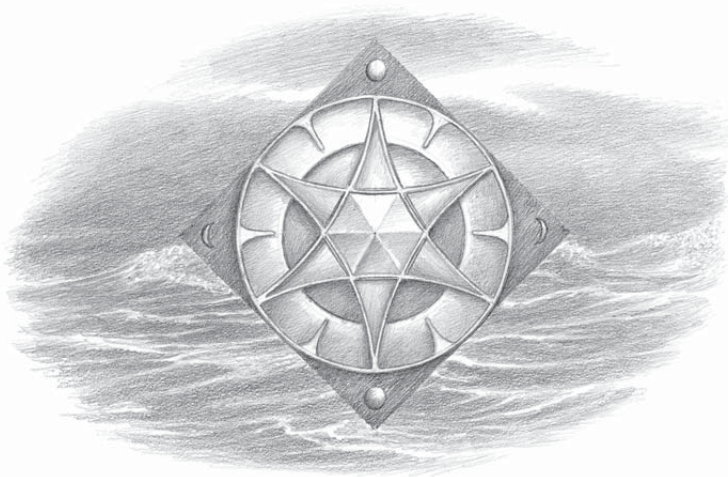
обладает той глобальной значимостью, какую обретет впоследствии.)

В версии «Очерка» Маглор говорит Майдросу (стр. 244), что «осталось двое сынов Феанора и два Сильмариля; один принадлежит ему». Третий утрачен, поскольку в «Очерке» рассказывалось (стр. 243), что «Эльвинг бросила Науглафринг в море и прыгнула вслед за ним». Это был Сильмариль Берена и Лутиэн. Когда Маглор бросает в огненную бездну Сильмариль из Железной Короны, выкрав его из-под охраны Фионвэ, «теперь один Сильмариль — в море и один — в земле» (стр. 244). Третий — это тот, что также был извлечен из Железной Короны; именно его Боги присудили Эаренделю, который, с Сильмарилем на челе, «направляет ее [ладью] во внешнюю тьму высоко над Солнцем и Луною».

На данной стадии представление о том, что Эарендель носит на челе Сильмариль, который Берен и Лутиэн отвоевали у Моргота в Ангбанде, и становится Утренней и Вечерней Звездой, еще не сложилось; однако когда эта концепция наконец-то возникает, она представляется насущно необходимой в рамках мифа.

Также весьма примечательно, что Эарендель Полуэльф пока еще не является глашатаем, который вступается перед Валар за людей и эльфов.

Окончание «Квенты Нолдоринва»

Я привожу здесь вторую цитату из «Квенты» начиная с того момента, на котором закончилась первая цитата (стр. 149), — там говорилось, что эльфы, выжившие при разрушении Дориата и Гондолина, стали небольшим народом кораблестроителей в устьях Сириона, где они «жили на самом побережье, под дланью Ульмо». Далее следует текст «Квенты» до самого его конца, по переработанному варианту Q II, как и прежде (стр. 134).

В Валиноре Ульмо говорил с Валар о бедствиях эльфов и призвал Валар даровать прощение, и выслать им помощь, и спасти их от всеподчиняющей власти Моргота, и отвоевать Сильмарили, ибо в них одних лучился ныне свет тех дней благодати, когда еще дарили сияние Два Древа. Или, во всяком случае, так говорится среди номов, что впоследствии о многом узнали от родни своей, от квенди, Светлых эльфов, возлюбленных Манвэ, коим ведомы отчасти думы Владыки Богов. Но до поры не смягчился Манвэ; да и какое

предание поведает о сокровенных помыслах его сердца? Квенди рассказывают, что в ту пору не пробил еще час и что одному только — тому, кто сам станет просить за эльфов и людей, умоляя простить их провинности и явить сострадание к их горестям, — дано было повлиять на решения Властей; а клятву Феанора, возможно, не мог отменить даже Манвэ, пока не исполнится она до конца и сыновья Феанора не откажутся от Сильмарилей, права на которые отстаивали столь безжалостно. Ибо свет, заключенный в Сильмариях, создали сами Боги.

В ту пору Туор ощутил, что подкрадывается к нему старость, а тоска по безбрежному морю все сильнее овладевала его сердцем. Потому выстроил он могучий корабль, «Эарамэ», «Орлиное Крыло», и вместе с Идрилью отплыл на Запад, держа курс на заходящее солнце, и более не говорится о нем ни слова ни в преданиях, ни в песнях. [*Позднее добавление:* Но Туор единственным среди смертных причислен был к старшему народу и стал одним из нолдоли, к коим стремился сердцем; и в последующие времена по-прежнему жил, если предания не лгут, на своем корабле, странствуя по морям эльфийских земель или отдыхая порою в гаванях номов Тол Эрессеа; и судьба его разошлась с судьбою людей.] Сияющий Эарендель был с тех пор владыкой народа Сириона и бесчисленных их кораблей; он взял в жены прекрасную Эльвинг, и она родила ему Эльронда Полуэльфа [*> Эльронда и Эльроса, коих называют Полуэльфами*]. Однако ж Эарендель не ведал покоя, а плаванья вдоль побережья Внешних земель [*Средиземья*] не могли умиротворить его душу. Два замысла с каждым днем все сильнее подчиняли себе его сердце, сливаясь воедино в тоске по безбрежному морю: мечтал Эарендель уплыть вдаль на по-

иски Туора и Идрили Келебриндал, которые так и не возвратились; и мнил, что, возможно, удастся ему достичь последнего берега и, прежде чем истечет отмеренный ему срок, доставить Валар Запада послание эльфов и людей, каковое пробудит в сердцах Валинора и эльфов Туна сострадание к миру и к горестям рода людского.

И построил Эарендель «Вингелот», «Пенный цветок», прекраснейший из кораблей, прославленных в песнях: корпус его сиял белизной, точно серебристая луна, весла покрывала позолота, серебром сверкали ванты, а мачты были венчаны драгоценными камнями, словно звездами. В «Песни об Эаренделе» многое рассказывается о страданиях его в бескрайних просторах океана и в неведомых землях, во многих морях и на многих островах. На Юге сразил он Унголиант, и развеялась ее тьма, и свет озарил многие области, дотоле сокрытые. Эльвинг же оставалась дома и предавалась грусти.

Эарендель не отыскал ни Туора, ни Идрили и в тот раз так и не добрался до берегов Валинора: борясь со встречными ветрами, не сумел он пробиться сквозь мрак и одолеть колдовские чары; и, наконец, затосковав по Эльвинг, повернул он к дому, на восток. Сердце велело ему торопиться, ибо Эаренделя охватил вдруг безотчетный страх, рожденный зловещими сновидениями; и ветра, с которыми до того сражался он, теперь, казалось, несли его к берегу недостаточно быстро.

А в гаванях Сириона приключилось новое горе. Оставшиеся сыны Феанора — Майдрос, и Маглор, и Дамрод, и Дириэль прознали о том, что Эльвинг живет там и по-прежнему владеет Наутламиром и прославленным Сильмарилем; и собрались они воедино, покинув охотничьи тропы в глуши, и отправили

послания к Сириону — послания с уверениями в дружбе, в которых, однако, звучали жесткие требования. Но Эльвинг и народ Сириона отказались уступить драгоценный камень, что отвоевал Берен и носила Лутиэн, и ради которого убит был Диор Прекрасный, — отказались, тем более что правитель их Эарендель все еще плавал по морям; ибо мнилось эльфам, будто в сем камне заключен был дар благоденствия и исцеления, что снизошли на дома их и корабли.

Вот так в итоге случилось, что эльф вновь поднял меч на эльфа в последней, самой жестокой из братоубийственных битв: то было третье великое злодеяние, порожденное злополучной клятвой. Ибо сыны Феанора напали на изгнанников Гондолина и беглецов из Дориата и уничтожили их. И хотя иные из народа братьев отказались сражаться в том бою, и нашлись и такие, что взбунтовались и пали от руки сотоварищей, защищая Эльвинг от своих же лордов (настолько скорбь и смятение овладели сердцами Эльфинесса в те дни), — однако ж Майдрос и Маглор одержали победу. Из сыновей Феанора оставались ныне в живых только они, ибо Дамрод и Дириэль погибли в той битве; но эльфы Сириона стинули, либо бежали прочь, либо поневоле вынуждены были покинуть те места и примкнуть к народу Майдроса, что ныне претендовал на власть над всеми эльфами Ближних земель. И однако ж не добыл Майдрос Сильмариль; ибо Эльвинг, видя, что все потеряно, а сын ее Эльронд захвачен в плен, ускользнула от воинов Майдроса, и с Наугламиром на груди бросилась в море, и, как все решили, погибла.

Но Ульмо вынес Эльвинг из пучины и придал ей облик огромной белой птицы, на груди же ее сиял, как звезда, лучезарный Сильмариль; и полетела она над водой искать возлюбленного своего Эаренделя. И однажды, стоя в ноч-

ной час у руля, Эарендель заметил, как приближается она: точно белое облако, что стремительно проносится под лунной, точно звезда, что сбилась с пути над морем, бледное пламя на крыльях бури. Говорится в песнях, будто пала она с небес на палубу «Вингелота» без чувств, будучи на грани жизни и смерти, — столь быстр был полет; и Эарендель привлек ее к груди. Но утром изумленному взгляду Эаренделя предстала жена его в истинном своем обликии, погруженная в сон, и волосы ее падали ему на лицо.

И немало скорбели Эарендель и Эльвинг о том, что разорены гавани Сириона, а сын их — в плену, и опасались, что предадут его смерти, — однако ж не случилось того. Ибо Майдрос сжалился над Эльрондом и пекся о нем, и впоследствии привязались они друг к другу (хотя и трудно поверить в это), ибо сердце Майдроса истосковалось и изнемогло под бременем страшной клятвы.

[Этот фрагмент был переписан следующим образом:

И немало скорбели Эарендель и Эльвинг о том, что разорены гавани Сириона, а сыновья их — в плену; и опасались, что детей убьют. Но не случилось того. Ибо Маглор сжалился над Эльросом и Эльрондом и пекся о них, и впоследствии привязались они друг к другу (хотя и трудно поверить в это), ибо сердце Маглора истосковалось и изнемогло, и т.д.]

Но для Эаренделя не осталось более надежды в землях Сириона, и в отчаянии вновь повернул он вспять, и не возвратился домой, но решил еще раз попытаться отыскать Валинор — теперь, когда рядом с ним была Эльвинг. Почти все время стоял он у руля, а на челе его сиял Сильмариль; и по мере того, как корабль приближался к Западу, свет

самоцвета разгорался все ярче. Возможно, отчасти благодаря могуществу священного камня со временем вошли они в воды, в которые не заплывал до той поры ни один корабль, кроме ладей телери; и добрались они до Волшебных островов, но не подпали под власть волшебства; и вступили они в Тенистые моря, и пробились сквозь тени; и открылся их взорам Одинокий остров, но не задержались они там; и вот, наконец, бросили они якорь в Заливе Фаэри [> в Заливе Эльфийского Дома] у границ мира. И заметили телери корабль, и немало подивились, различив вдалеке сияние Сильмариля, слепящее и яркое.

А Эарендель единственным из людей высадился на бессмертные берега; и ни Эльвинг, ни кому-либо из немногих своих спутников не позволил пойти вместе с ним, дабы не обратился против них гнев Богов; и явился он во время празднества, точно так же, как некогда Мелькор и Унголиант, и дозорных на холме Туна оставалось мало, ибо квенди по большей части собрались в чертогах Манвэ на вершине горы Тиндбрентинг.

Посему дозорные спешно поскакали в Валмар либо укрылись среди горных перевалов; и зазвонили все колокола Валмара; Эарендель же поднялся на чудесный холм Кор — пустынным явился тот взору; прошел он по улицам Туна — и не встретил ни души; и сжалось у него сердце. И вот брел он по опустевшим дорогам Туна, и алмазная пыль осыпала одежды его и обувь, но никто не слышал его зова. Потому вернулся он обратно к морю и собирался уже вновь взойти на корабль свой «Вингелот», как явился некто на берегу и воззвал к нему: «Привет тебе, Эарендель, ярчайшая из звезд, прекраснейший из посланников! Привет тебе, несущий свет прежде Солнца и Луны, о долгожданный

гость, приспевший нежданно, о желанный гость, явившийся паче чаяния! Привет тебе, слава и гордость детей мира, о убийца тьмы! Звезда заката, привет тебе! Привет тебе, вестник рассвета!»

То был Фионвэ, сын Манвэ; и призвал он Эаренделя пред троны Богов; и Эарендель вступил в Валинор и в чертоги Валмара, и не возвращался более в земли людей. И держал он речь от имени двух народов пред лицом Богов, и просил о прощении для номов, и о сострадании к изгнанным эльфам и злосчастным людям, и о помощи в час нужды.

Тогда сыны Валар изготовились к битве; и возглавил воинство Фионвэ, сын Манвэ. Под его белоснежное знамя встало также воинство квенди, Светлых эльфов, подданных Ингвэ, а среди них — те из номов древности, что не покидали Валинора; но телери, памятуя о Лебединой гавани, в поход не пошли, за исключением лишь очень немногих; а те повели корабли, на которых большая часть воинства переправилась в Северные земли; однако сами они так и не пожелали ступить на тамошние берега.

*Эарендель стал им проводником; но не дозволили ему Боги вернуться обратно; и выстроил он себе белокаменную башню у крайних пределов внешнего мира в северной части Разлучающих морей; туда порою слетались все морские птицы земли. Эльвинг же часто принимала обличие и подобие птицы; она же измыслила крылья для корабля Эаренделя, и вознесся он в воздушные океаны. Чудный и волшебный корабль тот, осиянный звездами цветок в небесах, нес трепещущее священное пламя; и узрели далекий свет обитатели земли, и подивились, и отрешились от отчаяния, говоря, что воистину то Сильмариль сияет в небе и новая звезда возшла на Западе. Молвил Маглору Майдрос:

[Этот фрагмент, начиная от звездочки, был переписан следующим образом:

В те дни корабль Эаренделя был уведен Богами за грань мира, и вознесся он в воздушные океаны. Чудный и волшебный корабль тот <...> *[и т.д., как в изначальном варианте]* <...> новая звезда взошла на Западе. Эльвинг же скорбела об Эаренделе, но так и не отыскала его вновь; и разлуке их суждено длиться до скончания мира. Потому выстроила она белокаменную башню у крайних пределов внешнего мира в северной части Разлучающих морей; туда порою слетались все морские птицы земли. И измыслила Эльвинг для себя крылья, и пожелала полететь к кораблю Эаренделя. Но *[неразборчиво: она рухнула вниз...]* Когда же пламя его вспыхнуло в вышине, молвил Майдросу Маглор:

«Если это и впрямь Сильмариль, что некая божественная сила вознесла из морской пучины, куда на наших глазах канул он, тогда порадуемся же, ибо многие полюбуются теперь на его красоту». И пробудилась надежда, суля перемены к лучшему; Моргот же встревожился.

Говорится, однако, что не ожидал он нападения с Запада. Столь великая гордыня обуяла его, что полагал Моргот: никто и никогда не пойдет на него войною; более того, был он убежден, что навсегда рассорил номов с Богами и с родней их, и что Валар, в довольстве живущим в своем Блаженном Краю, нет более дела до его королевства во внешнем мире. Ибо сердце, что не ведает жалости, не приемлет в расчет, сколь жалость могущественна, ибо порождает ярый гнев и зажигает молнию, способную сокрушить горы.

Немногое рассказывают о походе воинства Фионвэ на Север; ибо в армиях сих не было вовсе тех эльфов, что

жили и страдали в Ближних землях, — тех, что сложили эти предания; о событиях этих узнали они лишь много позже, от родни своей, Светлых эльфов Валинора. И вот явился Фионвэ, и от призывного звука его труб дрогнул небесный свод, и призвал он к себе всех людей и эльфов от Хитлума до Востока; и над Белериандом запылало ослепительное сияние пламенеющих доспехов, и зазвенели горы.

Столкновение воинств Запада и Севера получило название Великой Битвы, Ужасной Битвы и Битвы Гнева и Грома. Все силы Трона Ненависти приведены были в боевой порядок — а они умножились едва ли не беспрельно, так что даже Дор-на-Фауглит не мог вместить этих полчищ; и по всему Северу запыхало пламя войны. Но не помогло это. Все балроги были уничтожены, и бессчетные воинства орков гибли, точно солома в костре, либо были сметены, точно пожухшие листья пред огненным смерчем. Мало кто уцелел, дабы тревожить мир впоследствии. И говорится, что многие люди Хитлума, раскаявшись в том, что рабски служили злу, совершили подвиги великой доблести, а в придачу к ним — многие люди, лишь недавно явившиеся с Востока; и так отчасти сбылись слова Ульмо; ибо благодаря Эаренделю, сыну Туора, помощь пришла к эльфам, и благодаря мечам людей обрели они немалое подкрепление на поле битвы. [*Позднее добавление:* Но большинство людей, в особенности же те, что лишь недавно явились с Востока, бились на стороне Врага.] Моргот же дрогнул и выйти не посмел; и бросил он на недругов последние свои силы, и то были крылатые драконы [*Позднее добавление:* ибо доселе ни одно из этих порождений его жестокой мысли не взмывало в воздух]. И столь внезапен,

сокрушитель и стремитель был натиск чудовищной стаи — точно сотня грозовых громов, оперенных сталью, — что оттеснен был Фионвэ; но явился Эарендель, а с ним — несметное множество птиц; и всю ночь кипела битва, а исход ее оставался неясен. И сразил Эарендель Анкалагона черного, самого могучего из всего драконьего воинства, и сбросил его с небес; и тот, рухнув вниз, сокрушил твердыни Тангородрима. И вот встало солнце следующего дня, и сыны Валар одержали победу, и все драконы были уничтожены, за исключением двух; а те бежали на Восток. Тогда подземелья Моргота были взломаны и разрушены, и могучая рать Фионвэ спустилась в земные глубины, и там повержен был Моргот.

[Слова «и там повержен был Моргот» были вычеркнуты и заменены на нижеследующий фрагмент:

наконец Морготу некуда было более отступать, и мужество оставило его. Он бежал в самую глубокую из своих копей и запросил мира и милости, но был сбит с ног и повержен ниц.]

И сковали его цепью Ангайнор, приготовленной давным-давно, а железную корону его перековали в ошейник, и голову его пригнули к коленям. Фионвэ же забрал два оставшихся Сильмариля и взялся хранить их.

Так сгинула власть и пагуба Ангбанда на Севере, и неисчислимые толпы рабов вышли, паче чаяния, на свет дня, и взорам их предстал изменившийся мир; ибо такова была ярость столкнувшихся в битве воинств, что северные области западного мира разъединились и раскололись на части, и в расселины с ревом хлынуло море, и было великое смя-

тение, и поднялся великий грохот и шум; реки иссякли либо изменили русло, вздыбились долины, а холмы были втоптаны в землю; и Сириона не стало. Тогда люди бежали прочь — те, что не погибли в разрушениях сих дней, и не скоро еще возвратились обратно через горы туда, где встарь лежал Белерианд, — не раньше, чем повесть о сих днях позабылась за давностью и звучит ныне слабым эхом, да и то редко.

Но Фионвэ прошел маршем через все западные земли, призывая немногих уцелевших номов и тех Темных эльфов, что доселе Валинора не видели, присоединиться к освобожденным рабам и отплыть с ними. Но Майдрос не внял, и даже теперь, хотя и владели им ныне усталость, отвращение и отчаяние, изготовился исполнить то, чего требовала от него клятва. Ибо Майдрос и Маглор вознамерились, буде не вернут им камни, биться за Сильмарили хотя бы и с победоносным воинством Валинора, даже стоя в одиночестве противу всего мира. И послали братья гонца к Фионвэ, и повелели ему выдать ныне драгоценные камни, похищенные встарь Морготом у Феанора. Но отвечив Фионвэ так: право на творение рук своих, коим обладали некогда Феанор и его сыны, ныне утрачено через многие жестокие злодеяния, что совершили те, ослепленные клятвой, и наихудшим из них явилось убийство Диора и нападение на Эльвинг; свету Сильмарилей предстояло теперь уйти к Богам, туда, где он был создан; а Майдросу и Маглору надлежало ныне возвратиться в Валинор и там ожидать суда Богов: лишь по их повелению Фионвэ мог передать вверенные его попечению самоцветы.

Маглор склонен был покориться, ибо скорбел он в сердце своем, и молвил он: «Не говорит клятва, что не вправе мы выждать; может статься, в Валиноре все будет прощено и позабыто, и вступим мы во владение своим добром». Но возразил Майдрос, что, ежели однажды возвратятся они, а Боги откажут им в милости, клятва по-прежнему останется в силе, так что выполнение ее обернется отчаянием еще большим; и «кто знает, что за страшную участь навлечем мы на себя, если нарушим волю Властей в их собственных владениях или вновь попытаемся развязать войну в Хранимом Королевстве?» Вот как вышло, что Майдрос и Маглор пробрались в стан Фионвэ, и завладели Сильмарилями, и перебили стражу; и там приготовились они умереть, защищаясь до последнего. Но Фионвэ остановил тех, кто был под его началом; и братья ушли, и бежали далеко прочь.

Каждый взял себе по Сильмарилю, говоря, что один для них потерян, и остается два, и братьев ныне только двое. Но самоцвет ожег руку Майдроса невыносимой болью (а рука у него была лишь одна, как рассказывалось прежде); и постиг он, что истину рек Фионвэ, говоря, будто утратил Майдрос бывшее право и клятва потеряла силу. Мучимый болью, охваченный отчаянием, Майдрос бросился в зияющую огненную пропасть и так окончил свои дни; и Сильмариль его приняла в лоно свое Земля.

О Маглоре же говорится тако же, что не в силах он был выносить жгучую боль, причиняемую камнем; и, наконец, бросил Сильмариль в море, а после долго скитался вдоль берега и слагал песни близ волн, терзаемый сокрушением и мукой; ибо Маглор был искуснейшим певцом былых времен, но так и не возвратился он к народу Эльфинесса.

В ту пору на берегах Западного моря началось великое строительство кораблей — в особенности же на огромных островах, что возникли на месте древнего Белерианда при крушении северного мира. Оттуда целыми флотилиями уцелевшие из числа номов и Темных эльфов, обитавших доселе в западных пределах мира, отплывали на Запад, чтобы не возвращаться вновь в земли слез и войн; но Светлые эльфы маршем двинулись назад под знаменами своего короля, вслед за триумфальным шествием Фионвэ, и с победой перевезены были обратно в Валинор. [*Позднее добавление:* Однако мало радовались они по возвращении, ибо явились без Сильмарилей; отыскать же самоцветы не суждено вновь до тех пор, пока мир не погибнет и не возродится опять.] А на Западе номы и Темные эльфы вновь поселились по большей части на Одиноким острове, что смотрит и на Восток, и на Запад; и земля та сделалась на диво прекрасна, и остается таковою и по сей день. А иные вернулись и в Валинор — ибо все были вольны это сделать, кто желал того; и получили номы прощение Валар, и вновь обратилось к ним благоволение Манвэ; и телери простили им давнее горе, и проклятие было предано забвению.

Однако ж не все пожелали покинуть Внешние земли, где прожили столь долго и вынесли столькие страдания; нашлись и такие, что на много веков задержались на западе и на севере, в особенности же на западных островах. Среди них был и Маглор, как уже говорилось; а с ним — Эльронд Полуэльф, что впоследствии вновь сблизился со смертными; от него одного люди унаследовали кровь Первородженных и божественное семя Валинора (ибо он был сыном

Эльвинг, дочери Диора, сына Лутиэн, дочери Тингола и Мелиан; а Эарендель, его отец, был сыном Идрили Келебриндал, прекрасной девы из Гондолина). Но по мере того как шли столетия и эльфийский народ на земле угасал и истаявал, эльфы по-прежнему отплывали в сумерках от наших западных берегов; отплывают и по сей день — сейчас, когда от тех одиноких отрядов почитай что никого и не осталось.

Вот какой приговор вынесли Боги, когда Фийонвэ и сыны Валар возвратились в Валмар: отныне Внешние земли — удел людей, младших детей мира; но для одних лишь эльфов вечно открыты врата Запада; а ежели не вернуться они туда и замешкаются в мире людей, тогда истают они постепенно и угаснут. То — самый горький из плодов, что принесли деяния и ложь, к коим прибег Моргот, дабы отворотить и отдалить эльдалиэ от людей. Некоторое время его орки и драконы, вновь расплодившись в темных укывищах, пугали мир — а в иных краях пугают и по сей день; но до того, как наступит Завершение, все они сгинут благодаря доблести смертных людей.

Моргота же Боги выбросили через Дверь Вневременной Ночи, за пределы Стен Мира, в Пустоту; и к двери той навеки приставлена стража, и Эарендель несет дозор на небесных бастионах. Но семена лжи, что Мелько, Моэлег могущественный и проклятый, Моргот Бауглир, Темная Власть Ужаса, посеял в сердцах эльфов и людей, не все сгинули, и Боги истребить их не властны, и жива та ложь, и творит немало зла даже вплоть до нынешних, поздних времен. Иные же говорят, будто Моргот порою тайно, в ви-

де тлетворного облака, каковое нельзя увидеть и почувствовать тоже нельзя, прокрадывается назад, перебравшись через Стены, и посещает мир; *но другие говорят, что это — черная тень Ту, создания Моргота, который спасся из Ужасной Битвы, и таится в темных укывищах, и склоняет людей к страшному служению и гнусному поклонению себе.

[Этот фрагмент, начиная от звездочки, был переписан следующим образом:

но другие говорят, что это — черная тень Саурона, что служил Морготу и стал величайшим и самым злобным из его приспешников; Саурон же спасся из Великой Битвы, и затаился в темных укывищах, и склонял людей к страшному служению и гнусному поклонению себе.]

После победы Богов Эарендель по-прежнему бороздил небесные моря, но Солнце опаляло его, и Луна преследовала его по пятам в небесах. Тогда Валар провели его белоснежный корабль «Вингелот» над землей Валинора, и наполнили его сиянием, и освятили его, и направили сквозь Дверь Ночи. И долго Эарендель плавал в беззвездном просторе, *[вычеркнуто: «и Эльвинг была с ним», см. переписанный фрагмент на стр. 255]*, а на челе его сиял Сильмариль, и странствовал он во Тьме за пределами мира мерцающей летучей звездой. Но то и дело возвращается он и сияет за путями Солнца и Луны, над бастионами Богов, ярче всех прочих звезд, и, небесный мореход, несет стражу на границах мира, дабы не вырвался на свободу Моргот. Так суждено ему плавать до тех пор, пока не увидит он, как на равнинах Валинора произойдет Последняя Битва.

Вот что гласит пророчество Мандоса, каковое изрек он в Валмаре, на суде Богов, а слух о нем шепотом передавался среди всех эльфов Запада из уст в уста: когда состарится мир и устанут Власти, тогда Моргот вернется через Дверь из Вневременной Ночи; и уничтожит он Солнце и Луну, но Эарендель обрушится на него белым пламенем и прогонит его с высот. Тогда на полях Валинора произойдет последняя битва. В тот день Тулкас сразится с Мелько, и по правую руку от Тулкаса встанет Фионвэ, а по левую — Турин Турамбар, сын Хурина, Победитель Рока; именно черный меч Турина нанесет Мелько смертельный удар и покончит с ним навеки; так отомщены будут дети Хурина и все люди.

После того будут Сильмарили возвращены из моря, земли и воздуха; ибо Эарендель спустится с высот и отдаст то пламя, что хранил доселе. Тогда Феанор возьмет Три самоцвета и передаст их Йаванне Палуриэн; и разобьет она их, и с помощью их огня вновь зажжет Два Древа, и засияет великий свет; и Горы Валинора сравняют с землею, дабы свет тот разлился над всем миром. В этом свете Боги помолодеют вновь, и пробудятся эльфы, и воскреснут все их мертвые, и замысел Илуватара в том, что касается эльфов, исполнится.

На том завершаются сказания о предначальных днях северных земель западного мира.

Тем самым моя история об истории завершается пророчеством — пророчеством Мандоса. И заканчиваю я эту

книгу, повторив то, что я написал в своем издании Великого Предания «Дети Хурина». «Не следует забывать, что на тот момент “Квента Нолдоринва” отображала в себе (пусть отчасти и схематично) “вымышленный мир” моего отца в полном объеме. Не историю Первой Эпохи, как впоследствии; ведь ни о Второй Эпохе, ни о Третьей речь пока еще не шла; не было еще ни Нуменора, ни хоббитов, ни тем более Кольца».

Список имен и названий

В конце нижеследующего основного списка приводится семь дополнительных расширенных примечаний к нескольким именам и названиям. Названия, встречающиеся на карте Белерианда, отмечены звездочкой (*)^{*}.

Айнáйрос (Ainairos) — эльф из Алквалондэ.

Айнур (Ainur) — см. дополнительное примечание на стр. 296.

Алквалóндэ (Alqualondë) — см. *Лебединая гавань*.

Алмарен (Almaren) — остров Алмарен, первое обиталище Валар в Арде.

Аман (Aman) — земля на Западе, за Великим морем, где находился Валинор.

Амнон (Ampon) — слова Пророчества Амнона, «Велико падение Гондолина», произнесенные Тургоном в разгар битвы за город, процитированы в двух очень сходных между собою вариантах в отдельных набросках под таким заглавием. Оба начинаются со слов, вынесенных в заголо-

^{*} В русском переводе в эльфийских именах и названиях проставлено ударение согласно правилам, изложенным в Приложении Е к «Властелину Колец»; для удобства читателя в скобках дается написание латиницей. — *Примеч. пер.*

вок: «Велико падение Гондолина», а далее в одном случае следует: «Тургон не угаснет, пока не угаснет лилия долины», а во втором «Когда лилия долины увянет, тогда угаснет и Тургон».

Лилия долины — это Гондолин, одно из семи имен города, Цветок Равнины. В примечаниях также есть отсылки к пророчествам Амнона и к местам пророчеств; но, по всей видимости, нигде нет никаких разъяснений касательно того, кто такой был Амнон и когда он произнес эти слова.

Амон Гв́арет (Amon Gwareth) — «Холм Бдения», или «Холм Защиты», высокое, отдельно стоящее скалистое возвышение на Хранимой равнине Гондолина, на котором был возведен город.

Анар (Anar) — Солнце.

Андрот (Androth) — пещеры в митримских холмах, где Туор жил со своим приемным отцом Аннаэлем и Серыми эльфами, а впоследствии — одиноким изгоем.

Анка́лагон черный (Ancalagon the black) — величайший из крылатых драконов Моргота, уничтоженный Эаренделем в Великой Битве.

Анга́йнор (Angainor) — громадная цепь, откованная Аулэ; этой цепью Моргот был скован дважды: он был вынужден носить ее, оказавшись в плену у Валар в глубокой древности, и впоследствии, будучи побежден окончательно.

Ангбанд (Angband) — огромная подземная крепость Моргота на северо-западе Средиземья.

Аннаэль (Annael) — Серый эльф из Митрима, приемный отец Туора.

Аннон-ин-Гэ́льд (Annon-in-Gelydh) — «Врата Нолдор»: вход в пещеры, промытые подземной рекой, которая брала начало в озере Митрим и вела в Радужную расселину.

Анфауглит (*Anfauglith*)* — некогда обширная травянистая равнина Ард-гален к северу от нагорья Таур-на-Фуин; впоследствии была разорена Морготом.

Аранвион (*Aranwion*) — «сын Аранвэ». См. *Воронвэ*.

Аранвэ (*Aranwë*) — эльф из Гондолина, отец *Воронвэ*.

Арвалин (*Arvalin*) — унылая область обширных туманных равнин между Пелори (горами Валинора) и морем. Ее название, означающее «близ Валинора», впоследствии было заменено на *Аватар* «тени». Именно там Моргот встречался с Унголиант; говорится, будто в Арвалине был произнесен Приговор Мандоса. См. *Унголиант*.

Арлисигон (*Arlisgion*) — область, название которой переводится как «область тростников»; через нее Туор прошел во время своего великого похода на юг; но это название не встречается ни на одной из карт. Не представляется возможным проследить путь Туора до того момента, когда он спустя много дней добрался до Края Ив; но не приходится сомневаться, что при таком описании Арлисигон находился где-то севернее него. Помимо этой, единственная отсылка к этому месту, по всей видимости, содержится в Последнем Варианте (стр. 176), где *Воронвэ* рассказывает Туору о *Лисгарде*, «крае тростников в Устьях Сириона». Арлисигон, «область тростников», со всей очевидностью то же, что Лисгард, «край тростников»; но география данной области на тот момент довольно неоднозначна.

Арфа (*The Harp*) — название одного из родов гондотлим.

Аулэ (*Aulë*) — один из великих Валар, прозванный Кузнецом; в могуществе он лишь немногим уступает Умо. Нижеследующее взято из его описания в тексте под названием «Валаквента»:

Его владения — это все те вещества, из которых создана Арда. В самом начале немало всего сработал он вместе с Манвэ и Ульмо; это он придал очертания всем землям. Он сведущ во всех ремеслах, в том числе и кузнечном, и радуется каждой искусно сделанной вещице, пусть и малой, не менее, чем великому созиданию прошлого. Ему принадлежат драгоценные камни, что лежат глубоко под землей, и золото, что сверкает в руке, и цепи гор, и морские бассейны.

Бáблон (Bablon), Нíнви (Ninwi), Тру'и (Trui), Рум (Rûm) — Вавилон, Ниневия, Троя, Рим. В примечании к названию *Баблон* говорится: «Баблон был городом людей; точнее, *Вавилон*, но так уж звучит это название на языке номов ныне, а к номам оно пришло из стародавних времен».

Бад Утвен (Bad Uthwen) — см. *Путь Спасения*.

Бáлар, остров (Balar, Isle of) — остров у самого выхода из залива Балар. См. *Кирдан Корабел*.

Бáлкмег (Balcmeg) — орк, убитый Туором.

Бáлроги (Balrogs) — «демоны с огненными бичами и стальными когтями».

Бáуглир (Bauglir) — прозвище, часто добавляемое к имени *Мóргота*; переводится как «Притеснитель».

Бéлег (Beleg) — великий лучник из Дориата и близкий друг Турина; Турин сразил его во тьме, приняв за врага.

Бéлегаэр (Belegaer) — см. *Великое Море*.

*Белéрианд (Beleriand)** — обширная северо-западная область Средиземья, протянувшаяся от Синих гор на Востоке и включающая все внутренние земли к югу от Хитлума и побережье южнее Дренгиста.

Бéрен (Beren) — человек из Дома Беора, возлюбленный Лутиэн, вырезал Сильмариль из короны Моргота. Будучи

убит Кархаротом, ангбандским волком, он единственным из смертных людей был возвращен к жизни.

Битва Бессчетных Слез (Battle of Unnumbered Tears) — см. примечание на стр. 303.

Благословенное Королевство (Blessed Realm) — см. *Аман*.

Ближние земли (Hither Lands) — Средиземье.

Брагóллах (Bragollach) — сокращенное название для *Да́гор Брагóллах (Dagor Bragollach)*, «Битвы Внезапного Пламени», завершившей Осаду Ангбанда.

Брédиль (Bredhil) — имя Варды на языке номов (также *Бридиль (Bridhil)*).

*Брétиль (Brethil)** — лес между реками Тейглин и Сирион.

Брúтиах (Brithiach) — брод через Сирион, ведущий в Димбар.

Бритóмбар (Brithombar) — самая северная из гаваней Фаласа.

Брónвэг (Bronweg) — имя *Ворóнвэ (Voronwë)* на языке номов.

Вáлар (Valar) — правящие стихии Арды; иногда именуются «Властями». Изначально Валар было девять, как говорится в «Очерке», но Мелькор (Моргот) более не числится среди них.

Вáлино́р (Valinor) — земля Валар в Амани. См. *Горы Валинора*.

Вáлмар (Valmar) — город Валар в Валиноре.

Вáна (Vána) — одна из Королев Валар, супруга Оромэ; именуется «Вечноюной».

Вáрда (Varda) — супруга Манвэ; обитает вместе с ним на Таникветили; величайшая из Королев Валар; созидатель-

ница звезд. Ее имя на языке номов — *Брѣдиль* (*Bredhil*), или *Брѣдиль* (*Bridhil*).

Великая Битва (*The Great Battle*) — изменившая мир битва, в ходе которой Моргот был наконец повержен и завершилась Первая Эпоха Мира. Можно также сказать, что она же завершила и Древние Дни, поскольку «в Четвертую Эпоху ранние эпохи зачастую назывались *Древними Днями*; однако это название, строго говоря, применимо лишь ко дням до изгнания Моргота» («Повесть Лет», приложение к «Властелину Колец»). Вот почему Эльронд говорит на великом совете в Ривенделле: «Но в памяти моей живы и *Древние Дни*. Отцом моим был Эарендиль, рожденный в Гондолине до того, как пал город».

Великий Змий Ангбанда (*Great Worm of Angband*) — см. *Глаурунг*.

Великое море (*Great Sea*)* — Великое море Запада, называвшееся *Бѣлегаэр* (*Belegaer*), простиралось от западного побережья Средиземья до берегов Амана.

Вѣнгелот (*Wingelot*) — «Пенный цветок», корабль Эаренделя.

Вѣньямар (*Vinyamar*)* — чертоги Тургона в Неврасте под горой Тарас; Тургон жил там до ухода в Гондолин.

Владыка Вод (*Lord of Waters*) — см. *Ульмо*.

Владыки Запада (*Lords of the West, Mighty of the West*) — Валар.

Внешние земли (*Outer Lands*) — земли к востоку от Великого моря (Средиземье).

Внешний мир, *Внешняя земля* (*Outer World, Outer Earth*) — земли к востоку от Великого моря (Средиземье).

Внешние моря (*Outer Seas*) — Прочитирую фрагмент из текста под названием «Амбарканта» («Об устройстве ми-

ра») 1930-х гг., вероятно, более позднем, нежели «Квента нолдоринва»: «Мир окружают Стены Мира, или Илурамбар [«последняя Стена» в «Прологе», стр. 31] <...> Стены незримы; но пройти через них невозможно, кроме как через Дверь Ночи. В пределах этих стен заключена сфера Земли; снизу, сверху и со всех сторон ее окружает Вайя, Всеохватный океан [он же Внешнее море]. Но под Землей он более подобен морю, а над Землей — воздуху. В Вайе под Землей обитает Ульмо»*.

В «Утраченном сказании о пришествии Валар» Румиль, рассказчик этого сказания, говорит: «Того, что лежит за пределами Валинора, я в жизни не видел, а слышал доподлинно лишь то, что там плещут темные воды Внешних морей, не знающие приливов и отливов, и такие холодные и разреженные, что никакой корабль не может плыть по их лону и никакая рыба не живет в их глубинах, кроме как зачарованные рыбы Ульмо и его магическая колесница».

Ворóнвэ (*Voronwë*) — эльф из Гондолина, единственный из мореходов семи кораблей, посланных Тургоном на Запад после Нирнаэт Арноэдиад, оставшийся в живых; провел Туора к сокрытому граду. Его имя означает «стойкий».

Восточане (*Easterlings*) — так называли людей, последовавших за эдайн в Белерианд; в Битве Бессчетных Слез сражались и на той и на другой стороне; от Моргота получили в удел Хитлум, где угнетали остатки народа Хадора.

Врата Лема (*Gates of Summer*) — см. *Тарнин Ауста*.

Врата Нолдор (*Gate of the Noldor*) — см. *Аннон-ин-Гелюд*.

* Цит. по: Дж.Р.Р. Толкин. Устройство Средиземья. Пер. О. Степашкиной. С. 236. — *Примеч. пер.*

Гáлдор (Galdor) — (1) отец Хурина и Хуора; см. *Туор*.

Гáлдор (Galdor) — (2) владыка народа Древа в Гондолине.

Гар А́йнион (Gar Ainion) — «Площадь Богов» (Айнур) в Гондолине.

Гв́ндор (Gwindor) — эльф Нарготронда, влюбленный в Финдуилас.

Гéльмир (Gelmir) и *Арминас (Arminas)* — эльфы-нолдор, повстречавшие Туора у Врат Нолдор, идя в Нарготронд предостеречь Ородрета (второго короля, сменившего Феллагунда) об опасности, угрожающей городу (но Туору они об этом не сказали).

Глáмхот (Glamhoth) — орки, переводится как «дикая орда», «орды ненависти».

Глáурунг (Glauring) — самый известный из всех драконов Моргота.

Гл́нгол (Glingol) и *Ба́нсил (Bansil)* — золотое и серебряное древа у дверей королевского дворца в Гондолине. Изначально утверждалось, будто они встарь были взяты побегами от Двух Древ Валинора, прежде чем Моргот и Прядильщица Мглы иссушили их, но позже в легенде говорилось, что это только изображения Двух Древ, воссозданные Тургоном в Гондолине.

*Гл́туи (Glithui)** — река, стекающая с Эред Ветрин, приток Тейглина.

Глóрфалк (Glorfalc) «Златая расселина»: такое название Туор дал ущелью, по которому текла река, берущая начало в озере Митрим.

Глорф́индель (Glorfindel) — владыка народа Златого Цветка в Гондолине.

Глубокомудрые эльфы (*Deer-elves*) — название второго отряда эльфов в великом походе. См. *Нолдоли*, *Нолдор* и примечание на стр. 308.

Гóндолин (*Gondolin*)* — касательно названия см. *Гондотлим*. Касательно прочих имен см. стр. 57.

Гондóтлим (*Gondothlim*) — народ Гондолина; этноним переводится как «живущие в камне». Другие названия, восходящие к тому же корню, — Гóндобар (*Gondobar*) «Град Камня» и Гондотлímбар (*Gondothlimbar*) «Град Живущих в Камне». Оба этих названия входят в число Семи Имен города, названных Туору стражником у врат Гондолина (стр. 57). Элемент *gond* означает «камень», как в Гóндор (*Gondor*). На момент написания «Утраченных сказаний» топоним Гондолин истолковывался как «Камень Песни», что якобы означало «вырезанный и сработанный камень великой красоты». Позднее толкование — «Сокрытая Скала».

Гондотлímбар (*Gondothlimbar*) — см. *Гондотлим*.

Гóргорот (*Gorgoroth*) — сокращение от *Эред Гóргорот* (*Ered Gorgoroth*), горы Ужаса; см. *Дунгортеб*.

Горы Валинора (*Mountains of Valinor*) — огромный горный хребет, воздвигнутый Валар, когда они пришли в Аман. Также назывался Пелóри (*Pelóri*); протянулся широким полумесяцем с севера на юг неподалеку от восточного побережья Амана.

Горы Тени (*Mountains of Shadow*)* — см. *Эред Ветрин*.

Горы Тургона (*Mountains of Turgon*) — см. *Эхориат*.

Гóтмог (*Gothmog*) — Владыка Балрогов, предводитель воинств Мелькора; сын Мелькора, сражен Эктелионом.

Горы Тьмы (*Mountains of Darkness*) — Железные горы.

Град Камня (*City of Stone*) — Гондолин; см. *Гондотлим*.

Дáмрод и Дíриэль (*Damrod and Díriel*) — братья-близнецы, младшие сыновья Феанора; в более поздних версиях именовались *Амрод* (*Amrod*) и *Амрас* (*Amras*).

Дверь Ночи (*The Door of Night*) — см. статью *Внешние моря*. В тексте под названием «Амбарканта», процитированном здесь, касательно Илурамбар (*Ilurambar*), Стен Мира, и Вайи (*Vaiya*), Всехватного океана, или Внешнего моря, говорится следующее:

Посреди Валинора находится Андо Ломен, Дверь Вневременной Ночи, что проделана в Стенах и открывается в Пустоту. Ибо Мир пребывает посреди Кумы, Пустоты, Ночи, лишенной времени и облика. Но никому не под силу перебраться через бездну и пояс Вайи и достичь этой Двери, кроме одних лишь великих Валар. Они же проделали эту Дверь, когда Мелько был побежден и извергнут во Внешнюю Тьму; и охраняет ее Эарендель*.

Дíмбар (*Dimbar*)* — земля в междуречье Сириона и Миндеба.

Дíор (*Dior*) — сын Берена и Лутиэн; ему перешел их Сильмариль; известен как «Наследник Тингола». Он был отцом Эльвинг; погиб от руки сыновей Феанора.

Дóриат (*Doriath*)* — обширная лесистая область Белеарианда, в которой правили Тингол и Мелиан. Благодаря Поясу Мелиан возникло более позднее название *Дориат* (*Dor-iath*) «Земля Ограждения»).

Дор-лóмин (*Dor-lómin*)* — «Земля Теней»: область на юге Хитлума.

Дор-на-Фáуглит (*Dor-na-Faughlith*) — обширная северная травянистая равнина под названием Ард-гален; была пол-

* Цит. по: Дж.Р.Р. Толкин. Устройство Средиземья. Пер. О. Степашкиной. СС. 237–238. — *Примеч. пер.*

ностью уничтожена Морготом и переименована в Дор-на-Фауглит, что переводится как «земля под удушающим пеплом».

Драмбóрлег (Dramborleg) — боевой топор Туора. Примечание к этому названию гласит: «Драмборлег означает “Тяжкоострый”, ибо он оставлял глубокие вмятины, подобно палице, и рубил подобно мечу».

Древа Валинора (Trees of Valinor) — Белое Древо *Сильпион (Silpion)* и Златое Древо *Лаурелин (Laurelin)*; см. стр. 31–32, где они описаны, и *Глингол* и *Бансиль*.

Древо (The Tree) — название одного из родов гондотлим. См. *Галдор*.

Дрэнгист (Drengist) — протяженный морской залив, вдававшийся в горы Эха. Река, вытекающая из Митрима, за которой следовал Туор через Радужную расселину, вывела бы его к морю этим путем, но «Туор устранился ярости этих странных вод, оставил берег и повернул на юг — и потому не достиг протяженных берегов залива Дренгист» (стр. 162).

Ду́илин (Duilin) — владыка дома Ласточки в Гондолине.

Дунгóртеб (Dungortheb) — сокращение от *Нан Дунгóртеб (Nan Dungortheb)* «долина страшной смерти», между Эред Горгорот, горами Ужаса, и Поясом Мелиан, защищающим Дориат с севера.

Железные горы (Iron Mountains) — «Морготовы горы» на дальнем Севере. Но употребление этого названия в тексте исходного «Сказания» на стр. 50 восходит к более раннему периоду, когда топоним *Железные горы* использовался по отношению к хребту, ранее названному *Тенистые горы (Shadowy Mountains)* (*Эред Ветрин (Ered Wethrin)*); см.

примечание «Железные горы» на стр. 302. Я внес соответствующее исправление в текст на стр. 50.

Живущий в глубинах (*The Dweller in the Deep*) — Ульмо.

Залив Фаэри (*Bay of Faerie*) — гигантский залив на восточном побережье Амана.

Западное(ые) море(я) (*The Western Sea(s)*) — см. *Великое море*.

Звнящая Наковальня (*The Stricken Anvil*) — эмблема народа Молота Гнева в Гондолине.

Земля Теней (*Land of Shadows*) — см. *Дор-ломин*.

Златой Цветок (*The Golden Flower*) — название одного из родов гондотлим.

Иврин (*Ivrin*) — озеро и водопады под сенью Эред Ветрин, где брала начало река Нарог.

Идриль (*Idril*) — прозванная *Келебриндал* (*Celebrindal*) «Среброногая», дочь Тургона. Ее мать Эленвэ погибла при переходе через Хелькараксэ, Скрежещущий Лед. В очень поздней заметке говорится: «Тургон сам едва не погиб в стылых водах, попытавшись спасти ее и их дочь Идриль: предательский лед, подломившись, швырнул их в предательское море. Идриль он спас; но тело Эленвэ погребло осыпавшимся льдом». Идриль стала женой Туора и матерью Эаренделя.

Изгнанники (*The Exiles*) — мятежники-нолдор, возвратившиеся в Средиземье из Амана.

Илуватар (*Ilúvatar*) — Создатель. Это имя состоит из элементов *Или* «Все Сущее, Вселенная» и *atar* «отец».

Йльмир (*Ylmir*) — форма имени Ульмо (*Ulmo*) на языке номов.

Илькоринди, ѓлькорины, (Ilkorindi, Ikorins) — эльфы, которые никогда не жили в Коре, в Валиноре.

Ильфи́ниол (Ifiniol) — эльфийское имя *Сердечка (Littleheart)*.

Ингвэ (Ingwë) — вождь Светлых эльфов в великом походе от Куивизнена. В тексте «Квента Нолдоринва» говорится, что «он вступил в Валинор, и пребывает у престола Властей, и все эльфы чтят его имя; но он никогда больше не возвращался во Внешние земли».

Инглор (Inglor) — имя Финрода Фелагунда на ранней стадии.

Исфин (Isfin) — сестра короля Тургона; мать Маэглина, жена Эола.

Йаванна (Yavanna) — Йаванна была величайшей из Королев Валар, после Варды; она — «Дарительница Плодов» (так переводится ее имя); «ей дорого все, что растет в земле». Йаванна дала бытие Древам, которые росли у врат Валмара и освещали Валинор. См. *Палуриэн*.

Квэнди (Quendi) — раннее название для всех эльфов, означающее «Те, что наделены голосами»; позже название первых трех отрядов в великом походе от Куивизнена. См. *Светлые эльфы*.

Кэлегорм (Celegorm) — сын Феанора по прозвищу Прекрасный.

Кирдан Корабел (Círdan the Shipwright) — правитель Фаласа (западного побережья Белерианда); при уничтожении Гаваней в этой области Морготом после Битвы Бессчетных Слез Кирдан бежал на остров Балар и в область Устьев Сириона и продолжил строить корабли. Это тот самый Кирдан

Корабел, который фигурирует во «Властелине Колец» как владыка Серых Гаваней в конце Третьей Эпохи.

Kírim Hínniach (*Cirith Ninniach*) — «Радужная расселина»; см. *Крис-Ильфинг*.

Kor (*Kôr*) — холм в Валиноре, глядящий на залив Фаэри; на этом холме был возведен эльфийский город Тун, позже переименованный в Тирион; а также и название самого города. См. *Илькоринди*.

Край Ив (*Land of Willows*)* — дивной красоты край, где река Нарог впадала в Сирион, к югу от Нарготронда. Его эльфийское название — *Нан-тáтрин* (*Nan-tathrin*) «Ивовая долина» и *Тасáринан* (*Tasarinan*). В «Двух крепостях» (Книга III, гл. 4), когда Древообрад, шагая через лес Фангорн и неся на согнутых руках-ветках Мерри и Пиппина, пел хоббитам, первые слова его были:

В ивовых лугах Тасаринана бродил я весной.

А! Краса и благоухание весны в Нан-тасарионе!

Кра́нтур (*Cranthir*) — сын Феанора по прозвищу Темный; имя было изменено на *Ка́рантур* (*Caranthir*).

Крис-Йльфинг (*Cris-Ilfing*) — «Радужная расселина»; ущелье, по которому струилась река, вытекающая из озера Митрим. Название было заменено на *Kírim Хэльвин* (*Kirith Helvin*), и наконец на *Kírim Hínniach* (*Cirith Ninniach*).

Криссáэgrim (*Crissaegrim*)* — горные пики к югу от Гондолина, где находились гнездовья Торондора, Владыки Орлов.

Кри́сторн (*Cristhorn*) — эльфийское название для *Расселины Орлов* (*Cleft of Eagles*). Было заменено на название *Kírim-тóронат* (*Kirith-thoronath*).

Крот (*The Mole*) — черный Крот был гербом Меглина и его дома.

Крыло (*The Wing*) — герб Туора и его приверженцев.

Куивиэнен (*Cuiviénen*) — «воды пробуждения» эльфов далеко на Востоке Средиземья: «темное озеро среди громадных камней, и поток, что его питает, бежит к нему вниз по глубокой расселине бледной, тонкой струйкой».

Ку́руфин (*Curufin*) — сын Феанора, прозванный Искусным.

Ламмотские горы Эха (*Echoing Mountains of Lammoth*)* — горы Эха (Эред Ломин) образовывали «западную стену» Хитлума; Ламмот — область между этими горами и морем.

Ласточка (*The Swallow*) — название одного из родов гондотлим.

Лáурелин (*Laurelin*) — имя Златого Древа Валинора.

Лебединая гавань (*Swanhaven*) — главный город телери (Морских эльфов) на побережье к северу от Кора. По-эльфийски *Алквалондэ* (*Alqualondë*).

Леголас Зеленый Лист (*Legolas Greenleaf*) — эльф Дома Древа в Гондолине, обладавший способностью превосходно видеть в темноте.

Лина́эвен (*Linaewen*) — огромное озеро в Неврасте «посреди долины».

Лйсгард (*Lisgardh*) — «Край тростников в Устьях Сириона». См. *Арлусион*.

Лóрган (*Lorgan*) — предводитель восточан Хитлума, поработивший Туора.

Лóриэн (*Lórien*) — Валар Мандос и Лориэн звались братьями и именовались *Фáнтури* (*Fanturi*): Мандос был *Нефáнтур* (*Nefantur*), а Лориэн — *Олофáнтур* (*Olofantur*). Как и Мандос, Лориэн — название места обитания Валы,

но также и его имя собственное. Он — «повелитель снов и видений».

Лóтлим (*Lothlim*) — «народ Цветка»: это имя взяли себе уцелевшие беглецы из Гондолина в своем поселении близ Устьев Сириона.

Луг (*Lug*) — орк, убитый Туором.

Ма́глор (*Maglor*) — сын Феанора, прозванный Могучим; прославленный певец и менестрель.

Ма́йдрос (*Maidros*) — старший сын Феанора, прозванный Высоким.

Ма́лдуин (*Malduin*)* — приток Тейглина.

Малкара́уки (*Malkarauki*) — эльфийское название *ба́лрогов* (*Balrogs*).

Ма́нвэ (*Manwë*) — главный и самый могущественный из Валар; супруг Варды; владыка королевства Арда. См. *Сулмо*.

Ма́ндос (*Mandos*) — место обитания великого Валы Намо, по которому обычно именуется и он сам. Я привожу здесь описание Мандоса из краткого текста «Валаквента»:

[Мандос] — хранитель Домов Умерших, он созывает души убитых. Он ничего не забывает и знает все, что произойдет, кроме того разве, что подвластно одному Илуватару. Он — Судия Валар, но объявляет он свой приговор и возглашает судьбу только по повелению Манвэ. Вайрэ, Ткачиха, — его супруга: все, что когда-либо случилось во Времени, вплетает она в свои тканые гобелены. Чертоги Мандоса, что с ходом веков делаются все шире и просторнее, завешаны ими.

См. *Лориэн*.

Мэглин (*Meglin*) (позже — *Мáэглин* (*Maeglin*)) — сын Эола и Исфин, сестры короля Тургона; он выдал Гондолин Морготу, совершив самое постыдное предательство в истории Средиземья; сражен Туором.

Мéлет (*Meleth*) — нянюшка Эаренделя.

Мéлиан (*Melian*) — майя из свиты Валы Лориэна в Валиноре: она пришла в Средиземье и стала королевой Дориата. «Она призвала на помощь свое могущество [как говорится в «Серых Анналах», см. стр. 221] и оградаила весь этот край незримой стеною тени и морока; и никто впредь не мог пройти через Пояс Мелиан вопреки ее воле либо вопреки воле короля Тингола». См. *Тингол* и *Дориат*.

Мéлько (*Melko*), поздняя форма имени — *Мéлькор* (*Melkor*) — «Тот, кто восстает в мощи», имя могущественного злого Айну до того, как он стал «Морготом». «Могущественнейшим из Айнур, пришедших в Мир, был в начале своего бытия Мелькор. [Его] не причисляют более к Валар, и даже имени его не произносят на Земле». (Из текста под названием «Валаквента».)

Менéгрот (*Menegroth*)* — см. *Тысяча Пещер*.

Мíнас короля Фíнрода (*Minas of King Finrod*) — башня (Минас Тирит), возведенная Финродом Фелагундом. Эта огромная сторожевая башня, построенная им на Тол Сирионе, острове в Ущелье Сириона, который, будучи захвачен Сауроном, стал называться *Тол-ин-Гáурхот* (*Tol-in-Gaurhoth*), Остров Волколаков.

Мíтрим (*Mithrim*)* — огромное озеро на юге Хитлума, а также и область, в которой озеро находилось, и горы к западу.

Молот Гнева (*The Hammer of Wrath*) — название одного из родов гондотлим.

Морские эльфы (*Sea-elves*) — название третьего отряда эльфов в великом походе от Куивизнена. См. *Телери* и примечание на стр. 308.

Мóргот (*Morgoth*) Это имя («Черный Враг» и другие варианты перевода) встречается в «Утраченных сказаниях» только один раз. Его впервые дал Врагу Феанор после похищения Сильмарилей. См. *Мелько* и *Бауглир*.

Мóэлег (*Moeleg*) — имя Мелько на языке номов; номы не произносят этого имени, но называют его — *Моргот Бауглир*, Темная Власть Ужаса.

Нан-тáтприн (*Nan-tathrin*)* — эльфийское название *Края Ив* (*Land of Willows*).

*Нарготронд** (*Nargothrond*)* — огромный город-крепость в пещерах на реке Нарог в Западном Белерианде, основанный Финродом Фелагундом и уничтоженный драконом Глаурунгом.

Нарквэлиэ (*Narquelië*) — десятый месяц, соответствующий октябрю.

Нáрог (*Narog*)* — река, что брала начало в озере Иврин под сенью Эред Ветрин и впадала в Сирион в Краю Ив.

Небесная Арка (*Heavenly Arch*) — название одного из родов гондотлим.

Нéвраст (*Nevrast*)* — область к юго-западу от Дор-ломина, где жил Тургон до того, как отправился в Гондолин.

Незабвенник (*Evermind*) — белый неувядающий цветок.

Нéсса (*Nessa*) — «королева Валар», сестра Ваны и супруга Тулкаса.

* Касательно постановки ударения в этом слове, см. предисловие «От переводчика». — *Примеч. пер.*

Нй́нниах, дол (*Ninniach, Vale of*) — место Битвы Бессчетных Слез; но под этим названием встречается только здесь.

Нй́рнаэт Арнóбдуа́д (*Nirnaeth Arnoediad*) — Битва Бессчетных Слез. Часто называется просто «Нирнаэт». См. примечание на стр. 303.

Но́лдо́ли, но́лдо́р (*Noldoli, Noldor*) — более ранняя и более поздняя формы названия второго отряда эльфов в великом походе от Куивизнена. См. *Номы, Глубокомудрые эльфы*.

Но́мы (*Gnomes*) — ранний вариант перевода названия эльфов *но́лдо́ли* (*Noldoli*) (позже *но́лдо́р* (*Noldor*)). Касательно разъяснения употребления слова *номы* в данном значении см. «Берен и Лутиэн», стр. 36–37. Их язык назывался номским.

Ност-на-Лóтион (*Nost-na-Lothion*) — «Рождение Цветов», весенний праздник в Гондолине.

Озера Сумерек (*Meres of Twilight*) — **Аэлин-уиал**, область болот и заводей, одетая туманом, где Арос, вытекая из Дориата, впадал в Сирион.

Одинокий остров (*Lonely Isle*) — **Тол Эрэссеа** (*Tol Eressea*): огромный остров в Западном океане в пределах видимости побережья Амана. О его ранней истории см. стр. 34.

Окружные горы/холмы (*Encircling Mountains/Hills*) — горы, опоясывающие равнину Гондолина. Эльфийское название — *Эхо́риат* (*Echoriath*).

О́ркобал (*Orcobal*) — великий орочий воин, сраженный Эктелионом.

О́рки (*Orcs*) — в примечании к этому слову мой отец написал: «Народ, придуманный и созданный Морготом для войны с эльфами и людьми; иногда переводится как «гоб-

лины», но они были почти человеческого роста». См. *Гламхот*.

Орлиный поток (*Eagle-stream*) — см. *Торн Сир*.

Оромэ (*Oromë*) — Вала, сын Йаванны, прославлен как величайший из охотников; только они с Йаванной одни из всех Валар иногда приходили в Средиземье в Древние Дни. Верхом на своем белом коне Нахаре вел эльфов в великом походе от Куивиэнена.

Орфалх Эхор (*Orfalch Echor*) — огромная расселина в Окружных горах, через которую шел путь в Гондолин.

Оссэ (*Ossë*) — майа, вассал Улмо; в «Валаквенте» он описан так:

Он — хозяин морей, что омывают берега Средиземья. Он не спускается в подводные глубины, предпочитая побережья и острова, более же всего любит он ветра Манвэ, ибо в бурях — его отрада, и с ревом волн сливается его хохот.

Отрод (*Othrod*) — один из предводителей орков, убит Туором.

Палисор (*Palisor*) — дальняя область на Востоке Средиземья, где пробудились эльфы.

Палуриэн (*Palúrien*) — имя Йаванны; оба имени зачастую употребляются вместе. Позже имя *Палуриэн* было заменено на *Кементари* (*Kementári*); оба имени имеют такие значения как «Королева Земли», «Госпожа Широкой Земли».

Пелег, сын Индора, сына Фэнгеля (*Peleg son of Indor son of Fengel*) — в самой первой генеалогии Пелег был отцом Туора. (См. *Тунглин*).

Пелóri (*Pelóri*) — см. *Горы Валинора*.

Пёнлод (*Penlod*) — владыка народа Столпа и Снежной Башни в Гондолине.

Пересохишая река (*The Dry River*) — русло реки, которая некогда вытекала из-под Окружных гор и впадала в Сирион; образовывала вход в Гондолин.

Пояс Мэлиан (*Girdle of Melian*) — см. Мелиан.

Преисподние Железа (*Hells of Iron*) — Ангбанд. См. примечание про «Железные горы», стр. 302.

Приговор Мándоса (*Doom of Mandos*) — см. примечание на стр. 307.

Пророчество Мándоса (*Prophecy of Mandos*) — см. примечание на стр. 307.

Прядильщица Мглы (*Gloomweaver*) — см. Унголиант.

Путь Спасения (*The Way of Escape*) — туннель под Окружными горами, выводящий на равнину Гондолина. Эльфийское название — Бад Утвен (*Bad Uthwen*).

Расселина Орлов (*Cleft of Eagles*) — в южной оконечности Окружных гор над Гондолином. Эльфийское название — Крúсторн (*Cristhorn*).

Рiан (*Rían*) — жена Хуора, мать Туора; умерла на равнине Анфауглит после гибели Хуора.

Рог (*Rog*) — владыка народа Гневного Молота в Гондолине.

Сáлгант (*Salgant*) — владыка народа Арфы в Гондолине. Описан как «трус».

Светлые эльфы (*Light-elves*) — название первого отряда эльфов в великом походе от Куивиэнена. См. Квенди и примечание на стр. 308.

Сердечко (*Littleheart*) — эльф с Тол Эрессеа, рассказчик исходного сказания «Падение Гондолина». В «Утраченных сказаниях» он описан так: «...у него обветренное лицо и искрящиеся весельем синие глаза; он хрупок и невысок, так что никто не смог бы сказать, сколько ему лет, пятьдесят или десять тысяч»; говорится также, что именем своим он обязан «юности и неиссякаемому удивлению сердца своего». В «Утраченных сказаниях» у него множество эльфийских имен; но в данной книге использовано только *Ильфíниол* (*Ilfiniol*).

«Серые Анналы» (*Grey Annals*) — см. стр. 221.

Серые эльфы (*Grey-elves*) — синдар. Это имя было дано тем эльдар, которые остались в Белерианде и дальше на Запад не пошли.

Сильпион (*Silpion*) — Белое Древо; см. *Древа Валинора* и *Тельпериион*.

Синдар (*Sindar*) — см. *Серые эльфы*.

Си́рион (*Sirion*)* — Великая Река, брала начало в месте под названием Эйтель Сирион («Исток Сириона») и, отделяя Западный Белерианд от Восточного, впадала в Великое море в заливе Балар.

Скрежещущий Лед (*The Grinding Ice*) — На крайнем Севере Арды лежал пролив между «западным миром» и побережьем Средиземья; в одном из текстов «Скрежещущий Лед» описан так:

В этом узком проливе сливаются воедино студёные воды Окружного моря [см. Внешние моря] и волны Великого моря Запада; там нависают густые туманы и марево смертоносного холода; там морские потоки загромождены ледяными скалами, что с грохотом сталкиваются друг с дру-

гом, и слышится скрежет глыб, таящихся глубоко под водой. Таков Хелькараксэ.

Снежная Башня (*The Tower of Snow*) — название одного из родов гондотлим. См. *Пенлод*.

Сокрытый Король (*The Hidden King*) — Тургон.

Сокрытый народ (*The Hidden People*) — см. *Гондотлим*.

Сокрытое Королевство (*The Hidden Kingdom*) — Гондолин.

Сорóнтур (*Sorontur*) — «Король Орлов», см. *Торондор*.

Столп (*The Pillar*) — название одного из родов гондотлим. См. *Пенлод*.

Су́лимо (*Súlimo*) — это имя, называющее Манвэ богом ветра, зачастую добавляется к его первому имени. Он прозывается «Владыка Воздуха», но именование Сулимо было снабжено переводом, по-видимому, лишь единожды: «Владыка Дыхания Арды». Родственные слова — *síya* «дыхание» и *síle* «дышать».

Су́лимэ (*Súlimë*) — третий месяц года, соответствует марту.

Тангорóдрим (*Thangorodrim*) — трехглавая гора, возведенная Мелько над своей громадной подземной крепостью-тюрьмой Ангбандом.

Тани́кветиль (*Taniquetil*) — самая высокая из гор Пелори (горы Валинора) и самая высокая гора Арды; на ее вершине возведена обитель Манвэ и Варды (Ильмарин).

Та́рас (*Taras*) — огромная гора на западном мысу Невраста; у ее подножия находился Виньямар.

Та́рнин Ау́ста (*Tarnin Austa*) — «Врата Лета», праздник в Гондолине.

Тáур-на-Фúин (*Taur-na-Fuin*)* — «Лес Ночи»; изначально назывался *Дортóнион* (*Dorthonion*) «Земля Сосен» — обширные лесистые нагорья к северу от Белерианда.

Тéйглин (*Teiglin*)* — приток Сириона, брал начало в Эред Ветрин.

Тéлери (*Teleri*) — третий отряд эльфов в великом походе от Куивизэнена.

Тельпéрион (*Telperion*) — имя Белого Древа Валинора.

Тимбрентинг (*Timbrenting*) — древнеанглийское название Таникветили.

Тúнгол (*Thingol*) — предводитель третьего отряда (телери) в великом походе от Куивизэнена; более ранний вариант имени — *Тúнвелинт* (*Tinwelint*). Он так и не вернулся в Кор, но стал королем Дориата в Белерианде.

Торн Сир (*Thorn Sir*) — водопад и река под Кристорном.

Тóрнхот (*Thornhoth*) — «народ Орла».

Торóндор (*Thorondor*) — «Король Орлов», номский вариант эльдарского имени *Сорóнтур* (*Sorontur*); ранняя форма — *Тóрндор* (*Thorndor*).

Ту (*Thú*), более поздняя форма *Сáурон* (*Sauron*) — могущественный военный Мелько, спасшийся в Последней Битве.

Тысяча Пещер, *Менéзром* (*Thousand Caves, Menegroth*) — потаенные чертоги Тингола и Мелиан.

Тúлкас (*Tulkas*) — об этом Вале, «превосходящем всех Богов телесною силой и не знавшем себе равных в деяниях доблести и отваги», в «Валаквенте» говорится:

Он пришел в Арду последним, чтобы помочь Валар в первых битвах с Мелькором. Он любит борьбу и состязания в силе; верхом он не ездит, ибо в беге его не обгонит никто и ничто, и не ведает он усталости. Ему мало дела до

прошлого и до будущего, и как от советчика помощи от него немного; но друг он надежный.

Тумладен (*Tumladen*) — «гладкая долина», «Хранимая Равнина» Гондолина.

Тун (*Tûn*) — эльфийский город в Валиноре: см. *Кор*.

Тунглин (*Tunglin*) — «народ Арфы»; в раннем, вскоре оставленном тексте «Падение Гондолина» это имя дано народу, жившему в Хитлауме после Битвы Бессчетных Слез. К этому народу принадлежал Туор (см. *Пелег*).

Ту́ор (*Tuor*) — Туор был потомком (правнуком) прославленного Хадора Лориндола («Хадора Златовласого»). В «Лэ о Лейтиан» о Берене говорится:

*Был Берену неведом страх:
За доблесть в сечах и боях
Он был отмечен меж имен
Воителей былых времен.
Шел слух: прославится герой
В веках, как Хадор Золотой...*

Финголфин вручил Хадору власть над Дор-ломином, и его потомки именовались Домом Хадора. Отец Туора Хуор погиб в Битве Бессчетных Слез, и его мать, Риан, умерла от горя. Хуор и Хурин были братьями, сыновьями Галдора Дор-ломинского, сына Хадора; Хурин был отцом Турина Турамбара; тем самым Туор и Турин приходились друг другу двоюродными братьями. Но повстречались они лишь однажды и, не узнав друг друга, разминулись: об этой встрече рассказывается в тексте «О Туоре и падении Гондолина».

Ту́ргон (*Turgon*) — второй сын Финголфина, основатель и король Гондолина, отец Идрили.

Ту́рлин (*Turlin*) — недолго просуществовавшее имя, в итоге было заменено на Ту́ор (*Tuor*).

Ўинен (*Uinen*) — «Владычица Морей»; майя, жена Ос-сэ. В тексте под названием «Валаквента» о ней говорится:

[Ее] волосы пронизывают все воды под небесным сводом. Ей дороги все создания, что обитают в соленых потоках, и все водоросли, что растут на дне. Это к ней взывают моряки, ибо она может успокаивать волны, сдерживая буйство Оссэ.

Ўлдор проклятый (*Uldor the accursed*) — вождь той части людей, что пришли на Запад Средиземья и предательски вступили в союз с Морготом в Битве Бессчетных Слез.

Ўлмо (*Ulmo*) — Нижеприведенный текст взят из описания великого Вала, который «в могуществе уступает лишь Манвэ», из текста под названием «Валаквента», где рассказывается о каждом из Валар по отдельности.

Ибо в мыслях держал он [Ўлмо] всю Арду, а в месте для отдыха он не нуждается. Более того, ступать по твердой земле он не любит и редко облекается в телесную форму по примеру своих братьев. Если случалось узреть его [людям или эльфам], их охватывал неодолимый страх, — ибо ужасно явление Короля Моря, подобно вздымающейся волне, что надвигается на землю, увенчанная темным шлемом с пенным гребнем, одетая в броню, мерцающую серебром и темно-зеленым. Громок звук труб Манвэ, но голос Ўлмо глубок, словно океанские глубины, которых никто, кроме него, не видел.

Однако же Ўлмо любит и эльфов, и людей, и никогда не оставлял их своим благоволением — даже когда гнев Валар обращался против них. Порой выходит он, незримый, на берега Средиземья, или еще дальше, в глубь материка, вверх по узким морским заливам, и там трубит в рога, гигантские

Улумури, что сработаны из белых морских раковин. Если кому доведется услышать ту музыку, вечно звучит она потом в их сердцах, и не оставляет их более тоска по морю. Однако чаще всего говорит Ульмо с обитателями Средиземья голосами, что слышны только в музыке вод. Ибо все моря, озера, реки, фонтаны и родники — в его власти; поэтому эльфы говорят, что дух Ульмо струится во всех водных жилах мира. Так даже в пучине узнает он обо всем, обо всех нуждах и горестях Арды.

Улмонан (*Ulmonan*) — чертоги Ульмо во Внешнем море.

Унголиант (*Ungoliant*) — чудовищная паучиха, прозванная Прядильщицей Мглы, жила в Арвалине. Вот что говорится об Унголиант в тексте «Квента Нолдоринва»:

Там [в Арвалине], втайне, неведомо для всех, обитала в обличии паучихи Унголиант Прядильщица Мглы. Нигде не сказано, откуда взялась она, — может статься, из внешней тьмы, что лежит за пределами Стен Мира [см. *Внешние моря*].

Фалас (*Falas*)* — западное побережье Белерианда к югу от Невраста.

Фаласквилль (*Falasquill*) — защищенное место в скалах на морском побережье, где Туор жил некоторое время. Со всей очевидностью, это была небольшая бухточка, изображенная (но не подписанная) на карте авторства моего отца, в длинном заливе (под названием Дренгист), уводящем на восток к Хитлуму и Дор-ломину. Говорится, что древесина для корабля Эаренделя «Вингилот» («Пенный цветок») была привезена из Фаласквилля.

Фалатрим (*Falathrim*) — эльфы-телери Фаласа.

Фéанор (*Fëanor*) — старший сын Финвэ, создатель Сильмарилей.

Финáрфин (*Finarfin*) — третий сын Финвэ; отец Финрода Фелагунда и Галадриэли. После бегства нолдор он остался в Амане.

Фíнвэ (*Finwë*) — предводитель второго отряда (нолдоли) в великом походе от Куивизэнена; отец Феанора, Финголфина и Финарфина.

Фингóлма (*Fingolma*) — раннее имя Финвэ.

Фингóлфин (*Fingolfin*) — второй сын Финвэ; отец Фингона и Тургона; Верховный король нолдор Белерианда; пал в поединке с Морготом у врат Ангбанда (поединок описан в «Лэ о Лейтиан», «Берен и Лутиэн», стр. 189 и далее).

Фíнгон (*Fingon*) — старший сын Финголфина; брат Тургона; Верховный король нолдор после смерти Финголфина; погиб в Битве Бессчетных Слез.

Финдúилас (*Finduilas*) — дочь Ородрета, короля Нарготронда после Финрода Фелагунда. Носила прозвище Фаэливрин (*Faelivrin*), означающее «блик солнца на заводах Иврины».

Финн (*Finn*) — форма имени Финвэ на языке номов.

Фíнрод Фéлагунд (*Finrod Felagund*) — старший сын Финарфина; основатель и король Нарготронда, отсюда его прозвище Фелагунд «прорубающий пещеры». См. Инглор.

Фио́нвэ (*Fionwë*) — сын Манвэ; предводитель воинства Валар в Великой Битве.

Фонтан (*The Fountain*) — название одного из родов гондотлим. См. Эктелион.

Ха́дор (*Hador*) — см. *Туор*. Дом Хадора назывался Третьим Домом Эдайн. Сын Хадора Галдор был отцом Хурина и Хуора.

Ха́уд-эн-Нде́нгин (*Haudh-en-Ndengin*) — «Курган Павших» в пустыне Анфауглит — огромный могильный холм, в котором погребены все эльфы и люди, погибшие в Битве Бессчетных Слез.

Хе́ндор (*Hendor*) — домочадец Идрили, несший Эаренделя при бегстве из Гондолина.

Хисило́мэ (*Hisilómë*) — название *Хи́тлума* (*Hithlum*) на языке номов.

Хи́симэ (*Hísimë*) — одиннадцатый месяц года, соответствующий ноябрю.

Хи́тлум (*Hithlum*)* — обширная область, название которой переводится как «Земля Тумана», «Сумеречный Туман»; протянулась к северу от громадной стены Эред Ветрин, гор Тени; к югу от этой области лежали Дор-ломин и Митрим. См. *Хисиломэ*.

Холм Бдения (*Hill of Watch*) — см. *Амон Гварет*.

Хранимая равнина (*Guarded Plain*) — Тумладен, равнина Гондолина.

Ху́ор (*Huor*) — брат Хурина, муж Риан и отец Туора; погиб в Битве Бессчетных Слез. См. примечание «Хурин и Гондолин», стр. 299.

Ху́рин (*Húrin*) — отец Турина Турамбара брат Хуора, отца Туора; см. примечание «Хурин и Гондолин», стр. 299.

Черный Меч (*Мóрмегиль*) (*The Blacksword (Mormegil)*) — прозвище, данное Турину, из-за его меча Гуртанг («Железо Смерти»).

Эарáмэ (*Eärámtë*) — «Орлиное Крыло», корабль Туора.

Эарéндель (*Eärendel*) (поздняя форма *Эарéндиль* (*Eärendil*)) — «Полуэльф»: сын Туора и Идрили, дочери Тургона; отец Эльронда и Эльроса. См. примечание на стр. 305.

Эктéлион (*Ecthelion*) — владыка народа Фонтана в Гондолине.

Эдайн (*Edain*) — люди Трех Домов Друзей эльфов.

Эгáлмот (*Egalthoth*) — владыка народа Небесной Арки в Гондолине.

Эгларест (*Eglarest*)* — южная гавань Фаласа.

Элёммакиль (*Elemmakil*) — эльф Гондолина, командир стражи внешних врат.

Эльвинг (*Elwing*) — дочь Диора; стала женой Эаренделя; мать Эльронда и Эльроса.

Эльдáлиэ (*Eldalië*) — «народ эльфов»; используется как синоним слова *эльдар* (*Eldar*).

Эльдар (*Eldar*) — в ранних произведениях имя *эльдар* употреблялось по отношению к эльфам великого похода от Куивизэнена, поделенным на три отряда: см. *Светлые эльфы*, *Глубокомудрые эльфы* и *Морские эльфы*; касательно этих этнонимов см. примечательную цитату из «Хоббита», приведенную на стр. 309. Впоследствии этот этноним мог использоваться как противопоставление *нолдоли* (*Noldoli*); а язык эльдар противопоставлялся номскому (языку нолдоли).

Эльронд (*Elrond*) и *Эльрос* (*Elros*) — сыновья Эаренделя и Эльвинг. Эльронд выбрал принадлежать к Первородженным; он стал владыкой Ривенделла и хранителем кольца Вилья. Эльрос был причислен к людям и стал первым королем Нуменора.

Список имен и названий

Эльфинесс, эльфийский край (*Elfiness*) — собирательное название для всех эльфийских земель в целом.

Ёл (*Eöl*) — лесной «темный эльф», пленивший Исфин; отец Маэглина.

Эред Вётрин (*Ered Wethrin*) (ранняя форма Эредвэтион (*Eredwethion*)) — горы Тени («Стены Хитлума»). См. примечание «Железные горы», стр. 302.

Эхориат (*Echoriath*) — см. Окружные горы.

Дополнительные примечания

Айнур

Имя *Айнур* переводится как «Священные» и восходит к мифу моего отца о Сотворении Мира. Согласно письму от 1964 года (фрагмент которого я уже цитировал на стр. 28), мой отец набросал исходную концепцию в Оксфорде, «работая в штате составителей тогда еще не законченного великого Словаря» с 1918–1920 гг. «В Оксфорде, — говорится далее в письме, — я написал космогонический миф “Музыка Айнура”, объяснив отношения Единого, трансцендентального Творца, и Валар, “Властей”, Первотворений ангельской природы, и их роль в упорядочении и осуществлении Исходного Замысла».

Переход от предания «Падение Гондолина» к мифу о Сотворении Мира может показаться излишним отступлением, но я надеюсь, вскоре станет понятно, для чего я его привожу.

Центральная концепция «космогонического мифа» заявлена в самом заглавии: «Музыка Айнура». Новый его вариант, «Айнулиндалэ» («Музыка Айнура»), в основном близко следующий исходному тексту, мой отец написал

только в 1930-х гг. Именно из этого варианта я заимствую цитаты для своего нижеследующего краткого пересказа.

Творец Вселенной — Эру, Единый, чаще именуемый Илуватар, что означает «Всеотец». В «Айнулиндалэ» говорится о том, как, прежде всего прочего, Эру создал Айнур, «что явились порождением его мысли, и пребывали они с ним до начала Времени. И обратился он к ним, и задал музыкальные темы. И запели они перед ним, каждый в свой черед, а остальные внимали». Так начинается «Музыка Айнур»; ибо Илуватар призвал их всех и объявил им грандиозную тему, которую им должно было согласно воплотить в «Великую Музыку».

Когда же Илуватар привел эту великую музыку к завершению, он возвестил Айнур, что он, будучи Властелином Всего Сущего, преобразовал все, что они играли и пели, и дал всему этому жизнь, форму и бытие, как самим Айнур. А затем вывел их во тьму.

Когда же пришли они в самое сердце Пустоты, увидели они зрелище дивной красоты там, где прежде не было ничего. И рек Илуватар: «Узрите свою музыку! Ибо по моей воле она обрела форму, и ныне начинается история мира».

Я завершаю свой рассказ фрагментом, крайне важным для этой книги. Это разговор между Илуватаром и Ульмо касательно царства Владыки Вод. Далее следует:

А пока Илуватар говорил с Ульмо, узрели Айнур, как мир разворачивается и начинается его история, которую Илуватар задал им как тему песни. А так как Айнур помнят слова Илуватара и знают ту часть музыки, что сотворил

каждый из них, многое известно Айнур о том, что будет, и мало что сокрыто от их взора.

Если мы рассмотрим этот отрывок вместе с прорицанием Ульмо касательно Эаренделя, что я описал как «чудесное» (стр. 230), может показаться, что Ульмо заглянул очень далеко в прошлое, чтобы узнать наверняка, что сулит ближайшее будущее.

Остается отметить еще одно свойство Айнур. Протицирую еще раз «Айнулиндалэ»; в нем говорится, что:

А пока глядели они, многие возлюбили красоту мира, и увлекла их история, что обрела бытие, и овладел ими покой. Вот так случилось, что иные остались подле Илуватара, за пределами мира <...>. Но прочие Айнур, и среди них немало могущественнейших и прекраснейших, испросили у Илуватара дозволения вступить в мир и поселиться там, и облечься в формы и одежды Времени <...>.

И вот те, кто пожелал того, спустились и вошли в мир. Но одно условие поставил перед ними Илуватар: чтобы сила их отныне была заключена в мире и ограничена им, и вместе с ним окончилась; и не открыл Илуватар своего замысла касательно того, что с ними станет после.

Так Айнур, коих мы называем Валар, или Власти, вступили в мир и поселились в разных местах: в небесной тверди, и в глубинах моря, и на Земле, и в Валиноре на границах Земли. И самыми могучими из них были четверо: Мелько и Манвэ, и Ульмо и Аулэ.

Далее следует описание Улмо, что приводится в «Музыке Айнур» (стр. 234).

Из вышеизложенного следует, что слово *Айнур*, ед.ч. *Айну*, можно порою использовать как синоним *Валар*, *Вала*: как, например, «сами Айнур вложили в его сердце», стр. 47.

Напоследок я должен добавить, что в этом кратком пересказе «Музыки Айнур» я намеренно опустил одну из центральных сюжетных линий в истории Сотворения Мира: грандиозную и разрушительную роль Мелько/Моргота.

Хурин и Гондолин

Эта история содержится в относительно позднем тексте, который мой отец называл «Серыми Анналами» (см. стр. 221). Там рассказывается о том, как Хурин и его брат Хуор (отец Туора) «оба отправились на битву с орками, — даже Хуор, — ибо невозможно было удержать его, хотя в ту пору едва исполнилось ему тринадцать лет. Но отряд их оказался отрезан от главных сил, и враги преследовали братьев до брода Бритиах; там захватили бы их в плен либо убили, если бы не могущество Улмо, что до поры заключал в себе Сирион. Над рекою поднялся туман и укрыл сыновей Галдора от врагов: они бежали в Димбар и блуждали среди холмов под сенью отвесных стен Криссаэгрима. Но углядел их Торондор и выслал к ним двух орлов; и орлы подхватили отроков и перенесли их через горы в потаенную долину Тумладен, в сокрытый город Гондолин, каковой не видел доселе никто из смертных».

Король Тургон оказал им добрый прием, ибо Улмо загодя посоветовал ему приветливо обойтись с домом Хадо-

ра, откуда придет помощь в час нужды. Хурин и Хуор прогостили в Гондоре* год; и говорится, что за это время Хурин постиг отчасти намерения и замыслы короля; ибо Тургон очень привязался к отрокам и желал оставить их в Гондолине. Но Хурин и Хуор желали вернуться к своей родне, дабы сражаться в войнах и разделить невзгоды, выпавшие на ее долю. Тургон внял их просьбе и отвечал так: «Тем путем, каким прибыли вы сюда, вольны вы и уйти, ежели согласится Торондор. Горько мне расставаться с вами, однако, может статься, в скором времени, по меркам эльдар, встретимся мы вновь».

История заканчивается враждебными словами Маэглина, который всеми силами противостоял королевскому великодушию по отношению к гостям. «Закону теперь следуют не столь строго, как в былые дни, — заявил он, — иначе не было бы у вас иного выбора, кроме как остаться здесь до конца жизни». На это отвечал Хурин, что, ежели Маэглин им не доверяет, они поклянутся; и братья дали клятву вовеки не разглашать замыслов короля и молчать обо всем, что видели во владениях Тургона.

Годы спустя Туор скажет Воронвэ на побережье в Виньямаре (стр. 174): «Но что до моего права видеть Тургона: я не кто иной, как Туор, сын Хуора и родич Хурина, чьих имен Тургон не забудет».

Хурин был захвачен живым в Битве Бессчетных Слез. Моргот предложил вернуть ему свободу либо сделать величайшим и могущественнейшим из своих полководцев, «ес-

* Так в оригинале. По-видимому, авторская ошибка: следует читать «в Гондолине». — *Примеч. пер.*

ли он только откроет, где крепость Тургона». От этого предложения Хурин отказался с презрением и отвагой, глядя прямо в лицо Моргота. Тогда Моргот усадил его на каменное кресло на вершине Тангородрима и объявил Хурину, что, видя глазами Моргота, он станет наблюдать за злой судьбой тех, кого он любит, и ничто от него не укроется. Хурин выносил эту пытку в течение двадцати восьми лет, после чего Моргот освободил пленника. Он притворился, будто им движет сострадание к побежденному врагу, но он лгал. Он преследовал недобрую цель; а Хурин знал, что Моргот не ведает жалости. Однако он воспользовался свободой и ушел. В продолжении «Серых Анналов» под названием «Скитания Хурина», где рассказывается эта история, Хурин со временем добрался до Эхориата, Окружных гор Гондолина. Но пути дальше он не нашел, и, наконец, в отчаянии застыл «перед суровым безмолвием гор <...>. И, взобравшись наконец на большой камень, он широко раскинул руки и, глядя в сторону Гондолина, воскликнул громовым голосом: “Тургон! Хурин взывает к тебе. О Тургон, неужели не услышишь ты меня в своих потаенных чертогах?” Но не было ему ответа; лишь ветер шелестел в сухих травах. <...> Однако вражьи уши слышали слова Хурина, вражьи глаза заметили его жесты; и вскоре все известия достигли Темного Трона на Севере. Тогда улыбнулся Моргот: теперь он знал точно, в каком краю живет Тургон; хотя благодаря Орлам никаким соглядатаям не удавалось до поры пробраться в пределы видимости земли за Окружными горами».

Здесь мы снова имеем дело с меняющимся представлением моего отца о том, как Моргот обнаружил местонахо-

ждение Сокрытого королевства (см. стр. 131–132). История, изложенная в настоящем тексте, со всей очевидностью вступает в противоречие с фрагментом из текста «Квента Нолдоринва» (стр. 145), где ясно говорится о предательстве Маэглина, захваченного орками: он «купил жизнь и свободу, выдав Морготу, где находится Гондолин, какие тропы к нему ведут и как легче всего напасть на город. Возликовал Моргот...»

Действительно, как мне кажется, сюжет продвигается еще на шаг, в свете окончания фрагмента, приведенного выше, где крики Хурина выдали местонахождение Гондолина «к вящей радости Моргота». Это видно по пометке, на этом месте добавленной моим отцом в рукопись:

Позже, когда Маэглин, будучи захвачен, захочет купить свободу предательством, Моргот должен со смехом ответить, говоря: «Устаревшими новостями ничего не купишь. Об этом я уже знаю, мой взор ослепить не просто!» Так что Маэглин был вынужден предложить больше — ослабить оборону Гондолина.

Железные горы

На первый взгляд из ранних текстов явствует, что *Хисиломэ* (*Хитлум*) — это область, отличная от позднейшего Хитлума, поскольку помещена за пределы Железных гор. Однако я пришел к выводу, что речь идет просто-напросто об изменении названий, и это, безусловно, так и есть. В «Утраченных сказаниях» говорится, что Мелько, бежав из заточения в Валиноре, «отстроил себе новую обитель в той области Севера, где воздвиглись Железные горы —

головокружительно-высокие и грозные на вид»; а также что Ангбанд находился под корнями самых северных твердынь Железных гор: эти горы названы так потому, что под ними таятся «Преисподние Железа».

Объяснение состоит в том, что название «горы Железа» изначально употреблялось по отношению к хребту, позже названному «Тенистыми горами», или «горами Тени», *Эред Ветрин*. (Может быть, в то время, пока эти горы воспринимались как одна непрерывная гряда, их южный отрог — ограждающий Хитлум с юга и востока — получил другое название, отличающее его от жутких северных пиков над Ангбандом, самый могучий из которых — Тангордрим.)

К сожалению, в книге «Берен и Лутиэн» я не исправил статью «Хисиломэ» в «Списке имен и названий»: в ней говорится, что этот край обязан своим названием тому факту, что «мало солнца проникает за Железные горы к востоку и югу от него». В настоящем издании на стр. 50 я заменил «Железные» на «Тенистые».

Нирнаэт Арноэдиад: Битва Бессчетных Слез

В «Квенте Нолдоринва» говорится:

Теперь же должно поведать о том, что Майдрос, сын Феанора, после того, как Хуан и Лутиэн свершили свои подвиги и разрушены были башни Ту [Тол Сирион, Остров Волколаков; позже > Сауронова башня], постиг: Моргот не так уж неуязвим, однако уничтожит их всех одного за другим, если не создать вновь совета и союза. Таковым и стал Союз Майдроса, задуманный весьма мудро.

Последовавшая за тем грандиозная битва стала величайшей трагедией в истории войн Белерианда. Тексты изобилуют упоминаниями о Нирнаэте Арноэдиад, поскольку эльфы и люди потерпели сокрушительное поражение и нолдор были разгромлены. Погиб Фингон, король нолдор, сын Финголфина и брат Тургона; королевство его перестало существовать. Однако весьма примечательным событием в самом начале битвы стало вмешательство Тургона, выступившего за пределы загражденного Гондолина: об этом так рассказывается в «Серых Анналах» (о которых подробнее см. «Эволюция легенды», стр. 221):

Ко всеобщему изумлению и радости, послышался звук могучих труб Тургона: то маршем шло на битву неожиданное воинство. Это армия Тургона вышла из Гондолина, десять тысяч бойцов в сверкающих кольчугах и с длинными мечами; они встали лагерем южнее, охраняя ущелья Сириона.

Также в «Серых Анналах» содержится весьма примечательный фрагмент на тему Тургона и Моргота.

Но одна дума не давала покоя Морготу и омрачала его триумф; Тургон, которого ему особенно хотелось захватить, ускользнул из сети. Ибо Тургон происходил из могущественного дома Финголфина и ныне по праву стал королем над всеми нолдор, Моргот же боялся и ненавидел дом Финголфина более всех прочих, ибо род сей презирал его еще в Валиноре и водил дружбу с Ульмо, а также и потому еще, что Финголфин изранил Моргота в бою. Более того, встарь взор Моргота пал на Тургона, и тень омрачила душу Врага, предвещающая, что когда-нибудь в будущем, до поры сокрытом под сенью рока, Тургон явится орудием его гибели.

*Эарендель:
происхождение имени и образа*

Нижеследующий текст заимствован из пространного письма, написанного моим отцом в 1967 году на тему создания имен и названий внутри своей истории и заимствования имен извне таковой.

Прежде всего он отмечает, что имя *Эарендил* [*Eärendil* — *Прим. перев.*] (поздняя форма) со всей очевидностью восходит к древнеанглийскому слову *Earendel* — к слову, которое, как моему отцу казалось, обладало особенной красотой в этом языке. «Кроме того (продолжал он), его форма явно наводит на мысль о том, что по происхождению это имя собственное, а не нарицательное». На основе родственных форм в других языках мой отец с уверенностью сделал вывод, что слово это принадлежало к астрономическому мифу и являлось названием звезды или группы звезд.

«На мой взгляд, — писал он, — из словоупотребления в древнеанглийском явно следует, что это была звезда, предвещающая рассвет (по крайней мере, в английской традиции): та, которую мы сегодня называем “Венерой” — утренняя звезда, что ярко сияет на рассвете, перед тем, как встает солнце. Так, во всяком случае, я это воспринял. Еще до 1914 г. я написал “стихотворение” об Эаренделе, который вывел свой корабль, точно яркую искру, из гаваней Солнца. Я включил его в свою мифологию, в пределах которой он стал главным действующим лицом — как мореход и, в итоге как звезда-знамение, знак надежды людям. “*Айя Эарендил эленион анкалима*”, “Привет тебе, Эарендель, ярчайшая из

Звезд», восходит в изрядном отдалении к *“Éala Éarendel engla beorhtast”*».

Эти фразы и впрямь весьма отдалены друг от друга. Фраза на древнеанглийском взята из стихотворения «Христос», в котором в этом месте говорится: *«Éala! Éarendel engla beorhtast ofer middangeard monnum sended»*. Но, как ни странно на первый взгляд, эльфийские слова «Айя Эарендиль эленион анкалима», процитированные моим отцом в этом письме, являются отсылкой к эпизоду из главы «Логово Шелоб» во «Властелине Колец». Когда Шелоб приближается к Сэму с Фродо во тьме, Сэм восклицает: «Дар Владычицы! Звездная склянка! Светом во тьме станет он для вас, говорила она. Звездная склянка!» Фродо удивляется собственной забывчивости; его «рука медленно потянулась к груди — медленно поднял он над головою Фиал Галадриэли» <...> «Тьма отступала пред ним, пока не показалось, будто Фиал сияет в самом центре невесомой хрустальной сферы, а сжимающая его рука искрится белым огнем.

Фродо в изумлении глядел на дивный дар, который нес так долго, даже не подозревая о его истинной ценности и могуществе. Нечасто вспоминал о нем Фродо в пути, пока они с Сэмом не добрались до Моргульского дола, и ни разу им не воспользовался, опасаясь, что свет их выдаст. «Айя Эарендиль эленион анкалима!» — вскричал он, сам не зная, что такое сказал, ибо мнилось, какой-то иной голос вещает его устами, звонкий и чистый даже в тлетворном воздухе подземелья».

Далее в письме от 1967 года мой отец писал: «Но имя нельзя так вот просто взять да и использовать: его необхо-

димо было приспособить к эльфийской лингвистической ситуации, в то же время, как для данного персонажа отводилось место в легенде. Отсюда давным-давно, на заре истории “эльфийского языка”, что как раз на момент заимствования имени начал, после многих пробных попыток в отрочестве, обретать определенные очертания, со временем возникли (а) общеэльфийская основа AYAR “Море”, изначально употребляемая по отношению к Великому Западному морю <...>; и (б) элемент или глагольная основа (N) DIL, “любить, быть преданным кому-то / чему-то” <...>. Эарендиль стал персонажем самой ранней (1916–1917) из записанных основных легенд <...> Ульмо, один из могущественнейших Валар, владыка морей и вод, явился Туору и отослал его в Гондолин. Явление Ульмо заронило в сердце Туора неутолимую тоску по морю, именно поэтому он выбрал такое имя для сына, унаследовавшего эту тоску».

Пророчество Мандоса

В отрывке из «Очерка мифологии», приведенного в прологе, говорится (стр. 40), что когда нолдоли, восставшие против Валар, отплыли из Валинора, Мандос отправил к бунтарям посланца, и тот, пока нолдоли проплывали мимо, с высокого утеса предупредил их, чтобы они возвращались; когда же те отказались, он произнес Приговор Мандоса касательно их судьбы в последующие дни. Здесь я привожу фрагмент, рассказывающий об этом событии. Текст взят из первой версии «Анналов Валинора» — последним их вариантом являются «Серые Анналы» (см. «Эволюция легенды», стр. 221). Эта самая ранняя версия относится к тому же периоду, что и «Квента Нолдоринва».

Они [отбывшие нолдоли] достигли берегов, над которыми возвышается громадный утес; на его вершине встал Мандос или его посланник и возвестил Приговор Мандоса. Он проклял дом Феанора за то, что была им пролита кровь родичей; в меньшей же мере проклятье легло на тех, кто последовал за Феанором либо оказал ему поддержку. Чтобы отвратить судьбу, им должно было вернуться в Валинор, дабы ожидать там суда и прощения Валар. Иначе же злой рок и несчастья обрушатся на нолдоли: родичи станут предавать друг друга; клятва обратится против них же самих, и отчасти изведает они смертный удел, ибо оружие, пытки и горе будут с легкостью убивать их; и народ их истает и угаснет с приходом юной расы. И многое еще предрек Мандос в речах неясных и мрачных, что сбылось впоследствии, и упредил он, что отныне Валар оградят Валинор от нолдоли и не позволят им вернуться.

Однако Феанор, ожесточившись сердцем, продолжил свой путь. Так поступил и народ Финголфина, подчинившись, пусть и с неохотой, воле родичей и опасаясь приговора Богов (ибо и в доме Фингонфина нашлись те, кто был повинен в братоубийстве).

Также см. слова Ульмо, обращенные к Туору в Виньямаре, ПВ, стр. 169.

Три рода эльфов в «Хоббите»

В «Хоббите», ближе к концу главы 8, «Мухи и пауки», содержится такой фрагмент:

Дополнительные примечания

Понятное дело, это пировали Лесные эльфы <...> Они отличались от Высоких эльфов Запада и были не так мудры, зато более опасны. Ведь в большинстве своем (вместе со всей своей родней, расселившейся в холмах и горах) они происходили от древних племен, которые так и не добрались до страны Фаэри на Западе. Туда некогда отправились Светлые эльфы, и Глубокомудрые эльфы, и Морские эльфы, и прожили там много веков, и сделались прекраснее и мудрее, и обрели новые знания, и с помощью своей магии и искусного мастерства создали немало всего красивого и чудесного, прежде чем иные из них возвратились в Большой Мир.

Эти последние слова относятся к мятежным нолдор, которые покинули Валинор и в Средиземье стали известны как Изгнанники.

**Краткий глоссарий устаревших,
малоупотребимых и вышедших
из употребления слов***

affray — нападение, атака.

ambuscaded — попавший в засаду.

ardour — палящий жар (дыхания).

argent — серебряный или серебристо-белый.

astonied — ранняя форма слова *astonished* «изумленный, ошеломленный».

bested — осажденный, окруженный, атакованный [также в написании *bestead*].

blow — цветут.

boss — умбон, выпуклая накладка в центре щита.

broidure — вышивание.

burg — укрепленный город, город-крепость.

byrnie — кольчуга.

car — колесница.

* Данный глоссарий предназначен для англоязычного читателя. Тем не менее мы сочли необходимым сохранить его в русскоязычном издании, дабы наглядно проиллюстрировать использование Толкином архаизмов, а также авторское словотворчество. — *Примеч. пер.*

carle — простолюдин: поселянин или слуга.

chrysoprase — хризопраз, золотисто-зеленый полудрагоценный камень.

conch — витая морская раковина, используемая как музыкальный инструмент или для подачи сигнала.

cravenhood — трусость [по всей видимости, слово встречается только здесь].

damascened — инкрустированы или гравированы серебром или золотом; покрыты орнаментом из золота или серебра.

descry — разглядеть издалека, заметить.

diapered — украшенный ромбовидным узором.

dight — украшенный (чем-то).

drake — дракон. Др.-англ. *draca*.

drolleries — нечто забавное или смешное.

emprise — затея, предприятие.

fain — охотно, с готовностью.

fell — (1) жестокий, ужасный; (2) гора.

glistering — искрящийся.

greave — наголенник, часть доспеха.

hauberk — защитная броня, длинная кольчуга.

illfavoured — с отталкивающей внешностью, уродливый.

kirtle — длинное платье, ниспадающее до колен или ниже; туника.

lappet — складка одежды, здесь: лоскут.

leaguer/-ed — осаждать/осажденные [земли].

lealty — преданность, верность.

let — позволил, представился (*if occasion let* — если представился случай; *let fashion* — позволила сработать).

malachite — малахит, зеленый минерал.

marges — кромки, края, грани.

mattock — кирка, киркомотыга: ручное сельскохозяйственное орудие.

mead — луг.

meshed — опутали, оплели.

plash — плеск.

plenished — наполненный до краев.

puissance — сила, мощь, могущество.

reck — задумываться, заботиться, беспокоиться о чем-то.

rede — совет.

repair — часто отправляться куда-то.

repast — еда, снедь; трапеза; пир.

rowan — рябина.

ruth — печаль, скорбь.

sable — черный.

scathe — вред, урон.

sojourned — остался.

sward — дерн, лужайка.

swart — смуглый, темнолицый.

tarry/ied — задерживаться/задержался.

thrall/thralldom — раб, невольник/рабство, неволя.

twain — двое.

vambrace — наруч.

weird — судьба.

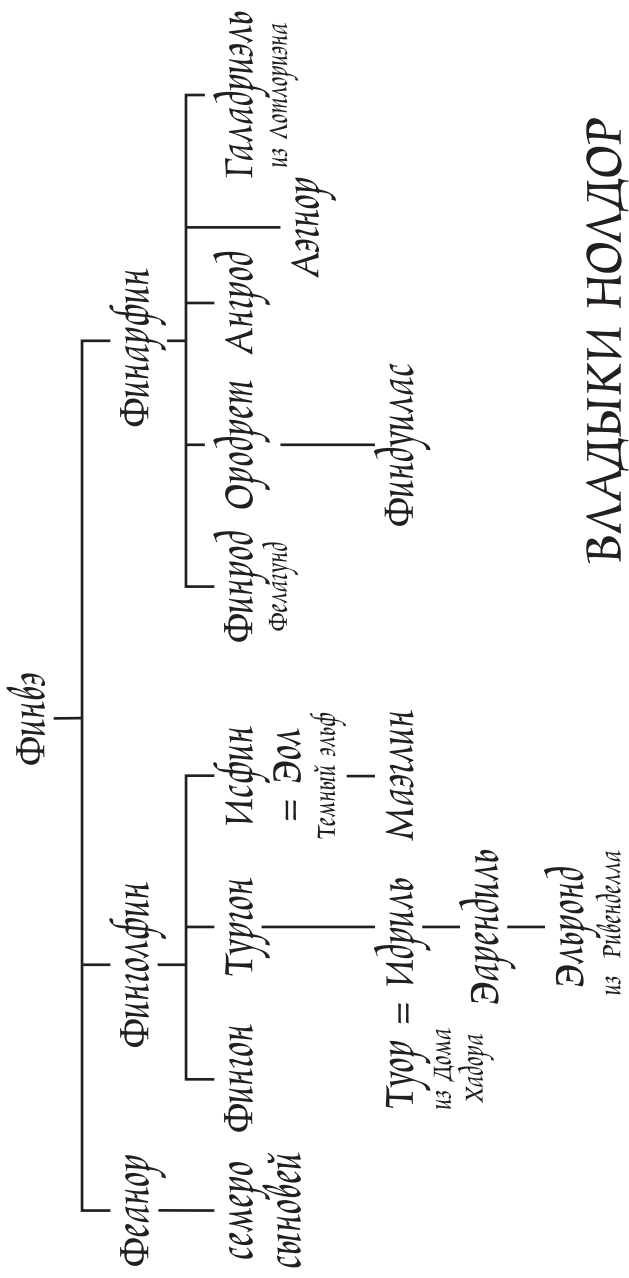
whin — утёсник, дрок.

whortleberry — черника.

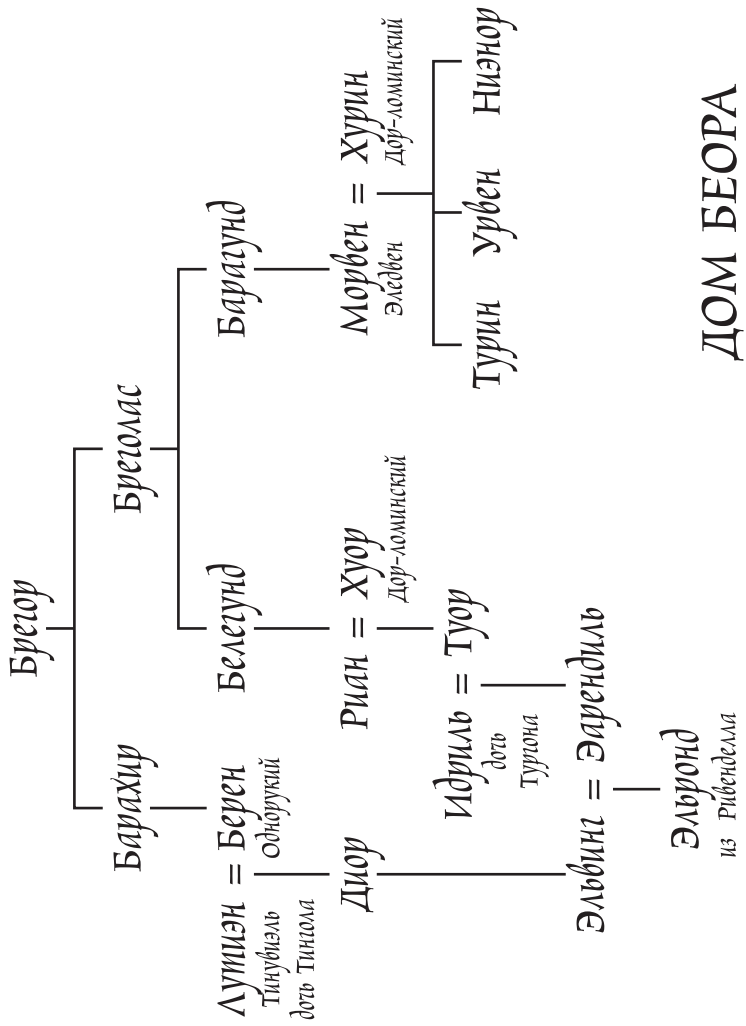
writhen — витой, кручёный.

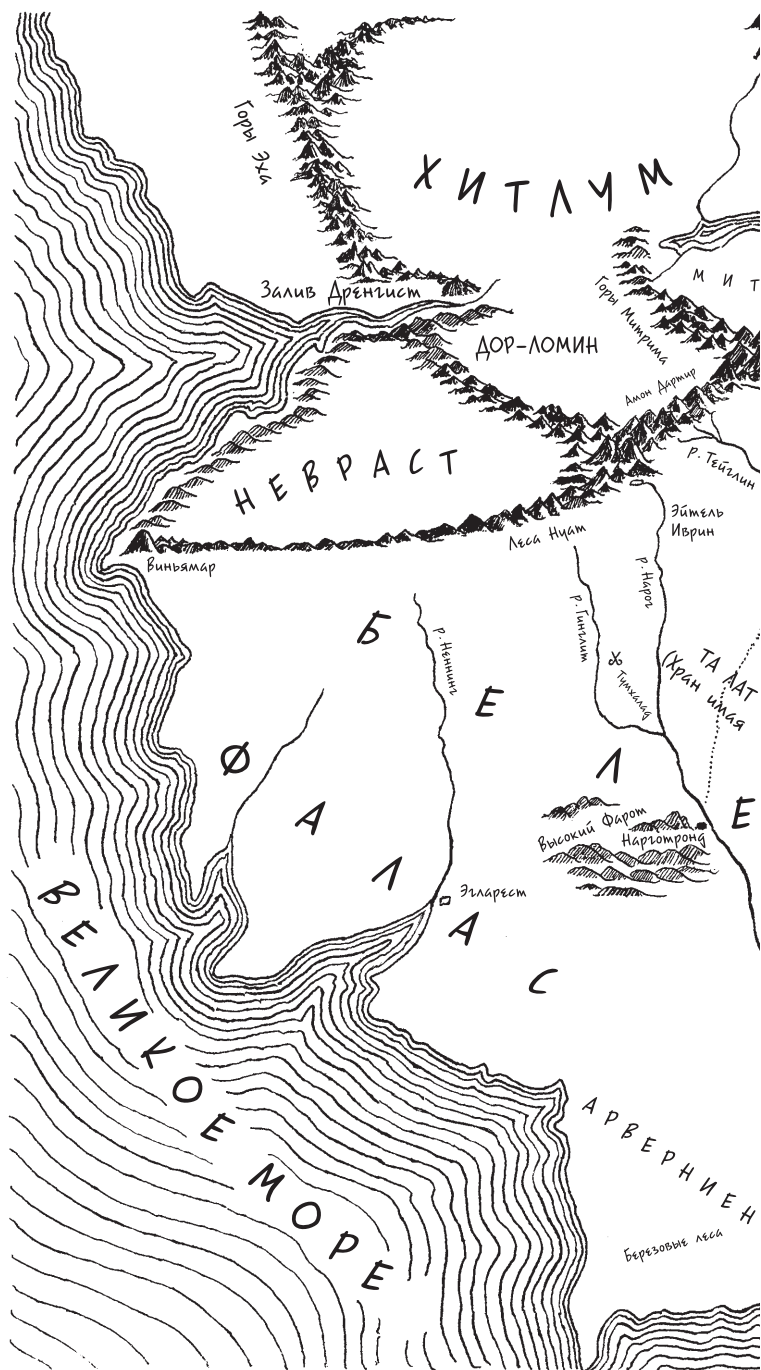

ВЛАДЫКИ НОЛДОР

ДОМ БЕОРА

[illegible]

Дирчең
равнина)

p

Зирмон

Врата
Сириона

P. Hapoz

Нимбремия

Устья
Сиринга

$$u_0 = u_1 = 0$$

11

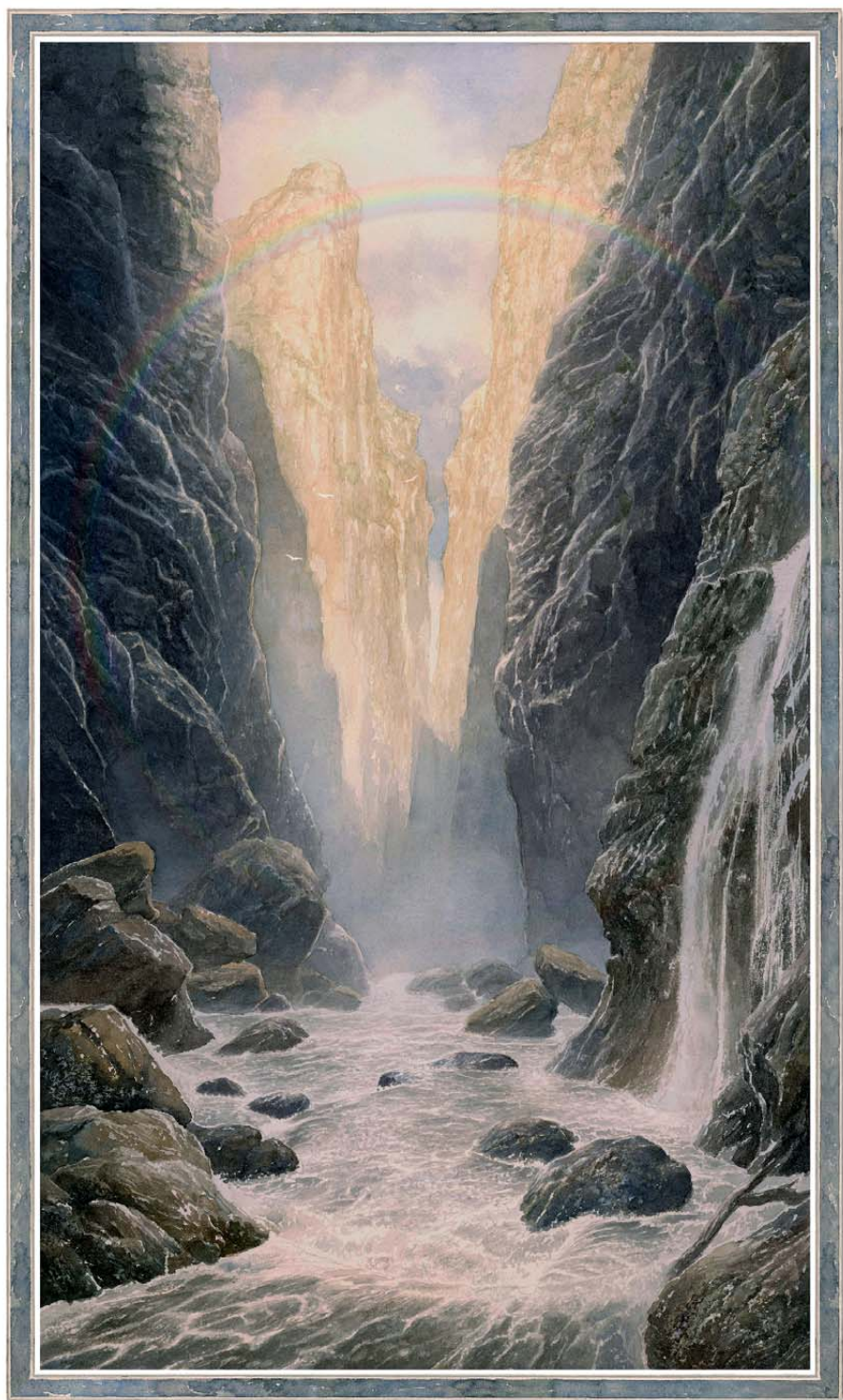
1

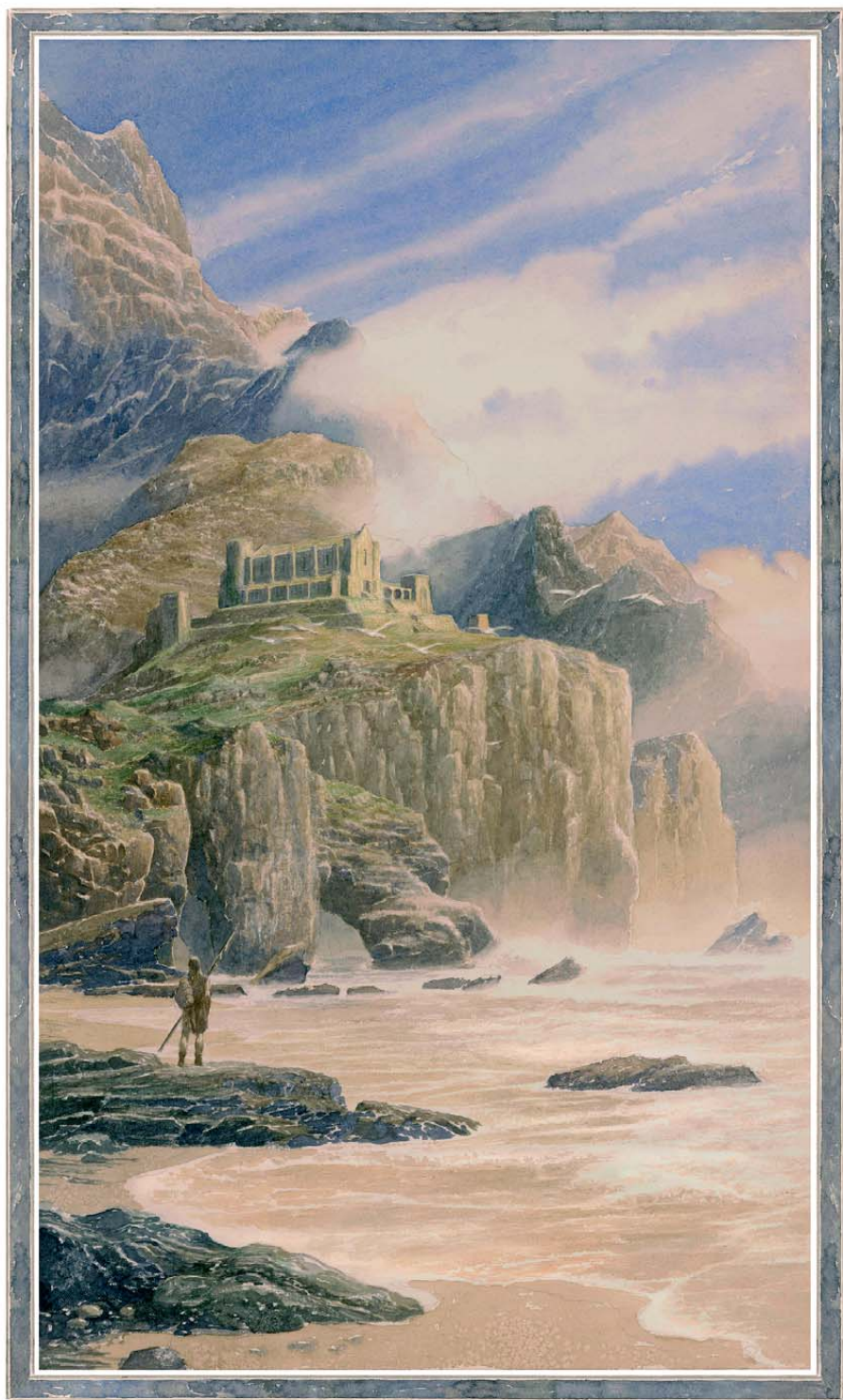

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Толкин Джон Рональд Руэл
ПАДЕНИЕ ГОНДОЛИНА

Ответственный редактор *В. Демичев*
Редактор *С. Лихачева*
Технический редактор *Т. Полонская*
Компьютерная верстка: *Р. Рыдалин*
Корректор *Ю. Николаева*

Подписано в печать 01.06.2021. Формат 60х90 ¹/₁₆.

Печать офсетная. Гарнитура Arno Pro.

Усл. печ. л. 20,0. Тираж экз. Заказ

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 – книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации

Изготовлено в 2021 г.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705,
пом. 1, 7 этаж.

Наш электронный адрес: **www.ast.ru**. Интернет-магазин: **www.book24.ru**.

Е-mail: **ask@ast.ru**. ВКонтakte: **vk.com/ast_neoclassic**.

Инстаграм: **instagram.com/ast_neoclassic**

«Баспа Аста» деген ООО

129085, г. Мәскеу, Жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 кұрылым, 705 бөлме, пом. 1, 7-қабат

Біздің электрондық мекенжайымыз: **www.ast.ru**

Интернет-магазин: **www.book24.kz** Интернет-дүкен: **www.book24.kz**

Импорттер в Республику Казахстан и Представитель по приему претензий
в Республике Казахстан — ТОО РДЦ Алматы, г. Алматы.

Қазақстан Республикасына импорттаушы және Қазақстан Республикасында наразылықтарды
қабылдау бойынша өкіл — «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы

қ., Домбровский көш., 3«а», Б литері офис 1. Тел.: 8(727) 2 51 59 90,91,

факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107; Е-mail: **RDC-Almaty@eksmo.kz, www.book24.kz**

Тауар белгісі: «АСТ» Өндірілген жылы: 2021

Өнімнің жарамдылық; мерзімі шектелмеген.

16+

ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ КНИГИ
ДЖОНА РОНАЛЬДА РУЭЛА ТОЛКИНА

ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ КНИГИ
ДЖОНА РОНАЛЬДА РУЭЛА ТОЛКИНА

